

Даресс Ломеуберг

Катастрофическая

История

О Тебе и Обо Мне

Annotation

Жизнь Бри заканчивается в шестнадцать лет: Ее парень говорит сообщает ей, что больше ее не любит и эта новость разбивает ей сердце... буквально. Но теперь, когда она становится ДУ (Давно Умершей), Бри узнает, что любовь гораздо сложнее, чем можно себе вообразить. Еще в Халф Мун Бей ее семья начала разваливаться. Лучшая подруга хранила секрет о парне Джейкобе; тот, кого она любила и потеряла.... и правда обличит сокрушительное предательство. И тогда то появляется Патрик, загадочный проводник и Заблудшая Душа.... кто может знать о ключе к ее вечности. С помощью Патрика, Бри предстоит пройти пять стадий скорби, прежде чем она сможет двигаться дальше. Но с чего начать, когда сердце разбито на части?

Джесс Ротенберг

Катастрофическая История о Тебе и обо Мне

Переводчики: NDobshikoVa

Редактор: Александра Стабровская

Часть 1

ПРАХ К ПРАХУ

Глава 1

Разве вы не (забыли обо мне) SIMPLE MINDS 1985

Всегда рано или поздно появляется некий парень, который становится твоей одержимостью. Не брат твоей лучшей подруги, что обычно держит тебя про запас. Или соседский мальчишка, с которым иногда просят посидеть. Я говорю о чем-то более грандиозном. Меняющем жизнь. Одержимость вроде «не могу есть, не могу спать, не могу делать домашку, не могу прекратить хихикать, не помню ничего, кроме его улыбки». В духе Уэсли и Лютика. Гарри и Салли. Элизабет Беннет и мистера Дарси. Та одержимость, что заставляет тебя переслушивать все эти любовные песенки 80-х годов, по типу «Это была любовь», «У меня от тебя захватывает дух», «Вечное Пламя» — все те, что обычно поешь в расческу-микрофон, надрываясь из последних сил вместе со своими лучшими подружками на очередной Субботней ночевке. Та же самая одержимость, о которой вы читали в дневнике своей старшей сестры, пока та была на свидании с парнем, и надеялись и молились, что с вами произойдет нечто подобное. Но когда это случается, вы совершенно и бесповоротно сходите с ума, теряя весь контроль над реальностью и всем тем, что было раньше — до того, как ОН появился в вашей жизни и разрушил все до основания.

Любовь — штука крайне подлая. Она незаметно подкрадывается к вам, пока вы отворачиваетесь, чтобы посмотреть, как мило смотрится ваша попа в новой паре джинсов. В ту минуту, когда вы отвлечены финальным тестом или поздравляете подругу с днем рождения, — в общем, вы сами не поймете, когда увязнете в ней по уши (спасибо тебе, Мэгги Эллиот). И вот теперь вам уже приходится играть роль Золушки, тогда как всем известно, что ведьмой быть лучше. Пока, однажды утром, вы не проснетесь и не поймете одну простую Истину: что какой-то парень... Парень, которого вы знали всю свою жизнь и даже не представляли в роли бойфренда; парень, которого никогда не считали симпатичным; парень, который отчасти придурок и всегда ходит в одной и той же майке; парень, который тащится от Властелина Колец, и только спит и видит, как бы набить себе татуировку с драконом на ногу, только стукнет ему восемнадцать, — внезапно — это ВСЕ, О ЧЕМ ТЫ МОЖЕШЬ ДУМАТЬ.

Проблема в том, что в самой идее «влюбиться» нет ничего забавного. Не-а. Нетушки. По большей части, ты лишь хандришь и чувствуешь, как сходишь с ума, становишься нервной от того, что все это закончится плачевно, и в итоге разрушит твою жизнь. И знаете, что? Так оно и происходит.

О да, пахнет он изумительно. И, да, ты таешь от его СМСок «спокойной ночи», а его глаза «таааааакие голубые». И да, он держит тебя за руку, пока вы идете на геометрию, и он понимает все твои маленькие странные секретки, а потом смешит тебя, и ты от смеха выплевываешь свой Маунтин Дью чуть ли не на него, — но тебе плевать, что это одна из самых постыдных вещей во всем мире. И, да, когда он тебя целует, остальной мир исчезает и мозг отключается, и ты чувствуешь лишь его губы, а все остальное не имеет значения. И да, он говорит, что ты красива, и внезапно, так оно и оказывается. Новая вспышка: Все это огромная суета и гигантский кошмар, и все это, словно бомба взорвется прямо у тебя под носом, а ты и понятия иметь не будешь, что с этим делать.

Любовь — не игра. Люди отрезают себе уши. Прыгают с Эйфелевой башни, продают все

свое имущество и переезжают куда-нибудь на Аляску, чтобы жить с медведями гризли, а потом их съедают, и никто даже не слышит их криков о помощи. Это точно. Влюбится — это то же самое, что быть съеденным живьем медведем гризли. Верьте мне, уж я-то знаю.

Ведь разве я не упоминала? Это произошло и со мной. Нет, это не значит, что меня съел заживо медведь гризли. То, как я ушла, было гораздо, гораздо хуже. Мне было пятнадцать, когда я умерла от разбитого сердца. Тут нет места городским легендам и мифам. Я стопроцентно толкую о Смерти от Разбитого Сердца. Нет, я не самоубийца. Нет, я не морила себя голодом. Я не подхватила пневмонию, разгуливая под дождем вся в слезах, не смотря на то, что я одержима Кейт Уинслет. Нет, я сделала это по старинке. Мое сердце, в буквальном смысле, РАЗОРВАЛОСЬ ПОПОЛАМ.

Ладно-ладно, знаю. Не думаю, что люди от такого умирают на самом деле. Но я живое (ну, может и не совсем) тому доказательство. Даже несмотря на то, что большинство людей винят в моей смерти шумы в сердце, которые у меня обнаружили с самого рождения. Даже когда я выросла, я не придавала этому большого значения — я всегда была совершенно здорова и никогда не принимала лекарств или запрещала себе заниматься спортом и все в таком духе. Вообще-то, я была полнейшей противоположностью. Я была сильной. Энергичной. Этаким сорванец. Я еще в седьмом классе решила вступить в команду по плаванию в старших классах. Но это было не важно. В конце концов, мое сердце все равно разбилось.

Меня звали Бри. Ага, как сыр. Это вроде бы забавно, все всегда представляют, что же у меня за родители: помешанные на сыре придурки с дочерью по имени Бри и сыном по имени Джек; вот только меня на самом деле звали Обри, а он был Джексон. За год до моей гибели, у меня все было отлично. Я жила в самом красивом месте на земле — Северной Калифорнии. В местечке, под названием Халф Мун Бей — сонном приморском городке, расположенном меж красными породистыми лесами и Тихоокеанским побережьем, в двадцати восьми милях к югу от Сан-Франциско. На заднем дворе у меня был в буквальном смысле пляж. У меня была идеальная семья: Мама, Папа и Хамлоф (нап бассет-хаунд) У меня были идеальные лучшие подруги: Сейди Руссо, Эмма Бривер и Тесса Хоффман. И у меня был идеальный парень: звезда легкой атлетики, вице-президент выпускников, Сексуальный-Мистер-Само-Совершенство, Джейкоб Фишер. Перед смертью у меня было все, и даже больше. Я была счастлива.

Но все изменилось в ночь на 4 октября, 2010-го — ночь, когда я ощутила ужасную боль в груди и рухнула прямо поперек обеденного стола Джейкоба. Ночь, когда меня не стало. Просто раз и все. БУМ. Игра окончена. Ты не прошла. Не накопила две тысячи очков. Таков конец жизни. Моей жизни.

В первые пару часов после своей смерти, я пришла к выводу, что все мои пробежки, плавание, лазание по деревьям и катание по крутым склонам Сан-Франциско не прошли мне даром. Должно быть, мое сердце оказалось слабее, чем все думали. Должно быть, со мной все-таки что-то было не так. Что-то, чего не смог предсказать даже мой отец (а ведь он — всемирно известный кардиолог). Я сделала свой последний вдох в понедельник. Не самый плохой день, между прочим, когда как все ворчат, что воскресенье кончилось. По крайней мере, я не нарушила ничьих планов на пятницу и субботу, так ведь? Разве я не умница?

Через пару дней соседи начали оставлять на крыльце всякую дрянь. Запеканки, пироги с заварным кремом или как они там называются. Кто-то даже оставил индейку, как на День Благодарения, прямо с пылу с жару, с начинкой и всем, как полагается. Наверное, так всегда

делают, когда кто-то умирает: оставляют кучу еды на пороге у скорбящих, чтобы семья не забывала поесть. Плохо, но они не учли того, что мы все вегетарианцы. Ну, за исключением Хамлофа. (Похоже, у него все-таки выдалась неплохая ночка тогда).

Джек взял на себя обязанности проверять каждый день крыльцо, особенно с тех пор, как Хамлоф повадился есть все, что не попадя, мелкий обжора. Мой брат всегда был хорош в подобных делах, всегда брал инициативу на себя, когда никто не просил об этом. Джеку было всего восемь, когда я умерла (и хотя я не уверена, что он понял, почему меня не стало) тем не менее, он уже был довольно взрослый, чтобы понять, что я не вернусь.

Оу, его лицо. Большие зеленые глаза и волнистые темные волосы, прямо как у меня. На левой щеке у него красовалась крохотная ямочка, да и та появлялась только тогда, когда он хихикал, — что он и делал, причем постоянно. Мы с братом стали лучшими друзьями с тех самых пор, как мои родители привезли его домой из больницы и дали его мне в руки. На холодильнике даже есть фотография: он в голубом одеяльце и чепчике, а я в пижаме Скуби-Ду и с всклокоченными волосами. С этого самого дня, мы стали друзьями. Товарищами. Мы были как в песне у Раффи «Яблоки и Бананы». Он единственный мог обыграть меня в игру «Четыре в ряд». Очевидно, что моя поминальная служба прошла так себе, но я думаю, самой тяжелой частью было наблюдать за Джеком, который сидел, уставившись в пространство. Он не плакал. Ему и не нужно было.

Заявилась вся школа. Миссис Беннер (моя учительница английского, которая походила на пикси² и доводилась мне соседкой с тех пор, как мне стукнуло шесть) сидела рядом с моей мамой и держала ее за руку. Мой отец был одет в угольной-черный пиджак и галстук, который я подарила ему на сороковой день рождения... с розовыми и лиловыми слониками. Выражение лица было суровым, усталым, и по темным кругам под глазами, я могла заключить, что он не спал несколько дней. Он сидел справа от мамы и крепко обнимал ее, будто боялся отпустить. Словно мама могла рассыпаться на кусочки. А быть, мог и он сам.

Я не удержалась и посмотрела на саму маму. То, как она разглядывала цветочную композицию в комнате. То, как ее кожа казалась потрескавшейся, словно грусть повлияла на ее поры. Пространство меж нами заполнял аромат ее розового парфюма.

Мама.

Я оглядела толпу, думая, как все же сюрреалистично сидеть перед столькими людьми. Подмечая все детали и удивляясь, почему больше половины из них не удосуживались сказать «привет», когда я была жива. Тем не менее, сейчас они все пришли. Аарон Уилси, парень с которым мы ходили вместе на географию: никогда не делал домашнюю работу и все время рисовал акул у себя в тетрадке. Лекси, которая начала подводить глаза жирным черным карандашом в первый же день девятого класса. Маккензи Картер, которая пару лет назад обрела Иисуса и отеклась от прошлой жизни. Интересно, верила ли она, что сейчас я вместе с ним? Наверное, ей от этой мысли было легче.

Сотни детей, друзей, родителей и учителей выстроились в ряды в аудитории средней школы Пасифик Крест, где я только что начала свой предпоследний класс. Потом я вспомнила: моя панихида была уже не первой. А точнее, второй. Первой была девушка на несколько лет старше меня, по имени Ларкин Ремзи. Она погибла в пожаре, после того, как оставила зажженную свечу в спальне на всю ночь. Я не говорила с Ларкин последние два года перед кончиной, зато наши семьи довольно хорошо общались, когда мы обе были еще маленькими — мы даже были подружками (прыгали на батуте на заднем дворе, катались на роликах после школы и прочий бред). У нее были шикарные темные волосы, и я научилась у

нее плести французские косы, которые более или менее подняли мой уровень крутости процентов на тридцать девять. Потом, когда она перешла в девятый класс, а я в седьмой, мы подрались из-за какой-то ерунды, так что я даже не помню, из-за чего мы обе отделились друг от друга. Я начала заниматься подводным плаванием, а она фотографией, да и вообще, заниматься своими делами. Ко времени, когда я перешла в старшие классы, она для меня стала лишь еще одним лицом в переполненном школьном коридоре. Воспоминания о том, как нам вдвоем было весело в детстве, лишь наводили на меня грусть. Но вся суть в том, что порой друзья то появляются, то исчезают из нашей жизни, как модные аксессуары... в одном сезоне одни, в другом уже другие. Тоже самое относится и к подружкам, так ведь, Джейкоб?

Помню то утро, когда услышала новости о Ларкин. Наш тренер собрал команду в шесть утра для тренировки, и я только-только выбралась из воды после практически совершенного переворота с трехметрового трамплина. Несколько моих знакомых по команде бешено шептались у раздевалки, так что я переплыла бассейн и вылезла, чтобы узнать, что происходит. Я практически ощущала весь тот адреналин, что витал в воздухе. Я стянула шапочку и начала вытираться полотенцем.

— Эй, Мо, что происходит? — прошептала я. — Курицы из Циклонов испугались соревнований?

Ее взгляд сказал мне, что я и близко не угадала.

— Пройшей ночью был пожар, — сообщила она. — Девушка из одиннадцатого класса погибла.

Я умолкла, полотенце выпало из рук.

— Кто? Кто умер?

Она положила руки мне на плечи, пока другие девчонки на нас пялились.

— Твоя прежняя подружка, вроде. Ларкин Ремзи.

Я до сих вспоминаю ощущения у себя в животе, когда слова сорвались с губ Морган. Помню, как капли холодной воды стекали у меня по спине, словно слезы.

Моя прежняя подруга. Ларкин Ремзи.

Мы всей семьей пришли на ее панихиду. Кто бы мог подумать, пару лет спустя мы все снова будем сидеть здесь... только на этот раз из-за меня. Те же самые белые фонарики были развешаны по всей комнате, мой гигантский портрет... футов десять в высоту, не меньше... был установлен в центре сцены. Фото было сделано у Джуди, всего лишь шесть месяцев назад, на дне рождения Джека. На снимке я была одета в голубой свитер, прямо на серую рубашку с подсолнухами, а волосы перехвачены блестящей синей заколкой. Папа, должно быть, как всегда застал меня врасплох одной из невероятно тупых шуток («Кого это ты назвал куском сыра?»), и я смеялась над ним, когда он сделал фото. Не моя любимая фотка, но тут, по крайней мере, на носу не красуется огромный прыщ и в зубах ничего не застряло, ничего такого неловкого. Мне по-прежнему было в диковинку видеть свое гигантское лицо перед такой большой аудиторией, когда миллионы глаз смотрят на тебя.

Затем, вероятно, наступила та часть, когда люди обмениваются своими воспоминаниями обо мне. Мой учитель химии, доктор О'Нил, все рассказывал, как я все время поджигала свой стол, пытаюсь создать электромагнит (невинный просчет, всего-то), и как я одной из первых всегда желала помочь какому-нибудь новичку с домашней работой после школы. Мой тренер по плаванию, Трини, поднялась вместе с подружками по команде, Элли и Мо, и рассказала историю о том, как на прошлогоднем финале против Сан Матео, я добавила два очка в копилку нашей команды своим выступлением, что обеспечило нам

первое место и гарантировало место среди региональных команд. Элли рассказала, как я одной из первых заходила в воду, а вылезала одной из последних. Мо рассказала о моих энциклопедических познаниях и несравненной любви к музыке (особенно к музыке 80-х годов), о моей страсти к Венди Фростис, и как сильно команда будет скучать по мне. Моя учительница испанского, миссис Лопез, выряженная в одно из своих расписных льняных платьев, рассказала всем, как однажды я перевела целую серию сериала «Друзья» на испанский и спела «Дранный Кот» всему классу. Она спела пару строчек из песни и все засмеялись, даже мои родители.

Дело в то, что все истории были забавными. Все воспоминания были приятными. На мгновение, можно было забыть, что это поминальная служба. У меня даже не возникало чувства, что кто-то умер. Не было ничего болезненного или угнетающего, или еще хуже, жуткого. Вообще-то, все проходило довольно весело — так было здорово слышать, как все меня любили. Я помню, как чувствовала себя глупой по этому поводу; думала, мне будет трудно на все это смотреть. Но атмосфера царила крайне легкая. Будто на вечеринке. На этот раз, я была звездой.

Потом Сейди, Эмма и Тесса поднялись со своих мест. Я смотрела, как они направляются к сцене, рука об руку. Они выглядели такими юными. Такими... живыми.

Хорошенькая, хрупкая Сейди, надела кольцо настроения, которое я ей подарила на тринадцатый день рождения. Волосы Эммы были убраны с лица, глаза были красные и распухшие. У Тессы на голове царил беспорядок из рыжих волос и веснушек, в руке она держала лилейник.

Мой любимый цветок.

Было дико видеть их троих вместе, без меня, словно вселенная лишилась своего баланса. Если сложить наши имена вместе, получались инициалы ЛУЧШИЕ, лучшие во всем. Когда мы были чуть помладше, папа звал нас Грозная Четверка. Вот только теперь четвертой не было. Они никак не могли знать, что я сидела на сцене всего лишь в паре футов от них, наблюдая. Как же мне хотелось сказать им, что все будет хорошо, даже если я сама не была в этом уверена. Вот только мертвые не могут говорить.

Мои подруги посмотрели друг на друга и сделали глубокий вдох. Затем Сейди начала петь. Ее голос был одинок, но так красив.

Я буду помнить тебя. А ты будешь помнить обо мне?

Не позволяй жизни проходить мимо. Стирая твои воспоминания.

На долю секунды, она запнулась на слове «воспоминания», ее чистое сопрано прервалось. Тогда Эмма и Тесса подхватили слова, взявшись за руки. Самые мои лучшие подруги во всем мире. Их гармония разбитого сердца эхом прокатилась по абсолютной тишине комнаты.

О Боже.

Я огляделась. Моя мама начала плакать, она вся тряслась. Папа пытался быть сильным. Слезы, однако, все равно текли по его лицу. Мама обнимала Джека. Взгляд бессмысленный и устремлен в никуда. Она зарылась лицом в его волосы. С первыми аккордами мелодии, весь зал умолк. Учителя, друзья. Дети, которых я любила; дети, которых ненавидела; дети, которых я даже не знала. Все плакали.

Оплакивали меня.

Потом я увидела *его*. Темные волосы немного отросли и были растрепаны. Темные голубые глаза устремлены в белый, покрытый линолеумом, пол. Мягкая, слегка поношенная

куртка North Face, к которой я прижималась столько раз. Совершенные губы. Губы, которые я целовала каждый день на протяжении одиннадцати месяцев. Он пробрался в самый конец зала, словно привидение. Но он не был призраком.

А я была.

Так я потеряла все.

Глава 2

Возьми еще один осколок моего сердца, детка

Когда я поднялась с больничной каталки и прочла свою карточку... Ту самую, которую заполняют после твоей смерти... Я увидела, как доктора записали время смерти (8 часов, 22 минуты.), а за ним последовали три слова, которые я никогда не забуду.

Острая застойная кардиомиопатия. Другими словами, сердечная недостаточность.

Я еще этого не знала, но доктор ошибся. Не сердце подвело меня. А кое-кто подвел мое сердце. Поначалу же, я так злилась на себя. Мне следовало быть более осторожной. Нужно было регулярнее проходить обследования у врача, принимать лекарства, а еще не выкладываться по полной на тренировке по плаванию. Потому что, в тот самый момент, когда я поняла, что умерла, я бы сделала что угодно... Да нет, даже все... только бы получить второй шанс. Все обещали мне хорошую, здоровую, нормальную жизнь. Отец обещал. Но я наблюдала за тем, как врачи сгрудились вокруг моего рентгеновского снимка груди... а я не могла отделаться от чувства растерянности. Все эксперты пристально смотрели на меня. Шептались. Кивали. Спорили.

— Что происходит? — спросила я.

Никто мне не ответил, поэтому я сама протиснулась к световому коробу с моим рентгеновским снимком, мимо всех этих белых халатов и стетоскопов, чтобы получше разглядеть себя. *Именно себя.* Я уже повидала великое множество рентгеновских снимков (папа приносил их домой, чтобы показать нам с Джеком различные отделы сердца), но такое я видела впервые. Ни одно из тех сердец на снимках не выглядело так, как мое сейчас. Что-то определенно было НЕ В ПОРЯДКЕ.

И когда холодное, недружелюбное изображение моего сердца уставилось на меня в ответ, я поняла, что они ошиблись. Не шумы в сердце убили меня.

Меня убило жестокое разочарование.

В одно мгновение, я перенеслась в тот вечер снова, и воспоминание хлопнулось, словно тонна кирпичей о стенки моего разума. Я ухватила за руку одного из врачей, чуть не упав от силы отдачи, что захлестнула меня. Но моя рука лишь прошла сквозь него, и я упала на пол. Он меня и не заметил.

Внезапно, я вспомнила последнее, что сказал мне Джейкоб, прямо перед моим падением на стол. Последние слова, которые я слышала, будучи еще живой. Четыре худших слова на английском языке за всю историю человечества.

Я не люблю тебя.

Прямо перед тем, как всеподернулось странной, болезненно-зеленоватой дымкой. Прежде, чем комнату заволочло темнотой. Прежде, чем ужасная, разрывающая, пульсирующая, жгучая боль пронзила мою грудь. Ничего подобного я не ощущала, да и вообразить не могла.

Я приложила руку к груди и прислушалась. Подождала. Но сердцебиения не было. Не было знакомого тук-тук, тук-тук. Не было ни-чего-го.

— Сердце не просто спонтанно разорвалось, — слышала я одного из докторов.

Хм, хотите заключить пари?

Я бы усадила их всех вместе и все популярно объяснила, будь у меня на это время. Быть может, если бы они оказались на моем месте в ту самую ночь и выслушали то, что пришлось

выслушать мне, — быть может, они тогда бы поняли, что такая смерть вполне возможна. Быть может, тогда бы они отбросили в стороны все свои научные факты и красные дипломы медицинских школ, и хотя бы на одну минутку попытались подумать сердцем, а не мозгами. Если б они так и поступили, я бы пропустила отвратительную процедуру вскрытия: ведь все, что требовалось доказать, висело прямо тут, перед ними, на моем рентгеновском снимке.

— Какие же вы все тупые, — пробормотала я, следуя за врачами, которые увозили меня на каталке к лифту в МОРГ. По правде говоря, в этом месте никому не захочется оказаться, в конце концов.

Морг сам по себе место жуткое, но поверьте мне, он гораздо хуже, когда на холодном и жестком столе морга оказываешь ТЫ, все на тебя смотрят, и... оу, да... ты — голая. Ну, быть может, не совсем я. На самом деле, я сидела на столе в другом конце комнаты, пиная ногой по металлической раме и кусая ногти. Наблюдая. Ожидая. Желая, чтобы хоть кто-нибудь меня услышал.

— Я прямо здесь, в черно-белом! — закричала я. — Разве вам этого не достаточно, люди?

Полагаю, нет.

Все это мне сразу не понравилось. Все это напоминало одно огромное вторжение в личную жизнь. Мне не хотелось, чтобы какой-то незнакомец разрезал меня, дабы все остальные могли заглянуть внутрь и найти все мои секреты. Мое разбитое сердце было лишь моей проблемой. Никак не их.

Вот только все это было ради моего отца, который так хотел разобраться. Мой папочка — безумный ученый. Для него моя смерть стала настоящей загадкой. Он никак не мог свыкнуться с этой мыслью, ему необходимо было увидеть все своими глазами. Даже не смотря на то, что мама просила его не делать этого, даже не смотря на все ее мольбы о том, чтобы он оставил меня в покое. Но он не мог похоронить дочь, так и не узнав всей правды. К несчастью для меня, существовал лишь один способ выяснить ее. И, в конце концов, я вынуждена признать, в тот самый момент, когда они разрезали меня, я и сама поверила в это.

Я не смогла смотреть, когда патологоанатом сделал разрез. Я крепко зажмурила глаза и задержала дыхание, в то время как его скальпель медленно и страшно, дюйм за дюймом двигался вниз по моей грудной клетке. Они вскрыли меня. *Всю меня.* От и до. Они заглянули во все уголки моего тела. Сделали все необходимые измерения. Записали все свои заключения. Будто мне это могло хоть как-то помочь.

Но когда они, наконец, пробились сквозь мою грудную клетку и добрались до моего практически шестнадцатилетнего сердца, быть может, их собственные тоже немного надломились. Собственно, все было как на рентгеновском снимке. Даже не смотря на то, что наука была не в силах это объяснить, ведь подобное происходило лишь в смазливых песенках о любви. Я бросила взгляд через плечо отца, на свое мертвое тело и не смогла оторвать взгляд. Вот оно.

Мое сердце.

Мертвое. Безмолвное. И разорванное на две равные половинки.

Глава 3

Сыр остается один

Меня похоронили через два дня после школьной панихиды. Знаете то скверное чувство, когда Суббота и Воскресенье — эти два совершенных, волшебных дня свободы, — заканчиваются? Приблизительно подобное происходит, когда минутная стрелка часов отмеряет свое мучительное тик-так-тик-так-тик-так, и ты понимаешь, что даже еще не начал делать домашнее задание. Это то же самое, только в пятьдесят тысяч раз хуже. Я говорю о Воскресном Вечере Блюза.

Мама попросила Сейди выбрать мое самое любимое платье и туфли для столь важного события, поскольку она была моим личным стилистом класса со второго. Платье было насыщенного лилового цвета и изготовлено из качественной цветастой ткани. По обеим сторонам были скрытые карманы, а сзади простая лента. Выбор обуви пал на классические черные балетки, но я обожала их, потому что они сияли на солнечном свете (эм, ну не то чтобы они так сильно сияли, когда я шла.) Было решено оставить мои волосы распущенными, чтобы те обрамляли мое лицо (прямо вылитая Офелия). Я чуть не обрезала их прошлым летом, но увидев себя лежащей вот так вот, я была рада, что не решилась на это. И последнее, но не менее важное, — девочки попросили моих родителей, чтобы те надели на меня цепочку с золотым кулоном в форме сердца, — мы все вместе, вчетвером, купили себе такие в маленьком магазинчике в Сан-Франциско под названием «Кроличья Нора» в лето перед старшими классами.

Я отчетливо помню этот день. Мы вчетвером обсуждали результаты нашего чрезвычайно важного теста «Кто ты из диснеевских принцесс?», удивляясь тому, какими точными оказались результаты. Ответ А: Сейди, очевидно, выпал образ Принцессы Жасмин. Она была храброй, и внешность у нее была довольно экзотическая (ее мама были израильянкой, в довершении ко всему, бывшей моделью) и она могла громко спеть «Целый новый мир» как никто другой. Ответ Б: Эмма оказалась Авророй из Спящей Красавицы, что вполне имело смысл, ведь она была: 1) блондинкой; 2) любительницей поспать; 3) невероятно милой — даже птички начинали петь, где бы она не появилась. Ответ С: Тессе досталась Ариэль, с чем нельзя было не согласиться — у нее были длинные рыжие волосы и парень из нашего класса по имени Эрик, буквально сходил по ней с ума. Забыла упомянуть, у нее жил рак-отшельник еще с начальной школы. Разве это не еще один плюс к сходству с Ариэль? (Ответ: не-а, не думаю)

А потом я.

Ответ Д: Белль. Совершенно не удивительно, поскольку мне всегда нравились здоровяки с пышной шевелюрой, еще со времен детского сада Большая Птица⁴ навсегда осталась в моем сердце. А еще я была большим книжным червем, и планировала, что мы вчетвером отправимся в путешествие по Европе, как только закончим школу. Эй, да бросьте! Должно же быть нечто большее, чем вся эта провинциальная жизнь.

Как только нам представилась возможность спеть соответствующие диснеевские песенки, девчонки и я наткнулись на «Кроличью Нору», в буквальном смысле круглое отверстие — вход в центре Мишен Дистрикт, в котором продавались всякого рода безделицы, начиная с кружевных перчаток, соломенных шляпок, антикварных ювелирных

изделий и заканчивая фарфоровыми чайниками. Все те вещицы, которые вы никогда не искали намеренно, но увидев раз, не могли пройти мимо. Что-то вроде наших кулонов. Наши цепочки были довольно одинаковыми: изящные, золотые, не слишком длинные, не слишком короткие..., но у каждой был свой кулон. У Эммы — колибри (смотрите выше на счет щебетания птиц), у Тессы — русалка (хотите еще доказательств? у нее таких было штук двадцать!), а у Сейди простая золотая звезда. Ее голубой мечтой было поступить в Джульярд⁵ и стать знаменитой актрисой, и у меня было ощущение, что, возможно, все так и будет. Просто она была одной из тех людей, которых знаешь слишком хорошо. С Сейди все было легко и просто. Я любила Эмму и Тессу как сестер, но моя связь с Сейди была из разряда тех, что не можешь описать словами. Она была чем-то большим, чем просто лучшей подругой или даже сестрой. Она была моей второй половинкой.

Я выбрала в качестве кулона маленькое золотое сердечко, потому что из всех я была самой сырной, живой, романтичной; я одна верила, что каждый отыщет свою вторую половинку, не смотря ни на что. И я одна так и не смогла дождаться счастливого конца. (О, извращенная ирония.)

В конце концов, я правда — правда была рада, что мой медальон остался при мне. Он напоминал мне о друзьях и доме. Он успокаивал и создавал ощущение безопасности. Особенно, когда закрыли крышку гроба.

— ... земля к земле...

Погодите.

-.. пепел к пеплу...

Прошу.

— ... прах к праху..

Нет, прошу, прекратите.

— ... покойся с миром...

Прощай, юная роза нового поколения. Прощайте, сияющие огни. Прощай, родной дом. Прощай, дыхание, прощай прикосновение и осязание, и объятия и... жизнь.

Свет погас. Стало темно.

Внезапно, я испугалась.

Затем толпа расступилась, и вперед вышел Джек. Он дернул священника за пальто.

— Можно мне сказать?

Мужчина кивнул. Забавно, что человек, которого я даже не знала, отправил меня в небытие. Джек повернулся лицом к друзьям и членам семьи; на всех солнцезащитные очки, повсюду бумажные платки, их обувь утопает в песчаной земле. По сравнению с ними, Джек выглядел таким маленьким. Маленький человечек в крохотном костюмчике. Мне хотелось подойти к нему. Забросить к себе на плечо, словно мешок с картошкой и убежать домой. Он начал плакать. Папа поспешил к нему и помог ему с речью, которую ту написал специально для меня, под названием «Дорогой Чеддер» (Одно из сырных прозвищ, которое я приобрела за эти годы). Я бросила последний взгляд. Мама, Папа и Джек. Три птицы в ряд. Три, вместо четырех.

Я посмотрела вниз. Это происходит на самом деле. Там, где раньше была я, образовалась пустота размером с девушку. Там, где была моя жизнь, зияла дыра. Дыра в темной, спокойной земле.

О, Боже.

Я, правда, правда, правда, не хотела идти туда.

Но я пошла.

Глава 4

Отпусти меня поцеловать небо

Я падала. Падала сквозь время, пространство, звезды, небо и все, что между ними. Я падала днями и неделями; такое чувство, что я падала целую жизнь. Я падала, пока не забыла, что падаю.

Когда я приземлилась, мир развернулся передо мной, словно бесконечная кровать... океан, сделанный из мягчайших простыней, теплых пледов и пушистых подушек. Я спала в вакууме снов и воспоминаний. Я видела различные города и фотографии семейных поездок, дней рождения, оцарапанные коленки, утро Рождества. Лучших подруг, балет, концерты, катания на коньках. Первые свидания. Первые поцелуи. *Первую Любовь.*

Затем, что-то зародилось в моей груди, я ощутила тупую пульсирующую боль. Странную пустоту. Боль там, где когда-то было мое сердце.

Я открыла глаза.

Глава 5

Долгая и ветреная дорога

Все было покрыто мраком. Все пролетало мимо меня со скоростью миллион миль в час. Деревья, скалы и океан с прожилками крошечных вспышек света, все автоматически проносилось мимо, словно кто-то переключал каналы. Мое лицо сильно ударилось о ледяное стекло, все гудело и дребезжало. Сиденье было жестким, спиной я ощущала каждую кочку и впадину.

Прыг, прыг, прыг.

Я села. Медленно отвела лицо от окна.

Воу.

Во всем теле ощущалась боль. Словно я пробежала марафон или получила пять разрядов дефибрилятором. Я дотронулась до щеки и почувствовала что-то мокрое.

О, Боже. Я что, пускала слюни?

Я потерла глаза, подняла руки над головой и потянулась. Желудок заурчал, когда я шлепнулась на сиденье и огляделась.

— Конечная остановка через пять минут, — раздался глубокий голос по громкоговорителю.

Я подняла взгляд и увидела старика в зеркале заднего вида. Очки с толстыми стеклами. Невероятно лысый, невероятно морщинистый. Одет в темную ветровку по типу куртки. На вид ему было лет сто пятьдесят. Определенно, он слишком стар, чтобы водить автобус.

Секундочку. Что я делаю в автобусе?

Я быстренько огляделась. Ладно, странно. Я была единственной в автобусе. Меня окружали пустые сиденья. Я начала ощущать тревогу — в это мгновение мой пульс должен был пуститься вскачь, а сердце забиться часто-часто. За исключением того, что его у меня больше не было. Я приложила ладонь к груди и ничего не ощутила. Я почувствовала пустоту. Странное ощущение пустоты.

— Эм, извините? — Мой голос был хрипловатым, поэтому я откашлялась. — Сэр? Не подскажете где это я?

— Безымянный Транзит. — На его лице залегли тени, когда мы выехали на шоссе.

— Куда мы едем?

— В Парк Койот Поинт.

Койот Поинт? Это вроде в двадцати минутах от моего дома.

Я бросила взгляд в окно, и попыталась разглядеть проплывающий мимо пейзаж, но было уже слишком темно, да и ехали мы слишком быстро. Я протерла запотевшее стекло, но и это не помогло.

— Как я сюда попала?

Он рассмеялся.

— Ты меня спрашиваешь? — его голос напомнил мне о моем дедушке, Френке. Саркастичный... но мягкий. Несмотря на то, что настроения у меня совсем не было.

— Секундочку! — Пропищала я, снова уставившись в окно, и подумала, что увидела нечто знакомое. Там что, вдалеке маяк? Быть может, Пиджен Поинт, где мы обычно играли с папой во фрисби? Я прижала нос к стеклу.

Так и есть! Разве нет?

Я окликнула водителя автобуса:

— Сэр? Не могли бы Вы отвезти меня домой, пожалуйста? Это недалеко. Мои мама и папа заплатят Вам за меня, клянусь.

Он продолжил ехать. Не отвечая.

— Сэр? — Я попыталась подойти к нему поближе, но автобус внезапно свернул, и меня отбросило на сиденья.

Прыг, прыг.

Я попыталась снова, постепенно продвигаясь по проходу.

— Сэр? Пожалуйста, сэр. — Я продвигалась сиденье за сиденьем, дюйм за дюймом, медленно продвигаясь по салону и пытаюсь не упасть в процессе.

Мои туфли слегка прилипали к полу. Словно кто-то пролил на него газировку и не потрудился убрать за собой. У меня ушла минута, но я наконец-то оказалась на сиденье прямо позади него. У меня слегка кружилась голова от укачивания.

— Извините, — попыталась я снова, на этот раз громче. — Не могли бы Вы подбросить меня до дома? Он на Магеллан Авеню 11, недалеко от Кабрилло.

— Не в моей компетенции делать внеплановые остановки.

Внезапно, я занервничала. Как же мне попасть домой? У меня нет с собой ни телефона, ни денег.

— Где все остальные?

Прыг, прыг, прыг.

— Уже слезли.

— Как долго я спала?

Прыг.

— Долго.

— Почему Вы меня не разбудили?

— Не моя проблема. — Он дотянулся до микрофона. — Последняя остановка через две минуты. — Громкоговоритель зафонил, издав пронзительный звук. Я поморщилась, закрывая уши.

Мы ехали в полной тишине, была ночь, пока я не почувствовала, как автобус закричал и перешел на более низкую передачу. Мы замедлялись. Шины захрустели, когда мы свернули на устланную гравием стоянку, над нами сиял красный неоновый свет.

Наконец, автобус замедлился. Он издал нечто похожее на вздох облегчения, когда дернулся еще раз и остановился в парке. Я протерла другое чистое пятно на запотевшем стекле, и попыталась прочесть странно знакомую неоновую вывеску.

Погодите. Что?

В мгновение ока, у меня закружилась голова и забытые образы, звуки и запахи ворвались в сознание. Торнадо горячей, разрывающей боли, падающих звезд и бездонных черных дыр. Смеха и слез, отголоски мальчишечьего крика через затуманенное шоссе, заваленное обломками разбитого мотоцикла. Свечи и клаустрофобия, земля, огонь и грязь, просачивались, прожигая дыры.

Я схватилась за голову. Мой мозг будто бы хотел взорваться. Толчок.

Выпустите меня.

Скрежет.

Помогите мне.

Терзание.

Прошу.

Безмолвие. Тишина. Усталость. Тьма. Бесконечность.

Голос старика возник из ниоткуда, отрезвляя меня.

— Вот и всё, все ушли.

Я, дрожа, проглотила комок в горле. Жжение и боль прошли так же быстро, как и возникли.

— Где я? — прошептала я.

Нигде. Я — нигде.

— Конечная остановка. — Он потянулся к желтому рычагу и дернул его, тот с хрюканьем поддался.

Когда дверь автобуса распахнулась, повеяло прохладным воздухом, и я обратила внимание на знакомый запах океана, смешанного с полевыми цветами. Только теперь, в нем возник какой-то новый оттенок. Что-то вроде грязи. А еще от него несло холодом. Я обхватила себя руками и пожалела, что на мне нет куртки. Нет, моей толстовки. Той самой, с пингвиненком.

У меня по-прежнему оставался еще один вопрос, но что-то подсказывало мне, что ответ мне не понравится.

— Сэр?

Его дымчатые глаза впились в мои, когда я сделала долгий, нервный вдох.

— Какая остановка конечная?

Он кивнул на открытую дверь:

— Добро пожаловать в вечность.

Глава 6

О рай — это место на земле

Рай. (Что-то вроде того?) Я не совсем уверена, как представляла себе всю эту Загробную Жизнь, но я была совершенно уверена, что это каким-то образом связано с пушистыми облаками, гигантскими водяными горками и золотистыми щеночками, а я буду день-деньской рассекать на вороном жеребце.

Не совсем.

Я вышла из автобуса и огляделась. Ладно, я уже определенно не на земле. То есть, по ощущениям, это была земля. Да и выглядела как земля. Думаю, на вкус это тоже была земля, звучит, конечно, странно. За исключением воздуха — он был чище и слаще, что твой кленовый сироп или тыквенный пряный латте.

Хамлоф, думаю, мы больше не в Канзасе.

Взвизгнув шинами, автобус тронулся с места, а я осталась совсем одна на жуткой стоянке без куртки, телефона или друга в этом мире... Внезапно, я ощутила, что под всей этой сладостью в воздухе витает нечто совершенно иное. Что-то кислое и протухшее. Некое послевкусие.

Потом я поняла.

В воздухе витал аромат увядших цветов.

Нет, увядших роз.

Как у меня на похоронах. Как тех, что положили на мою могилу, когда меня закопали. Я до сих пор слышала глухое тук-тук-тук, как один за другим цветы падали на крышку моего гроба. Я до сих пор помню, как они пахли вначале и после, спустя часы, дни и даже недели.

Отвратительно, гнилостно, сладко.

Внезапно, чем больше я думала об этом, тем больше понимала, что их запах был повсюду. На языке, в носу, даже в глотке... он душил меня мыслями о смерти, об увядании розовых лепестков. Меня затошнило, хотя у меня в желудке уже ничего не было. Но это было неважно. Меня все равно вырвало.

Я закашлялась и упала коленками на асфальт, пыль и грязь затуманили зрение, волосы и легкие; спазмы продолжались до тех пор, пока единственное, что я смогла сделать — это свернуться в клубок и перетерпеть, пока закончится весь этот ужас. Каждую частичку моего тела разрывала боль, словно вселенная взорвалась у меня в черепе, или же мое тело пыталось разорвать само себя изнутри, чтобы отстроить все заново. Чтобы создать некую извращенную версию меня.

Вся королевская конница и вся королевская рать, не смогли Бри собрать.

Когда худшее осталось позади, все на что я была способна — это лежать на земле, возвращаясь в сознание и, периодически, теряя его, испытывать странную смесь отрывистых воспоминаний. Например, как нос Джека морщился, когда он улыбался. Как Хамлоф гавкал и гонялся за своим хвостом. Холодные, зеленоватые волны Тихого океана. Я словно была нигде и везде одновременно.

Вот мне двенадцать, я еду с отцом на красном кабриолете, и мы подпеваем группе Бич Бойз песню «Одному Богу Известно».

Мне девять, я перепрыгиваю через пульверизатор с Сейди, Эммой и Тессой; мы смеемся от того, что Хамлоф гоняется за нами и цапает нас за голые ноги.

Мне пятнадцать, я еду на мотоцикле с Джейкобом на пляж Меверикс. Была последняя ночь лета. Ночь, когда он, обхватив мое лицо руками, признался мне в любви.

Внезапно, меня окатило жаром, и я открыла глаза, зажмурилась и снова попробовала открыть глаза. На мгновение все было черным. Но вскоре, сквозь тьму перед глазами начал пробиваться красный свет, словно пара кривых рук, заставляя меня следовать за ними. Наконец, я увидела источник света: знакомый неоновый знак, мерцающий и мирно жужжащий в темноте. Я прищурилась, чтобы прочесть надпись. Наконец, мне это удалось:

Маленький Кусочек Рая.

— А? — Горло першило, и туда попала пыль. — Пиццерия?

Я лежала на асфальте, замороженная жутким мерцанием вспыхивающего света, падающего на меня. Эта пиццерия была самым любимым местом моей семьи. Традиция семьи Иган из года в год, даже не смотря на кафельный пол, и мерзкие кабинки из семидесятых — все в оранжево-коричневую полоску с дырками, словно тут уже тысячу лет не было ремонта. Не скажу, что тут подавали лучшую в Сан-Франциско пиццу. Зато это была лучшая пицца на всем Восточном Побережье. Быть может, даже во всем мире. И все потому, что закусочная была через дорогу от океана, около восемнадцати футов над уровнем моря; в общем, вид был потрясающий. Или, как всегда говорил Папа, «небесный».

Это все всего лишь сон, сказала я себе. Я сейчас в кровати, в безопасности, сплю. Хамлоф рядом со мной. Джек внизу. Все в порядке. Но опять же, что за безумный кошмар? Я, наверное, съела что-то не то. Или все из-за теста по истории. Или я зубы забыла почистить. За исключением того, что я вспомнила.

Джейкоб. Я поругалась с Джейкобом.

Я сунула руки в карманы.

Пусто.

Я огляделась в поисках таксофона. Я должна позвонить ему. Я знаю, он сожалеет. Я знаю, что он вовсе не хотел...

Мой желудок издал бесконтрольный безумный рык, прерывая ход моих мыслей. *Воу, стоп.* Полагаю, я была голоднее, чем думала. Медленно, очень медленно, я поднялась на ноги. Я переставляла ноги одну за другой, приближаясь к знакомой стеклянной двери. С каждым шагом я становилась все дальше от своей семьи и друзей на земле, и все ближе к красному неоновому свету. Я постаралась не думать об этом.

Когда я подошла поближе, я заглянула в окна. Внутри все казалось как обычно. Потрескавшийся пол, плохое освещение, скрипучие потолочные вентиляторы, осыпавшаяся желтая краска, миллион картонных коробок из-под пиццы в углу. Я проигнорировала тот факт, что любимая кабинка моей семьи была пустой, хотя приложи я немного усилий, я могла представить их себе там. Воспоминания о маме, которая смеялась, пока папа и Джек кидались пакетиками сахара через весь стол. Слезы покатались из глаз, и я опустила взгляд на свои балетки.

Я скоро их увижу. Я скоро буду дома.

Я не была уверена, что хочу войти внутрь, но из-за урчащего желудка и довольно ограниченных возможностей, это казалось мне лучшим выходом в данной ситуации. Плюс, запах свежее испеченной пиццы убивал меня. Ну не каламбур ли. Я сделала глубокий вдох, толкнула стеклянные двери и вошла внутрь. Почти сразу же, запах томатного соуса, хрустящей корочки и тающей во рту моцареллы охватили меня. Оу, вау, невероятно хорошо. Я вдохнула запах, позволяя ему согреть меня.

Ням, ням-ням, ням.

В кабинке справа от себя я увидела девушку, примерно моего возраста, она листала страницы журнала Космо. Она была одета в стиле что-то между Принцессой Панка и хипстером из Сан-Франциско: кудрявые светлые волосы неудачно и довольно небрежно подстрижены, глаза густо подведены черным, руки увешаны браслетами; они звякают каждый раз, когда она перелистывает страницу.

Джангл, кранк. Кранк, джангл.

Я закатила глаза.

В той же самой кабинке сидел маленький мальчик в гарвардской толстовке, он выглядел лишь на пару лет младше Джека. Его веснушчатое лицо уткнулось в Nintendo DS, замершее в некоем виртуальном трансе. Я не смогла отделаться от чувства грусти, наблюдая, как его пальцы порхают над клавиатурой. Ему было пять или шесть, чтобы одному остаться в подобном месте.

Опять же, мне было всего пятнадцать.

В другом конце комнаты девчонка в цветастой шляпке с головой ушла в любовный роман, а через три столика от нее, парень, одетый в форму нападающего разговаривал с девушкой с волосами кислотного цвета, в шипованном ошейнике и черной помадой на губах.

Ладно, странно.

Я никогда прежде не встречала всех этих людей. Не узнав ни единого лица, даже не смотря на то, что подобное было частью моей прежней жизни. Я ощутила себя отчасти странно от того, что комната была полна незнакомцев, и никто не заметил меня.

Я направилась к маленькой кабинке в самом углу, где кто-то позабыл Волшебный Шар на столике. Я улыбнулась. По-крайней мере, КОЕ-ЧТО остается неизменным. Моя семья обожала совершать набеги на магазин, собирая всякий мусор: светильники, пепельницы, торговые автоматы, странные картины, оленьи головы с рогами... разные безумные вещицы, в общем. Годами, я собирала всякого рода барахло, которое вряд ли кому-то понадобится, но которое никто не выкидывает. Это было потрясающе.

Я посмотрела на шар и задала лишь единственный вопрос, который мог прийти в голову.

Я уже могу пойти домой?

Затем я взяла его в руки и осторожно потрясла, наблюдая, как маленький треугольничек с ответом всплывает, словно пузырек воздуха. Через секунду, ответ появился в прозрачном окошке.

НЕ РАССЧИТЫВАЙ НА ЭТО.

Я положила Волшебный Шар на столик, на этот раз не так осторожно.

Без разницы. Волшебные Шары — чепуха.

Внезапно, я ощутила себя невидимой. Позабытой. Словно вселенная сыграла со мной по-настоящему злую шутку, а ведь я даже не сделала ничего такого, чтобы заслужит подобное. Я крепко зажмурила глаза, молясь чтобы кто-нибудь... хоть кто-нибудь... вошел в эти двери и отвез меня домой. Чтобы этот ужасный бесконечный сон закончился.

— Пусть я окажусь дома. Пусть я окажусь с Сейди. Пусть мне попадет самый трудный тест по алгебре всех времен и народов. Только пусть я окажусь где угодно, только не здесь, — тихо умоляла я вселенную. — Пожалуйста.

Но когда я открыла глаза, маленький мальчик по-прежнему играл в видеоигру. Браслеты по-прежнему брнчали. А защитник все еще пытался забить Леди Гота. Я подумала, что

земля под моими ногами сейчас разверзнется. На самом деле, мне этого даже хотелось.

Звук жужжащего телевизора отвлек меня от жалости к самой себе, и я бросила взгляд в сторону задней части ресторана, там, где стояли огромные пачки коробок для пиццы. В углу, в поношенных армейских ботинках на клетчатом столике, сидел парень лет семнадцати и возился со старым пультом от допотопного телевизора, пытаюсь переключить канал. На долю секунды наши взгляды встретились, и у меня по спине пробежали мурашки, будто бы я соприкоснулась со статистическим электричеством. У него были темные глаза... не совсем карие, да и не вполне зеленые... словно они и сами не решили, какими быть. У него был великолепный калифорнийский загар, словно он все лето провел, занимаясь серфингом. Золотисто-каштановые волосы были коротко обрезаны, и когда он пошевелился, я заметила, как солнце блеснуло в его волосах.

На мгновение я засмотрелась на него, пытаюсь понять, почему он кажется мне знакомым. Армейские ботинки. Выбеленные джинсы и выцветшая серая футболка. Очки-авиаторы болтаются на вороте. Но самое потрясающее из всего вышеперечисленного: куртка. Коричневая кожа, массивные карманы, трикотажные манжеты... даже воротник из искусственного меха.

Затем я поняла. Знакомым было не лицо, а одежда! Парень оделся на манер восьмидесятых. Словно летчик-истребитель. Как Том Круз из фильма Топ-Ган, лучший фильм ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ.

Я тихо рассмеялась, ощущая себя глупой. В голове сразу же возникла песня, и я не смогла удержаться и начала тихонько ее напевать.

На путиииии к... упс, опасность!

Пока я не заметила его шрам. Глубокий и неровный, начинающийся от запястья и исчезающий под рукавом.

Фуу.

— Все новые души должны регистрироваться у стойки, — женский голос внезапно прервал мой внутренний монолог.

Я обернулась и увидела седовласую женщину азиатской внешности, сидящую на высоком стуле за стойкой пиццерии. Она разгадывала огромный кроссворд, лежащий перед нею; на ней также были надеты очки в модной красной оправе, которые сползли практически на самый кончик носа.

— Имя? — На этот раз, она посмотрела прямо на меня, голос звучал усталым и раздраженным.

Я стрельнула глазами вправо, влево. Казалось, всем в комнате было наплевать. Она определенно говорила со мной.

— Эм, Бри Иган.

— Ты опоздала.

— Да?

Она показала на часы на стене над моей головой, которые очевидно давным-давно остановились.

— Простите.

Леди с Кроссвордом махнула мне рукой.

— Не важно. Поди присядь. Заполни бумаги. Если хочешь, помоги мне с кроссвордом.

Мой живот снова заурчал, на этот раз даже громче, чем прежде. Я оглянулась на двойника Тома Круза, который променял пульт от телевизора на довольно аппетитный кусок

пиццы.

Оуу, что это, артишоки или томатный соус?

Он не сводил с меня глаз, пока медленно... намеренно, откусывал толстый кусок пиццы.

Чомп. Чомп. Чомп.

Леди с Кроссвордом зыркнула на меня с табурета.

— Сперва, заполни бумаги, потом поешь.

Воу. Чтение мыслей?

Я поднялась с кабинки и медленно направилась к стойке, немного недовольная. Я выдвинула табурет и села, затем стала наблюдать, как женщина достает новую папку с файлом и пишет мое имя на вкладыше. Я разглядела вены на ее белоснежных руках, пока она доставала лист бумаги и прикрепляла его к держателю, затем пододвинула его ко мне через всю стойку.

— Мне нужно лишь, чтобы ты заполнила этот бланк.

— Думаю, здесь какая-то ошибка.

Она посмотрела на меня.

— Сомневаюсь.

— Но тут все неверно. Я чувствую себя отлично.

Она рассмеялась:

— Ты и все остальные здесь. Теперь, заполняй бумаги.

Я скрестила руки на груди и закусила губу, чувствуя как пятилетняя, капризная версия меня выплывает на поверхность из недр моего подсознания.

— У. Меня. Нет. Ручки.

Она показала на мою правую руку.

— Есть.

Прежде чем я начала с ней спорить, я поняла, что ручка у меня была. Прямо в руке, хоть начинай писать. Я чуть не упала со стула.

Как она там оказалась?!

Самая странная часть? Поняла я. Нет. Ни за что.

Это была та самая ручка, что у меня когда-то в третьем классе. Когда я была совсем еще дурочкой, которая от волнения не могла заснуть перед Первым Школьным Днем. Сверху ручка была белой, снизу голубой, с шестью (шестью!) разноцветными пастами, зависит от того какой выберешь. Можно было нажать сразу две кнопочки и смешивать цвета. (Уж я-то знаю). Для книгоманки-третьеклассницы, которая провела все лето, практикуя свою подпись курсивом, эта ручка была эталоном красоты. Я забыла ее на столе в Пятницу днем, но когда я начала искать в Понедельник утром, ручка пропала. Мы говорим сейчас о Настоящей Трагедии Начальной Школы. Но потом, при весьма подозрительных обстоятельствах, Хлоя Лутц — девчонка с косичками, появилась в школе с похожей (я имею в виду абсолютно такой же) ручкой пару дней спустя.

Так это была ты, Хлоя?

Я знала, что это она взяла ее. Эмма, Сейди и Тесса знали, что она взяла ее. Не ябедничать на нее был не вариант, потому что наша учительница — Миссис Арден не приветствовала это. Я хотела поговорить с ней на перемене, но поняла, что идея была не ахти (учитывая, что она на голову была выше меня), плюс у нее был коричневый пояс по карате. В конце концов, я провела остаток года наблюдая, как Хлоя нажимает на кнопочки

моей обожаемой ручки, меняя цвета. Красный! Нет, голубой! Оу, разве это не весело?

Да, Хлоя Лутц, это, конечно же, весело. Очевидно, поэтому я ее купила.

А сейчас, все эти годы спустя, я оказалась здесь, в обшарпанной пиццерии Халф Мун Бей, мертвая с самого понедельника и у меня в руках Самая Лучшая в Мире Ручка. ТАК странно.

Я устала на листок передо мной. Нажала на зеленую кнопку и начала заполнять ответы.

ИМЯ: *Обри Элизабет Иган.*

ДАТА РОЖДЕНИЯ: *1 Ноября, 1994 года*

ДАТА СМЕРТИ:

Я остановилась, бросая взгляд на Леди с Кроссвордом, которая вернулась к своему журналу. Лицо было сосредоточено. Я перешла к следующему вопросу.

ПРИЧИНА СМЕРТИ:

Я снова остановилась, кусая губу. Пару секунд спустя, я написала ответ.

Злобный мальчишка, заслуживающий мучений.

Ниже, РОДИТЕЛИ, ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ, ПРОЧЕЕ:

Оууу, Хамлоф. Как бы мне хотелось, чтоб сейчас ты оказался со мной и покусал эту даму, которая заставляет меня отвечать на эти тупые вопросы.

За всем этим последовали и другие вопросы.

АРАХИСОВОЕ МАСЛО ИЛИ ЖЕЛЕ: *арахисовое масло, конечно же.*

КОФЕ ИЛИ ЧАЙ: *Чай.*

Потом, в самой последней строчке:

НАДЕЖДЫ, МЕЧТЫ, ЛЮБИМОЕ МОРОЖЕНОЕ:

И нахлынули воспоминания.

Глава 7

Твоя любовь лучше мороженого

Джейкоб Фишер и я впервые повстречались когда мне было четыре, а ему пять, но разговора тогда у нас как такового не вышло, пока мне не исполнилось одиннадцать, а ему двенадцать. Когда мы были маленькими, я о нем знала лишь то, что он рос типичным мальчишкой (монстры и ковбои, пукание — боже упаси.) Он был шумным и чумазым, всегда копался в разном барахле на заднем дворе у мамы Сейди после школы. Один из тех мальчишек, с которыми не хочется сидеть рядом в ресторане или самолете.

Мы выросли. Никогда особо не разговаривали. Не то чтобы я никогда не думала о нем. Мальчишки меня редко интересовали, мне они казались пришельцами с другой планеты, и я не хотела иметь с ними ничего общего. В любом случае, мы были слишком заняты катанием на велосипедах и дайвингом (это я), гимнастикой (Тесса) и балетом (Эмма и Сейди).

Так и было, пока одним сентябрьским днем, пару лет спустя, старшая сестра Джейкоба, Майя, позвонила в нашу дверь. Открыла ей именно я.

Глупо. Глупо. Глупо.

— Привет, Бри!

Майя Фишер: высокая, курчавые волосы. Инвизилайн^б. Серебряные серьги-обручи. Оранжевые кроссовки.

Оуу. Хочу такие же.

— Привет, Майя, — ответила я, жуя дынную жвачку Блоу Поп. Я пыталась научиться не надувать пузырь слишком быстро.

— Твоя мама дома?

— Ага.

— Можно с ней поговорить?

— Конечно. Зачем?

— Я начинаю подрабатывать нянкой. Хотела узнать, твои родители не ищут няньку.

Я прислонилась к дверному косяку.

— Мне нравятся твои кроссовки.

— Спасибо.

— Бри? — раздался мамин голос наверху. — Милая, кто это?

— Это Майя Фишер! — крикнула я в ответ. — Она хочет знать, не нужна ли нам нянька! — Затем я рассмеялась и вбежала внутрь.

Вышло так, словно все решила судьба: маме и папе нужно было, чтобы кто-нибудь присмотрел за Джеком и мною в пятницу вечером. У отца был намечен ужин с коллегами по работе, так что мама наняла Майю посидеть с нами в ту ночь.

— И еще одно, — сказала Майя, — можно я приведу с собой младшего брата? Я пообещала маме, что и за ним присмотрю, если можно.

— Ну, конечно же! — воскликнула мама. — Мы закажем еду из Бо-Бо.

Очевидно, я больше ждала бургеров из Бо-Бо и просмотра «В поисках Немо» в семьдесят седьмой раз, чем прихода в наш дом Майи Фишер и ее брата, Джейкоба.

Джейкоб Фишер: Ничего особенного. Просто парнишка из школы. Тот самый паренек, с которым мы вместе играли на детской площадке.

Если б я знала все заранее.

Мама с папой как всегда опаздывали, когда в пятничный вечер в семье Иган раздался дверной звонок. Я лежала у себя на кровати, болтая с Тессой по телефону, выслушивая очередные причины, почему стоит влюбляться в Эрика Райана.

— Видела его в бассейне на дне рождения у Бетани? Тебе не кажется, что он плавает на спине как бог?

(Что я говорила? Ариэль)

Я слышала, как мама внизу здороваются с ними. Услышала, как захлопнулась дверь, когда вошли Майя и Джекоб и начали свою экскурсию по дому. Я слышала, как открылась и закрылась гаражная дверь, когда мама с папой уехали на ужин.

Когда я спустилась, я увидела, что Майя разлеглась на диване и смотрит МТВ, а мой четырёхлетний братишка играет в ЛЕГО.

— Привет, Бри! — Широкая улыбка. — Голодна? — Она глянула на телефон. — Бо- Бо будут здесь с минуты на минуту.

— Привет, — ответила я. — Спасибо, да, звучит здорово. — Я прошла мимо Джека и присела на ковер рядом с ним. — Привет, Джексон Хоул, что делаешь?

Джейкоб сидел рядом с моим братом и тоже играл в ЛЕГО. Представьте меня: немного полноватая, слегка кудрявая, в спортивных шортах, очках в черепаховой оправе, примерно раза в три больше моего лица. А теперь представьте его: высокий (ладно, ну, для двенадцатилетнего), каштановые волнистые волосы, веснушки на кончике носа, кривые зубы. Всего лишь мальчишка. Всего лишь мальчишка в майке скейтбордиста. Всего лишь мальчишка в майке скейтбордиста, играющий в ЛЕГО. Он даже не смотрел на меня или как-то отдаленно признавал мое присутствие. Не смотря на то, что он был в моем доме. На моем ковре в гостиной. Играл с моим младшим братом. Уфф, типичный козел.

— Я строю космический корабль, — гордо объявил Джек. Он поднял свою постройку ЛЕГО, которая была похожа скорее на стегозавра, чем на космический корабль.

Я рассмеялась.

— Оу, хорошая идея, Джек. Может мне построить космическую станцию Венди, чтобы астронавты смогли заказывать Фрости по прибытию на луну.

Джейкоб фыркнул и скривился.

— Бен и Джерри было бы лучше.

Я повернулась к нему, широко распахнув глаза.

Прошу прощения? Ты осмелился фыркнуть на мой выбор десерта?

— Эмм, извини, — сказала я, — но Фростис лучшие.

— Ни за что, — возразил Джейкоб. Наши взгляды встретились. — Нет ничего лучше Черри Гарсия.

И вот оно, БУМ, произошло. Зло нашло своих следующих жертв.

Если бы я только знала, кем будет этот парнишка: Скейтер с большими зубами и длинными волосами; что именно он вырастет и разобьет мне сердце, без права на ремонт, быть может тогда я бы лучше осталась наверху и болтала с Тессой по телефону. Быть может, я бы пораньше пошла спать. Быть может, стала умолять родителей взять меня с собой... даже не смотря на то, что все эти медицинские ужины самая скучная в мире вещь. Но я не знала. Не могла знать. Так что вместо этого, я пожала плечами, словно мне было плевать, и ответила нечто гениальное, вроде:

— Да пофиг. — И начала строить космическую станцию Венди. И стала на шаг ближе к

безумной, сумасшедшей любви.

Глава 8

Лучшие умирают юными

Прошла неделя. Одна неделя, с тех пор, как я прекратила свое существование. Одна неделя, как я прошла сквозь вселенную и приземлилась в другом, странном измерении моего же родного городка, застряла в той же самой одежде и обречена есть пиццу до бесконечности. На самом деле, не самое худшее проклятие. В «Куске» можно есть пиццу хоть каждый день и не прибавить ни фунта. Сейди обзавидовалась бы.

— Ты будешь есть?

Вау, он умеет разговаривать.

Я удивленно воззрилась на Парня в Куртке, который подошел к моему столику и присел. Он зевнул и почесал затылок. Потом потянулся и схватил кусок моей овощной пиццы.

— Не выбрасывать же.

— Будь как дома, — произнесла я, включая Диснеевскую Принцессу Бель.

— Тыфу, овощ, что ли? — Он вытаращил глаза на большой кусок баклажана. — Ничего скучнее не могла придумать?

— Скажи это моим родителям, — я пожала плечами. — Они воспитывают меня вегетерианкой.

— Правда? — Он одаривает меня сочувствующим взглядом. — Вау. Мои глубочайшие соболезнования.

— Эм, спасибо, — сказала я.

— Итак, — произнес он между разжёвыванием корочки, — позволь мне первым засвидетельствовать свое почтение в старом добром Загробном Мире, юная леди.

Загробном Мире?

Он протянул руку.

— Я — Патрик. Заблудшая Душа. — Я принимаю рукопожатие. — А ты?

— Бри.

Он посмотрел на меня так, словно у меня к лицу прилип гигантский кусок пепперони.

— Тебя зовут Бри?.. Как... сыр?

Я закатила глаза.

— Оу, ага. Можно подумать, мне не доводилось слышать подобное раньше.

— Спасибо, — ответил он с намеком на улыбку. — Я претендую на оригинальность.

Пару минут мы сидели молча, и я обнаружила, что разглядываю других людей в комнате. Затем меня осенило. Парень-Квотербек. Леди-Гот. Слизняк. Мальчик с Нинтендо. Патрик. Даже я. Все здесь, за исключением Леди с Кроссвордом, были молодыми.

— Выглядишь смущенной, — сказал он.

Какая наблюдательность.

Я склонилась ближе и понизила голос.

— Кто все эти люди?

Он пожал плечами.

— Ну, знаешь. Все те, у кого остались кое-какие долги.

— Но где же все старики? Где все взрослые?

— Ну... — Он почесал затылок. — Быть может, зависают в ресторане подороже? — На лице снова появилась ухмылка.

Я бросила на него взгляд.

— Ты всегда само очарование?

— А ты всегда сама красота?

— Очень смешно. Серьезно, что все здесь делают? Что ты тут делаешь?

Он снова пожал плечами.

— Я в этом не эксперт. Некоторые из них, — он показал на Паренька с Нинтендо, — всерьез потеряли связь с реальностью. Другие же, — он кивнул на Слизняка, — зависают здесь годами. А я просто люблю пиццу. Каждый занимается своим делом, — сказал он. — Но поверь мне. — Его взгляд метнулся к большому окну с видом на океан. — Там, снаружи, существуют вещи поинтереснее. — Он подмигнул мне и улыбнулся. — Кстати, не хочешь немного повеселиться?

Вот ГАД.

Я вскинула бровь.

— И на какое веселье ты намекаешь?

Он, защищаясь, поднял руки.

— Эй, милашка, веди себя прилично, ладно? Ради всего святого, тут же дети. К тому же, мы только познакомились. Так что давай заниматься своими делами, назначать свидания другим людям и пусть все идет своим чередом, ладно? — Он мотнул головой и присвистнул. — Боже. Чтобы я не делал, нигде нет отбоя от девушек.

Я ощутила, как краснею десятую тысячами оттенков красного.

Поверить не могу. Он что, серьезно? Не может быть.

Или может.

Я неловко откашлялась, пытаюсь придумать, что сказать.

— Так, мм, как долго ты сказал тут околачиваешься? — Голос вышел супер-пронзительным, этакая смесь осла и хорька.

Он рассмеялся.

— Я и не говорил. — Затем он схватил еще кусочек с моего подноса и разделался с ним в три счета.

— Впечатляет, — заметила я. — Тебе нужно заниматься этим профессионально.

— Должны же парни есть.

Я подтолкнула остатки пирога в его сторону.

— Угощайся. Я определенно наелась, раз и навсегда.

Он замолчал на мгновение, разглядывая меня.

— Навсегда — это довольно долгий срок. Дольше, чем ты можешь себе представить.

Я была не совсем уверена, что именно он имел в виду, так что предпочла промолчать.

— Говоря о жизни и смерти..., - его голос стал задумчивым. — Что случилось с тобой?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь. Отчего ты умерла?

Желудок скрутило.

— Я не хочу говорить об этом.

— Перестань, — сказал он. — Не стесняйся. Я же не кусаюсь. — Он продемонстрировал свою лучшую улыбку. — Ну, может капельку.

Фу. Мальчишки такие грубые.

— Послушай. — Я заправила выбившуюся прядь волос за ухо. — Давай сменим тему, ладно? — Я бросила взгляд на Даму с Кроссвордом, она горбилась над одной и той же

головоломкой уже несколько дней подряд.

— Восемь букв, — пробормотала она себе под нос. — Начинка для пиццы. Баклажаны? Грибы? — Она начала яростно тереть ластиком страницу.

— Фрикадельки! — Обернулся Патрик. — Попробуйте фрикадельки!

Дама с Кроссвордом перестала стирать, через секунду уже подсчитывая буквы, после послала ему воздушный поцелуй через всю комнату.

— Спасибо, милый!

— Милый? — скептически прошептала я. — Похоже, кто-то влюбился.

— Что я тебе говорил? — Он встал в позу. — Дамы обожаааааают куртки.

Я закатила глаза.

— Уверена, так и есть.

Мои мысли вернулись к Маме и Папе. Каждое воскресенье, наша семья вместе разгадывала кроссворды из Нью-Йорк Таймс, во время завтрака банановыми вафлями. Они всегда позволяли Джеку и мне помогать им с ответами. Ладно, с теми, что были попроще, но все же.

Внезапно, я посмотрела на Патрика.

— Не одолжишь мне телефон?

— Зачем? Хочешь позвонить бывшему парню?

— Ха-ха, — ответила я, сложив руки на груди. — Чтоб ты знал, я хочу вызвать такси.

Патрик наклонился ко мне через весь стол.

— Оу? И куда ты, по — твоему, поедешь?

— Домой, — небрежно ответила я. — Я еду домой.

— Минутку. — Он положил кусок пиццы. — Ты серьезно, да?

— Она..., - я показала на Даму с Кроссвордом, — ...пообещала, что моя анкета дойдет куда там надо через пару дней. Но уже прошла почти неделя. — Я схватила стакан и выпила через соломинку остатки Спрайта. — Так в чем же дело? — спросила я. — Здесь все сошли с ума, что ли?

Он вернулся на свое место, на его лице появилось веселое выражение.

— К чему такая спешка?

— Мы теряем время.

Он рассмеялся.

— Ангел, извини, не хотел тебя огорчать, но у нас ничего не осталось, кроме времени. Так что попытайся расслабиться и развлечься. — Он положил руки за голову и сделал глубокий вдох.

— Видишь? Тебе нужно научиться остановиться и вдохнуть запах пиццы.

Ага, фигушки.

Новая вспышка, Бозо. Никогда не говори девушке расслабиться. От этого мы становимся лишь злее.

Я уставилась на его куртку, она стала раздражать меня все больше и больше.

— Ты когда-нибудь снимаешь эту штуковину?

— С какой стати? Я клево выгляжу!

— Ты выглядишь глупо.

— Воу, гляньте-ка. Народ, она сегодня злюка.

Я насупилась.

— Я не злюка.

— Или, секундочку. — Он усмехнулся. — Я понял. Ты пытаешься развести меня на стриптиз, да? Хочешь увидеть мой сексуальный мужской торс! — Он потянул за молнию на куртке.

— Фу! — Я бросила в него кусочек корочки. — Избавь меня от подробностей!

— Уверена? — Он остановился. — Ты правда не знаешь, от чего отказываешься.

Я покачала головой.

— Ладно... — Но прежде чем Патрик застегнул молнию, он достал из внутреннего кармана крошечную книжку. Затем швырнул ее в моем направлении, и она с глухим стуком приземлилась передо мной. — У тебя есть вопросы? — спросил он. — Здесь ты найдешь ответы.

Я подняла ее и пригляделась. Провела пальцами по черному корешку и витым золоченым буквам.

Руководство ДУ

— ДГ (прим. пер. в оригинале название книги звучит как «The D&G Handbook «)? — спросила я. — Дольче и Габана что ли?

Он фыркнул.

— Руководство Давно Умерших. Единственная книга, которая пригодится тебе в будущем.

Я открыла книгу и пролистала несколько страниц, пока не нашла содержание.

Глава 1: Ты — здесь. Что теперь?

Мне бы хотелось пойти домой, вот что.

— Знаю, выглядит не очень внушительно, — произнес Патрик. — Но, поверь мне, кое-что покажется тебе весьма занятным. Пара великих идей как не сидеть сложа руки. — Он сбросил со стола оливку и стал наблюдать, как та катится по полу. — Время — штука сложная, Чита. Тебе придется научиться, как отвлекаться.

Я колебалась.

Чита?

Только Папе и Джеку разрешалось называть меня сырными прозвищами. Быть может, еще лучшим подругам.

— Проблема со временем в том, — продолжил он, прежде чем я велела ему заткнуться, — что иногда его бывает слишком много. — Он показал на книгу. — ДУ помогла мне справиться.

— Справиться? — В области желудка появилось некое ощущение дискомфорта. — Справиться с чем?

— Просто окажи себе услугу и начни заниматься. — Улыбнулся он. — Потому что, поверь мне, будет тест. — Нечто такое в его взгляде подсказывало мне, что он шутит. То есть, это должна быть шутка.

Разве нет?

— Непременно, — ответила я, надеясь, что он слышит в моем голосе сарказм. — Не могу дождаться, чтобы погрузиться в чтение. — Я начала засовывать книжку в карман платья, но в последнюю секунду незаметно бросила ее под стол. Я кашлянула, чтобы скрыть звук падения книги на линолеум.

Упс. Что же я наделала?

Я не собиралась говорить Мистеру Фрикаделька, что у меня нет ни единого намерения читать эту глупую книжонку, прямо, как у меня не было ни единого намерения оставаться

здесь хоть на минуту дольше, чем нужно было.

— Вау. — Патрик выглядел впечатленным. — Ты можешь оказаться еще хуже, чем я предполагал. Может и дольше.

— Еще хуже? — Я бросила в него салфеткой. Прямое попадание.

— На самом деле, это даже мило.

Я начала Очень Раздражаться.

— Я не милая.

— Теперь, когда я об этом думаю, — со смехом признался он, — ты отчасти напоминаешь мне кое-кого. Должно быть, взглядом.

Я вытаращила глаза.

— Да неужели? Кого?

— Клеопатру.

— С чего это я напомнила тебе ее?

— Ты..., - он замолчал. — Ну, знаешь, она была вся такая, Королева Отрицания.

Я скрестила руки.

— Я ничего не отрицаю.

— Говоришь, как Новичок Фазы номер Один. — На секунду он нырнул под стол. Когда он появился вновь, он положил передо мной книгу ДУ. — Хорошая попытка, кстати.

Чтоб тебя порвало.

— Не то чтобы ты сама сможешь со всем справиться, — продолжил он. — Поверь мне, я повидал много людей похожих на тебя, которые прошли сквозь эти двери.

Я замолчала.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Бри.

— Что?

Патрик затих.

— Ты знаешь, почему ты здесь?

Его вопрос застал меня врасплох. В носу защипало. В уголках глаз я ощутила тоже самое.

Не плач. Не плач.

Я согласно кивнула.

— Оу? — произнес он. — И почему же?

Кем себя, черт подери, возомнил это парень? Он знает меня от силы минут пять, а ведет себя так, будто он специалист по всем вопросам.

Вопросам, касаемым меня.

— Знаешь что? — сказала я. — Это вообще не твое дело. — С этим, я встала из-за стола и, направившись в противоположный конец комнаты, села за другой столик, прямо рядом с окном.

— Как я и думал. — Он стал и, взяв мой стакан, налил еще Спрайта. Потом он последовал за мной к новому столику и выдвинул стул. — Ты прямо классический случай.

— Я бы хотела побыть одна, если не возражаешь.

— Не-а, ты любишь бывать в компании. — Он сел напротив меня. — Послушай, Ангел. То, что ты чувствуешь сейчас, совершенно нормально. Такое случается с лучшими из нас. Это случилось и со мной. — Он вынул салфетку из держателя и вытер рот и руки.

Я не ответила. Просто схватила со стола газировку и начала жевать трубочку. Старая

привычка.

— Вот, — произнес Патрик. — Я тебе покажу. — Он взял скомканную салфетку, разгладил ее на столе и начал писать. Когда он закончил, он пододвинул салфетку ко мне. Я опустила взгляд. Там, между томатным соусом, жирными пятнами и грязью, мальчишеским почерком, Патрик написал пять слов:

Отрицание.

Гнев.

Сделка.

Скорбь.

Принятие.

Он потянулся и медленно обвел слово «отрицание» ручкой.

— Видишь это?

Я бросила на него взгляд, официально устав от этого разговора.

Не говори со мной.

— Это ты.

Я отвернулась, когда злые, жгучие слезы сорвались с глаз и заскользили по щекам. Я утерла их тыльной стороной руки.

— Ты поймешь, Ангел, — произнес он. — В один их этих дней. — Он схватил салфетку, смял ее и сунул себе в карман. — Я сохраню это на всякий случай.

Мы молчаливо сидели вместе пару минут. Я продолжала жевать соломинку, не отводя взгляд от океана. Патрик понял намек и сменил тему.

— Итак. Почти шестнадцать, да?

Я кивнула, все еще глядя на него.

— Почти.

— И ты проторчала тут неделю?

Я снова кивнула, не смотря на то, что была в этом не совсем уверена. Теперь время текло несколько странно. Я ощущала, как оно течет вокруг меня. Я наблюдала, как солнце встает и садится, как и всегда, но минуты, казалось, длились вечность. Скучно не было, нет, словно я сидела на уроке истории и ждала звонка. В этом месте словно была быстрая перемотка вперед и одновременно действия замедлялись.

— Ну что, колибри? — Он одарил меня обнадеживающей улыбкой. — Чего не веселимся?

— Веселимся? — выплонула я. — Что в этом веселого?

— Почему бы нет? — Он бросил взгляд в сторону двери. — Как я уже говорил. Мы сможем выбраться отсюда, когда только пожелаем, верно?

— И куда потом?

Он рассмеялся.

— А ты как думаешь, Сырная Косичка? Надеешься рассиживаться тут и заказывать пиццу изо дня в день до скончания времен?

— Отсюда еще никому не удавалось уйти, — проворчала я, поглядывая на Даму с Кроссвордом. — Бесит, что она тут всем заправляет.

Он бросил на меня озорной взгляд.

— Кто тебе сказал, что она главная?

Я не поняла. Мы ведь просто горстка детишек. Кто-то же должен быть главным. Разве нет?

— Но если не она, — медленно произнесла я, — то кто?

Он наклонился ко мне и улыбнулся так, словно у него был секрет, которым ему не терпелось поделиться.

— Ты, Чита, — ответил Патрик. — *Ты*.

Глава 9

Я гуляла с призраком

Моя мама стопроцентно убила бы меня, если бы узнала, что я носилась по Хайвею Пасифик Кост на заднем сиденье мотоцикла, обхватив руками парня, которого только что встретила. Самое что ни на есть настоящее убийство. Но она не знала. А мне было как-то наплевать. Было хорошо забыть обо всем том, что случилось со мной, и освободиться от горестей. Во всяком случае, с этим я сейчас ничего не могла поделать. Зато кое-чему я научилась довольно быстро. Можно заикливаться и париться из-за того, что все закончилось... что ты сделал не так или что мог сделать, но не в этом суть. Не то чтобы это все изменило. Так что к чему волноваться? Плюс, жизнь после смерти оказалась довольно веселой. Ощущение странное, но клевое: ты знаешь, что спишь, но все равно знаешь, что у тебя осталось минут десять, прежде чем зазвонит будильник.

(В моем же случае, будильник не зазвонит никогда. А сон будет длиться вечно.)

Поначалу, Патрик не соглашался брать меня на свой мотоцикл.

— Эм, я так не думаю.

— Давай же.

— Не-а.

— Почему нет?

— Потому что я не твой шофер, вот почему.

— Пожалуйста?

Он посмотрел мне прямо в глаза и замолчал. У меня возникло ощущение, что он не собирался валять дурака.

— Я просто не думаю, что это хорошая идея, ясно?

— Забавно, потому что я думаю, что это отличная идея.

Он не знал, что меня приводило в ужас одно только слово на букву М, и так было всегда. Они были шумными и опасными, и Папа рассказывал столько случаев про ужасные аварии на мотоциклах, которые он повидал, работая в скорой помощи.

Но мой страх... мой настоящий страх, исходил откуда-то еще. Все было гораздо сложнее. Я не рассказывала Патрику, но причина, по которой я так боялась мотоциклов, сколько я себя помнила — мне всегда снился один и тот же кошмар, где я неслась на заднем сиденье мотоцикла... руки и лицо я подставила навстречу ветру, небо такое невообразимо голубое, а потом... БАХ, и все пошло не так. Небо темнеет. Поднимается сильный ветер. Я чувствую, что водитель теряет управление. А потом я слышу звук визжащих шин и искореженного металла. Я чувствую, как меня сносит с заднего сиденья, я лечу сквозь жар и дым, пока в самую последнюю секунду глаза не открываются, и я просыпаюсь, хватая ртом воздух.

Что — то вроде этого.

Каждый раз один и тот же сон. Всегда то же ощущение потери контроля, нулевая гравитация, никаких шансов выжить. Помимо того, что я боялась даже притрагиваться к мотоциклам, мне всегда казалось, что кошмар происходит непременно 4 июля. А иногда, запах дыма и горящего топлива преследует меня весь день, не смотря на фейерверки.

Но теперь моя глупая боязнь теряла всякий смысл. Потому что как ни крути, нельзя умереть дважды. Иными словами, мне нечего было терять.

— Прощу? — взмолилась я. — Одна маленькая поездочка.

— Что именно в слове «нет» ты не поняла?

— Что именно ты не понял во фразе: «это твоя мама не поняла?»

— Постой. Ты только что пошутила про Маму?

— Может да, может нет.

Он улыбнулся, а я поняла, что выиграла.

— Уверена, что не боишься?

Я кивнула.

Ложь, ложь, ложь.

Он бросил на меня полный опасения взгляд.

— И ты будешь со мной разговаривать, даже если тебе не понравится?

— Нет.

— Не будешь разговаривать?

— Нет. Мне понравится.

В конце концов, все оказалось совсем наоборот. Мне не не понравилось. Я осталась в диком восторге. Это было самое невероятное ощущение, которое мне только довелось испытывать. Даже лучше одновременного прилива спокойствия и всепоглощающего возбуждения, которые я испытывала, прыгая с вышки. В это самое мгновение, осознаешь, что свободен.

Как и обещал Патрик, за дверями знакомой маленькой пиццерии меня ожидал целый мир, мир старых воспоминаний и желаний, какие-то принадлежали мне, какие-то нет. Запахи пахли острее. Цвета заиграли ярче. Шоколад стал еще шоколаднее. Дни стали длиннее, а по ночам сияли такие звезды, что я себе и представить не могла. Весь мир казался одним Большим Приключенческим Романом. Я спала, когда чувствовала усталость (забегаловки с пиццей на каждом шагу, оказались удобными) и ела, когда чувствовала голод и бегала, чтоб ощутить свободу.

Неподалеку оказался кинотеатр на открытом воздухе, в нем показывали мои любимые фильмы, вроде Когда Гарри встретил Салли, Неспящие в Сиэтле, Вам письмо и (ой да бросьте, не вам меня судить) Красавицу и Чудовище.

Поблизости даже был аквапарк с кучей разных горок и гигантским бассейном с искусственными волнами и удивительной тихой речкой, где я дремала на надувном матрасе весь день напролет, плавая на солнышке.

Но настоящее веселье началось, когда я научилась загадывать желания. Я имею в виду, настоящие желания. Закрываешь глаза и воображаешь безумно красивый пляж с гамаком, а когда открываешь глаза вот он, перед тобою. Я пожелала пузатенькую свинку. Я пожелала прокатиться верхом по зеленому травянистому лугу и заснуть под звездами. Я пожелала, чтобы Патрик научил меня серфингу..., забавно, он же типо весь такой мальчик-серфер, но оказалось, что он не снимает свою куртку даже под водой.

— Ты знаешь, что ты странный? — крикнула я ему со своей доски.

— Что с того? — закричал он в ответ. — Это помогает мне оставаться на плаву!

Мы сидели на досках до самого заката, дурачась, пока не взошло солнце: золотое, совершенное и миролюбивое. Самое лучшее было то, что любое пожелание исполнялось. Каждое желание, было лучше предыдущего. Тревоги утихли. Не существовало проблем, кошмаров или страхов. Такая жизнь была просто нереальной. Она была лучше.

Затем, одним прекрасным утром, посреди завтрака..., который представлял собой

молочный коктейль, Патрик задал мне вопрос, который изменил все.

— Так ты бы хотела вернуться к нему?

Я остановилась, так и не дождевав. Подняла взгляд.

— Что ты имеешь в виду? Вернуться к кому?

Он простонал и распластался по столу.

— Серьезно, Клеопатра? Ты серьезно уже все забыла?

А? Что я должна вспомнить? И почему он называет меня Клеопатрой?

Он стукнул себя по голове, когда я не ответила.

— О Боже, ты продолжаешь меня удивлять.

— Почему?

Он протянул ладонь и выхватил мой коктейль.

— У тебя Первая Фаза, малыш. Дело плохо. Какое счастье, что ты такая милая, когда все отрицаешь. — Он сделал глоток через трубочку. — Ммм, как ВКУСНО.

— Эй! — замахнулась я на него. — Сделай себе другой! — Мой взгляд блуждал по его одежде, время от времени, и, неожиданно, я расплылась в улыбке.

Он перехватил мой взгляд.

— Что смешного?

— Ничего. — Я покачала головой. — Не бери в голову.

— Нет. — Внезапно, ему стало интересно. — Скажи.

Я закусила губу.

— Просто, эта, эм, куртка.

Он опустил взгляд.

— Что с ней не так?

— Ой, да ничего. — Я подавила смешок. — То есть, если ты пилот истребителя. И сейчас 1982.

Он открыл рот.

— Я возмущен. И вообще, я не собираюсь слушать советы девчонки, названной в честь куска сыра. — Он покачал головой. — Можешь натравить на меня Полицию Моды: Слово «расплата» тебе о чем-нибудь говорит?

Я замолчала.

— Что-то вроде мести?

— Остроумна, как никогда, да, Сырный Шарик?

— Ладно, хватит уже этих сырных шуточек, — сказала я. — Что насчет мести?

— Ну, — произнес он, усмехнувшись. — Я просто подумал, что ты могла бы немного развлечься, только и всего.

— И кому, позволь узнать, я должна отомстить?

— Оу, ну, знаешь, Короткие Штанишки, — произнес Патрик. — Смупти — Упти. Как его там зовут? — В его голосе появились насмешливые нотки. Дразнящие. Раздражающие.

— А? — спросила я, корча гримасу. — Кого?

— Секундочку, я понял, — произнес он. — Джейсон?

— Что?

— Черт, не то, — пробормотал он. — Джон, быть может?

Погодите-ка.

— Джереми?

Обожемой.

— Черт, я сейчас с ума...

— Джейкоб, — прошептала я. У меня стиснуло горло и старая боль..., уже позабытая боль, медленно появилась в груди.

— Именно! — Патрик щелкнул пальцами и откинулся на диванчик. — Хвала небесам, ты вспомнила, Бри. Это, определенно, поможет пережить мне еще одну ночь.

Я была слишком потрясена, чтобы заметить сарказм.

Джейкоб.

По ощущениям, я не думала о нем уже целую вечность. Я приложила ладонь к сердцу. Совершенно спокойное.

— Он вроде заслужил расплаты, не думаешь? — произнес Патрик.

Лицо Джейкоба вспыхнуло в моей памяти. Его глаза. Его руки. его губы. Его поцелуи. Его слова. Последние слова, которые я слышала в своей жизни.

Я.

НЕ.

ЛЮБЛЮ.

ТЕБЯ.

По спине пробежал холодок.

— Эй, — Патрик наклонился и тронул меня за руку. — Ты в порядке?

— Как долго...? — запинаясь произнесла я, возвращаясь к реальности. — Как долго я пробыла здесь?

Он вытянул руку и молча посчитал на пальцах.

— По моим крайне научным подсчетам...семнадцать дней.

Это ВСЕ?

Патрик прочел все на моем лице.

— По ощущениям дольше, да? — Он провел ладонью по темным волосам. — У меня такое постоянно. Особенно когда я впервые попал сюда.

Желудок неожиданно скрутило в узел.

Семнадцать дней.

— Я занимался математикой в последний раз..., - он бросил взгляд на старую ковбойскую шляпу на полке над нашими головами. — Счастливого Хэллоуина! Ии-хааа!

Хэллоуин?

— Но если это правда, — прошептала я, — тогда завтра мой...

— День рождения? — Патрик закончил предложение. — Знаю. Почти Счастливое Шестнадцатилетие.

Невероятно. Каким-то образом, я совершенно потерялась во времени. Я забыла про свою семью. Друзей. Свой мир. Как я смогла позабыть целый мир?

В руках начало тихо покалывать. Странное жужжание; малейший намек на искру появился в основании шеи, под волосами.

Джейкоб.

Он был причиной. ОН сделал это со мной. Это была его вина. Все это. Все. И даже больше.

Ко мне закралось давно позабытое чувство. То, чего я не ощущала уже давно. Мне не было грустно. Мне не было одиноко. Я была зла.

— Ну? — произнес Патрик.

Я закрыла глаза, и впервые за все время позволила злобной ухмылке появиться на лице.

— Да пошел он к черту.

Глава 10

Да, я в свободном, свободном падении

— Эй, Безумная, теперь можешь открыть глаза.

— Да, знаешь что? Думаю, мне больше нравится с закрытыми.

— Брось, — произнес Патрик. — Вид просто потрясающий. Ты только взгляни.

— Я совершенно уверена, что уместнее будет сказать «не смотри вниз».

— Не волнуйся. — Рассмеялся он. — Я здесь. Я тебя не отпущу.

Даже не смотря на то, что Патрик пытался успокоить меня, я не могла заставить себя посмотреть. Оказалось, что единственным возвращением на землю... на настоящую землю... будет падение. С огромной высоты.

— Спасибо, — ответила я. — Это так успокаивает. Хм, или все же нет.

— Тебе не кажется, что ты чуточку драматизируешь?

— Тебе не кажется, что эта куртка вышла из моды?

— Да брось, ты же вроде спортсменка олимпийского масштаба или что-то в этом роде? — усмехнулся он. — Просто представь, что это очень большой трамплин.

Я рассмеялась.

— Ага, точно. Это вообще-то не одно и то же. — Но опять же, я не могла отрицать, что мне было крайне любопытно. Я сделала глубокий вдох, когда ветер отбросил с лица мои волосы.

Наконец, я осмелилась открыть глаза. И когда я это сделала, я чуть не потеряла сознание от открывшегося передо мною вида. Мы стояли на вершине мира. Каким-то образом, в мгновении ока, Патрик вместе со мною взмыл в облака к самой высшей точке моста Голден Гейт — платформе на северной башне в примерно тысяче футов над рокочущим Тихим океаном. Солнце замерло над заливом, все смешалось: мягкие холмы, золотистый свет и туманные полосы лаванды. Толстое одеяло тумана растянулось во всех направлениях, а в другой стороне залива я увидела проблески огней Сан-Франциско, смахивающих на волшебную игровую площадку. Еще дальше, на краю небосклона, начали появляться маленькие звездочки.

— О. Мой. Бог.

— Можно и так сказать.

— Это же просто... невероятно.

Он улыбнулся.

— Я же тебе говорил. — Солнечный блик попал ему на лицо и на мгновение его глаза засияли золотом калифорнийского заката. Ладно, ладно. Я была готова признать это. Патрик был красавчиком. Не лохматый и дикий, как Джейкоб. Со светлым ежиком волос, он был больше похож на Джеймса Дина, этакий «я-не-пытаюсь-быть-милым» образ.

Он сделал шаг ближе к краю и присел на корточки, словно собирался нырнуть вниз.

— Рискнешь?

— Боже! — Я потянулась и схватила его за куртку, оттаскивая от края. — Не шути так!

— Прошу, — усмехнулся он, — зови меня Патрик.

Я покачала головой и застонала.

— Боже, я начинаю думать, что мой младший брат взрослее тебя. А ему всего восемь.

— Восемь лучше, в отличие от того, с чем приходится иметь дело мне. Ну так что, ты

уже готова?

Я не обратила на него внимания. Мне было плевать, каким красавчиком он был или как сияли его тупые глаза в свете заходящего солнца. Не важно: куда бы не вел этот путь, в ад или в рай, я бы не стала прыгать туда с моста.

НИ ЗА ЧТО.

— Как мы вообще тут оказались? — спросила я, оглядываясь в поисках спуска.

— Мы взмыли.

— Взмыли? — я глянула на него. — Как в мультике Пиксар?

— Ладно, я официально заявляю, что кое-кто пересмотрел в детстве диснеевских мультиков.

— Диснея много не бывает, — пробормотала я, сдерживая тошноту или пытаюсь не рухнуть в обморок, или не сделать и то и другое одновременно. Оу, дела были плохи. Зубы начали отбивать чечетку. Я чувствовала, как мост урчит и вибрирует подо мной. Все металлические решетки и гигантские скрученные подвески кабелей хранили в себе отголоски глубокого и пугающего океана где-то там далеко внизу. Я даже представить себе не могла, как высоко мы стояли. Нырять с десятиметровой вышки на тренировки после школы было одно, но этот прыжок даже в подметки ему не годился. Это было нечто за пределами Солнечной Системы.

Я опустила на коленки, чтобы сохранить спокойствие. Чемпионка-дайвер или нет, в голове постоянно крутились образы, как я поскользнулась и падаю с моста Сан-Франциско прямо в пасть огромной белой акулы.

— Знаешь, — проворчала я, — сперва бы объяснил мне всю эту мамбу-джамбу с прыжками, прежде чем затащить меня сюда. Потому что я бы точно не пришла.

— Ну, — произнес Патрик, — хотел бы я, чтобы ты хоть одним глазком глянула в шестую главу ДУ. И двенадцатую, раз уж на то пошло, «Взмыть по-настоящему». Все там, Чита, черным по белому. Может все-таки, кое-кому следует делать домашку?

— Спасибо, Папуля. — Я не оценила лекцию, не смотря на то, что в глубине души верила, что он прав. Быть может, если бы я не проигнорировала эту глупую книжонку «Тупой и еще Тупее» в «Куске», я бы нашла способ связаться с кем-то более полезнее. Человеком, который бы выслушал меня и позволил объяснить, что все это не более чем ужасная ошибка. Я не должна была оказаться здесь. Я не собиралась умирать. Пока нет. Не подобным образом.

Патрик громко рассмеялся.

— Помнишь, я говорил, что будет тест? — Он поднялся и распростер руки. — Ну, сюрприз! Это он и есть! — Потом он увидел панику на моем лице. — Не бойся. В первый раз всегда страшно, по себе знаю, но потом уже легче. А потом... — Его глаза засияли. — Потом это превращается в сплошное веселье.

— Я не могу это сделать. Не могу. Не могу. Не могу

— *Crede quod habes, et habes.*

— На каком языке ты говоришь, Ботан?

Он улыбнулся.

— Латынь: Поверь, что у тебя это есть, и у тебя это будет. — Его голос был жизнерадостным. Игривым. Но как всегда, это не помогало.

— На счет десять.

— Ладно, десять. Ты забавная, Обри Иган.

— Бри.

— Раз... Два... Три...

— Погоди-погоди-погоди, не считай так быстро...

— Четыре.

— Серьезно, хватит..

— Пять...

— Я сказала, я не... — Колени подогнулись, а зрение подернулось отвратительной зеленой пленкой... что означало, что я потеряю сознание секунды через две. От звука рокочущего подо мной океана и машин, у меня скрутило желудок.

— Эй, ты в порядке? — Патрик склонился ко мне. — Ты выглядишь немного, эм, бледной.

— Я в порядке, — солгала я, хватаясь за сталь и изо всех сил пытаюсь удержаться. — Никогда не чувствовала себя лучше. — Я попыталась смахнуть волосы с лица. Не то чтобы это помогло, поскольку ветер задувал со всех сторон. С тем же успехом мы могли бы забраться на вершину Эвереста. — Так что, это твое идеальное видение небес или что-то в этом роде?

Наши глаза встретились.

— Сейчас так и есть.

Я почувствовала, как меня бросило в жар, не смотря на тошноту. Не имея понятия, что сказать в ответ, я сказала самую отстойную вещь в мире.

— Так ты, эм... часто сюда приходишь?

Боже мой, я только что это сказала. Кто вообще ГОВОРИТ такое?

— Я прихожу сюда, когда нужно подумать или проветрить голову. — Он замолчал. — Или жду, когда все желаемое сбудется.

— Ждешь? Чего же ты ждешь?

Он заколебался на мгновение, затем устремил свой взгляд куда-то вдаль.

— Друга. Полагаю, старого друга.

Солнечный свет снова переместился, отбрасывая полоску света на его запястье. На секунду, я впилась взглядом в его шрам. Никогда не замечала, насколько глубоким он был, поскольку, как правило, он прятал его под курткой. Но так как свет отлично падал... а его рукава были немного закатаны... я, наконец, смогла получше его разглядеть. Впервые я увидела, что шрам был неровным и глубоким. Словно он резал осколком стекла. Через чтобы он ни прошел, это было ужасно. В ту же секунду я поняла, что он знает обо мне почти все, а я ничего о нем не знаю. Откуда он. Кем был. Не смотря на то, что сама мысль об этом меня корбила — как он умер.

Патрик перехватил мой взгляд. Одернул куртку и пониже натянул рукава.

— Что с тобой произошло? — Как только слова сорвались с языка, я поняла, что нужно было держать свой вопрос при себе.

— Авария на мотоцикле, — ответил он. — Ехал слишком быстро. Ничего особенного.

Как и говорил мой Папа. Мотоциклы слишком ОПАСНЫ.

Я опустила взгляд.

— Извини.

— Не стоит. Я пережил это. Да и давно все это было.

Порыв ветра внезапно появился из ниоткуда, поймав меня врасплох. Я ахнула, когда он попытался скинуть меня, и постаралась удержаться. За исключением того, что держаться

было не за что.

— Ладно, я официально передумала, — заявила я. — Думаю, уже нет особой нужды в расплате. У нас еще полным-полно времени, чтобы отплатить этому Как-Его-Там-Зовут. К чему спешить? — Медленно, осторожно, я прислонилась к металлической решетке, пытаюсь расслабиться и думать о хорошем, например, о плюшевых пандах. Воскресных утрах. О том, как была живой. — Ладно, я беру свои слова обратно. Я не хочу это делать. Не сегодня. Я хотела бы вернуться обратно в «Кусок».

— Ненавижу это говорить, — Патрик перекрикивал ветер, — но у нас проблемка. — Он пододвинулся настолько, что теперь уже сидел рядом со мной.

— Что значит «проблемка»? — Я почувствовала, как мост подо мной покачнулся.

Дыши, Бри. Просто дыши.

— Все дело в том, что тебе это сильно не понравится.

— Скажи это.

— Ну...

— Скажи это.

— Ну, выход только один и он, гм, внизу.

На пару секунд я уставилась на него, а затем рассмеялась.

— Ладно! Тебе кто-нибудь говорил, что ты тот еще шутник?

Он не улыбнулся.

— К сожалению, — произнес он виноватым голосом, — я не шучу.

Я перестала смеяться.

— Погоди. Что?

— Боюсь, что так.

— Нет.

— Не сопротивляйся.

— Да я сейчас тебя стукну!

— Возьми меня за руку. — Он потянулся и попытался схватить мою ладонь.

— Нет!

— Бри, ты должна.

— Или что?

— Или ты застрянешь здесь еще очень надолго. В любом случае, ты сама знаешь, что хочешь преподать своему бывшему урок или парочку. И честно говоря, — он усмехнулся, — я тоже.

— Нет-нет-нет, конечно, я хочу этого. Но не сейчас, — взмолилась я. Если бы у меня было сердце, оно бы давно выскочило из груди. — Не могу, — сказала я. — Не то чтобы никогда. Просто не сегодня. — Я надеялась, что он услышит панику в моем голосе. — Патрик, прошу. Перенеси нас отсюда куда угодно. Обратно в Кусок.

БУМ-БАХ-ХИСС! грохотал океан под нами.

— Извини, Чизкейк. — Он покачал головой. — Это не сработает. Ты и сама это знаешь, если прочла руководство ДУ. И я не куплюсь на твои отмазки.

— Оу? И почему это? — огрызнулась я.

Не связывайся со мной, Ангелок, я тебя уничтожу.

— Ты боишься. — Он кивнул на самый край. — Но пора покидать гнездышко, птенчик. Пора расправить крылышки.

О мой бог, да он серьезно.

— Не бойся, я буду с тобой все время. — Он усмехнулся. — Ты упадешь, я тоже упаду.

Я сделала шаг назад.

— Не приближайся ко мне.

— Возьми мою руку.

— Патрик, я серьезно.

Он посмотрел мне в глаза.

— Возьми меня за руку.

Прежде чем я начала спорить, он обхватил меня руками, не выпуская из своих объятий.

— Нет! Прекрати!

— Открой глаза, — прошептал он мне в затылок.

Я покачала головой и попыталась вырваться из его рук.

— Да брось. Ты не должна упускать такое.

— Это твоя мама не должна упускать такое. — У меня кончились остроумные ответы.

Не то чтобы у меня их было слишком много.

— Встань на самый край.

— Я тебя убью.

— Немного поздно для этого, Ангел. — Он коснулся губами моего уха. — Посмотри вниз. — Я попыталась вырваться, но все без толку. Он был слишком силен. Я закричала и заставила себя посмотреть.

Ауч, самая большая ошибка в моей жизни.

Ничего не было, кроме воздуха. Ничего, кроме гигантского, смертоносного, ледяного, бездонного залива Сан-Франциско, который жаждал поглотить меня и растерзать на тысячу кусочков. Боже мой, мы оказались гораздо, гораздо выше, чем я могла себе представить.

Два дюйма.

Я оттолкнула его.

— Нет, нет, нет, нет, НЕТ.

Один дюйм.

Я боролась.

Полдюйма.

Я хотела проснуться. Я хотела проснуться прямо сейчас. Только возникла одна проблемка по сценарию. Это не был кошмар. Пробуждение не входило в список опций. Я ощутила, как балетка соскальзывает по решетке металла. Я почувствовала поцелуй ветра на щеке.

— Прошу, — всхлипывала я, цепляясь за футболку Патрика. — Не надо.

— Не бойся, — прошептал он.

Затем он оттолкнул меня.

Глава 11

Ниспошли мне ангела

— Чедстер?

— Еще пять минут. Не хочу просыпаться.

— Забавно, ты сказала тоже самое пять минут назад.

— Нет, на этот раз я серьезно.

— Хорошая попытка, Ангел, но это не сработает.

— Ты мне не босс.

— Как скажешь, юная леди.

Затем струя обжигающе ледяной воды ударила мне в лицо. Я открыла глаза.

— Какого...

— Проснись и пой, — пропел Патрик.

— Боже мой, я тебя убью! — Я подскочила и попыталась схватить его, но он оказался быстрее.

Патрик снова цыкнул.

— Снова разговоры об убийствах. Слишком много агрессии. Думаю, нам нужно найти тебе хорошего психолога.

Я тяжело дышала, мокрая с головы до ног. Я опустилась обратно на землю и потеряла глаза. Я вся дрожала. Каждый дюйм кожи покрылся мурашками.

— Вот, хочешь мою куртку? — предложил Патрик.

— Не смей разговаривать со мной, — ответила я, потирая глаза. — Ты — сущее зло и должен быть уничтожен. — Зрение, наконец, пришло в норму, и я увидела, что наступили сумерки. Небо приобрело шелковистый оттенок лаванды...черно-сине-желтое по краям, словно выцветший синяк. Со всех сторон на нас скалились светильники Джека, вырезанные из тыкв, и золотое мерцание фонарей озаряло почти каждый дом.

— Сладость или гадость, — произнес Патрик. Он вскочил и ухватился за огромную ветку над головой, начав на ней подтягиваться.

— Гадость, — ответила я, замечая знакомые качели через дорогу. Красная дверь. Белая лепнина. Крытая деревом подъездная дорожка, на которой я частенько после школы оставляла свой велосипед. — Определенно гадость.

— Неверный ответ, — проворчал он. — Наказание из пяти батончиков Сникерса и трех больших упаковок M&M's. — Он отцепился от ветки и приземлился на землю с глухим стуком. — Черт. Давно не практиковался. — Но я не слышала его. Я была слишком занята, пытаюсь сдержать тошноту.

Дом Джейкоба. Мы сидели на противоположной стороне от дома ДЖЕЙКОБА.

Как? Как такое возможно?

Если бы не все эти мытарства с Патриком, я бы ни за что на свете не нашла дорогу обратно. В моем кусочке рая определенно были изменения и сдвиги, которые отличались от моего старого мира. Дороги были не такими, как я их запомнила. Названия улиц вообще не совпадали. Тут и там были провалы. Некоторые кусочки отсутствовали напрочь.

Важные кусочки.

Мой дом стоял не там, где ему следовало. Школа будто бы постарела, обветшала. Даже дому Джейкоба словно чего-то не хватало... словно кто-то покопался в моих воспоминаниях

и, смешав воедино все, что когда-либо что-то для меня значило, когда я была жива, воссоздал это место. Немного погодя, я перестала пытаться найти их. Полагаю, я просто забыла, что искала. Но сейчас, взлет-два-три, и вот мы здесь, снова в Настоящем Реальном Мире. Голова болела так, словно я очнулась после убийственного сотрясения мозга.

Я повернулась к Патрику.

— Где мы? Что произошло?

— Ой, ты про головную боль? Это пройдет, не волнуйся.

— Не это. Я имею в виду меня и тебя. Здесь. Сейчас. Объясни.

— С удовольствием. — Он выдержал небольшую паузу. — Это было твое самое первое Грехопадение. Надеюсь, полет был приятным, и вы выберете нашу авиакомпанию снова. Наслаждайтесь своим времяпрепровождением на земле, и своим конечным пунктом назначения, каким бы он ни был.

— Грехопадение? — спросила я. — Как по мне, ничего хорошего в этом не было.

Патрик усмехнулся.

— Не ВСЕМ суждено иметь прекрасную форму.

Я сложила руки на груди. Он не собирался сдаваться.

— Ладно, ладно, я приношу извинения, — произнес Патрик. — Первое падение отчасти бывает немного напряженным. Но после становится полегче, по-крайней мере, нам даже удастся повеселиться. И, кроме того, есть парочка вещей, которые мне нравятся больше, нежели месть бывшим парням. — «Но он ведь не это имел в виду» — не могла я отделаться от мысли. Быть может, он нарочно делает мне больно, потому что я сперва обидела его?

Именно в этот момент, глубокие, гулкие басы вперемешку со смехом и криками раздались с противоположной стороны улицы. Я увидела танцующие силуэты в тусклом свете окон. Вечеринка.

Патрик мотнул головой в сторону музыки.

— Хочешь сходить на вечеринку?

Внезапно я разволновалась.

— Но я... меня никто не звал.

— Подруга. — Он окинул меня дерзким взглядом. — Мы ПОЙДЕМ на эту вечеринку. Я ведь приоделся и все такое.

— Мм. Нет, ты не пойдешь.

Он выглядел так, словно я смертельно его оскорбила.

— Я неделями торчал в этом костюме.

— Да неужели? Так кто же ты? Плохая стрижка из 80-х?

— Я протестую.

В этот момент, пара ребят... настоящих людей... прошла по тротуару, одетые в костюмы. Патрик фыркнул при виде паренька, приблизительно возраста Джека, в костюме ящерицы.

— Привет, Огнедышащий, — пошутил Патрик. — Как ты справляешься с изжогой?

Я не смогла не рассмеяться. Вся ситуация в целом была слишком безумной, чтобы поверить в нее. Мы, парочка мертвых подростков, собирались сорвать вечеринку в честь празднования Хэллоуина моему бывшему парню. Все это было для меня слишком. Я впиалась взглядом в дом через дорогу.

Я увижу его. Я, наконец, снова увижу его.

— Эй, полегче, — произнес Патрик, заинтересованно разглядывая меня. — На секунду я

подумал, что ты уже достаточно повеселилась этой ночью. — Он поднялся на ноги и его голос изменился. — Пожалуйста, скажи мне, что не забыла зачем мы здесь. Это месь. А не второй шанс. Идет?

Я уставилась на него, но он не ответил.

— Я серьезно.

— Ладно, ладно, я поняла.

— Не-а. — Он покачал головой. — Мне нужно, чтоб ты произнесла это. Скажи, почему мы здесь.

— Чтобы отомстить ему, — пробормотала я.

— Я тебя не слышу.

— Чтобы отомстить ему, — сказала я, на этот раз чуть громче.

— Нужно сейчас же вернуть тебя обратно в Кусок...

— ЧТОБЫ ОТОМСТИТЬ ЕМУ!

— Отлично. — В его голосе слышалось удовлетворение. — Принимается. Я буду твоей парой. Не смотря на то, что твой костюм не слишком оригинален.

Я закатила глаза.

— Скажи спасибо, что я хотя бы взглянула на тебя, после того, как ты скинул меня с чертового моста Голден Гейт.

— Скинул — это небольшое преувеличение, тебе не кажется?

Я потянулась, чтобы стукнуть его, но он увернулся. Боже, он был быстр.

— Беру свои слова обратно, — сказал он. — Я буду твоей анти-парой. Но на этом все. Так что не надо всех этих безумных идей.

— Безумных идей? Каких, например?

— Например, не ревновать, когда другие девчонки с вечеринки будут пытаться меня поцеловать.

Я усмехнулась.

— Не сдерживайся, милый.

Он замолчал.

— Вау. Ты только что назвала меня милым?

— Не льсти себе, ладно?

— Боже ты мой. — Его глаза засияли. — Ты и правда хочешь со мной поцеловаться, да?

— Что?! — Я приложила его по руке так сильно, как только могла. — Мечтай и дальше, Дамский Угодник.

Ха. ВЫКУСИ.

Патрик не обратил внимания на мой колкий ответ, и на его лице зажглась фирменная улыбка. А затем, я ощутила, как земля задрожала у меня под ногами, когда его голос раздался у меня в голове. Он говорил со мной, не произнеся ни слова.

Никогда не говори никогда, Ангел. Все случается в первый раз.

Глава 12

Все дело в его поцелуе

Когда вам нравится кто-нибудь... Как, ну как, например... В общем, все происходит впервые. Первый взгляд. Первая улыбка. Первый танец.

Первый поцелуй.

Мой первый поцелуй был не с Джейкобом Фишером. Технически, он произошел с Мэттом Томпсоном — супер-придурком из летнего лагеря, когда мне было двенадцать. Мэтт и я встречались приблизительно тридцать семь минут, пока длился обед. Его друг Алекс Грант попросил свою подругу Чарли Фрайцер спросить ее подругу Анджелу Белл спросить ее подругу Рейчер Голдмен спросить мою подругу Зои Майклсон нравится ли он мне. Я даже не разговаривала с этим парнем, но мне сорвало башню, поскольку это было самое романтичное, что случалось со мной, так что я не думая сказала «да». Но к моменту десерта, я уже поняла, что слишком мала, чтобы встречаться с мальчиками. Так что я позволила Мэтту разочек поцеловать себя, и даже успела рассмотреть, как в его брекетах застрял кусочек чизбургера, а после объявила ему, что все кончено. Не самое мое любимое воспоминание.

Но не волнуйтесь. Мой второй поцелуй окупил все сполна. Он был **ВЫДАЮЩИМСЯ**. Тот поцелуй принадлежал Джейкобу. Этот поцелуй я могла бы переживать снова и снова, и снова, и никогда не устать от него. Так я, собственно, и провела первые три дня в «Куске», когда впервые попала туда. Просто вспоминала тот поцелуй. Что хорошего в жизни на небесах — так это то, что ты можешь заново переживать свои любимые воспоминания множество раз, как перемотка на DVD. Пауза, перемотка назад, замедленный повтор, и так целый день изо дня в день.

К этому моменту, я уже столько раз пережила свой первый поцелуй с Джейкобом, что и упоминать не стоит. К тому же, очень легко вспомнить то, что произошло в вечер твоего пятнадцатилетия. Десятый класс. Вечер Осеннего Бала. Эмма, Сейди, Тесса и я были так взвинчены, потому что это был наш первый бал в старших классах. А еще, темой были 80-десятые, что автоматически делало его еще лучше. Мы все пошли за покупками после школы в Луну (мой любимый бутик) и купили милейшие платья. У меня было черное платье-футляр, мерцающее и усыпанное блестками по низу. После мы сделали педикюр и вернулись ко мне домой на ужин по случаю моего дня рождения. Папа приготовил мои любимые, свои знаменитые «особые спагетти», после мы поднялись ко мне в комнату, чтобы подготовиться к танцам. Это Ночь должна была стать Самой Лучшей.

Мама подбросила нас до школы в восемь тридцать и мы добежали до зала, срезав по газону босиком, при этом беспрестанно хихикая. (В том же самом зале проходили мои похороны — не то чтобы я акцентирую на этом внимание.) Пар у нас не было, но Тесса была уверена, что «Принц Эрик» наконец осмелится пригласить ее после стольких лет страданий по нему, а у меня дома Эмма даже набросала подробный план атаки, чтобы пригласить на танец Новую Звезду Футбола — Нейта Ли. Ее план являл собой следующее:

1. Врезаться в него (Буквально.)
2. Пролить на него пунш или шоколадный (обязательно шоколадный) кекс на его рубашку.
3. Вызваться помочь ему «почистить ее».

4. По дороге к школьному фонтану, активно стебать о том, что школьные дискотеки — отстой, с большой буквы О. (А еще о предстоящем матче Бразилии против Испании, конечно же)

5. По возвращении, заиграет подходящая и предварительно выбранная романтическая песня. (Спасибо Ди-Джею.)

6. Громко скулить, что твои подруги тебя бросили. И не забыть упомянуть, что играет твоя «Самая любимая песня!» (Быстро стисните его руку в своей, а после похлопайте ресницами.)

7. Он спрашивает: Хочешь потанцевать? Мм, зевок. Я отвечаю, наверное.

8. Итог. Этот парень — МОЙ!

Что касается меня, я в глубине души надеялась, что меня, в конце концов, пригласит Бен Хендлман. Он был обладателем восхитительных кудрявых волос, и с тех пор, как он попросил у меня конспекты по алгебре, я была абсолютно уверена, что нравлюсь ему. Ох уж эти мальчишки, думают, что ничего не заметно.

— Бен определенно в тебя втрескался, — поддразнила меня Сейди, как только мы вбежали в зал. — Вы двое безумно милые.

— А его очки вообще улет, — согласилась Тесса. — Думаю, этот Хендлман у тебя уже в кармане. — Мы все захихикали и вошли внутрь, абсолютно воодушевленные тем, что этим вечером свершится некое волшебство.

Так что когда я увидела, как Бен целует Анну Клейтон в центре зала — ну, давайте просто скажем, что я немного психанула. Музыка была взрывной. Кучи подростков болтали в огромной кругу. Тысячи сияющих желтых огоньков были развешаны под потолком. В самом верху над нашими головами мерцал гигантский диско-шар, отбрасывая маленькие ромбовидные отблески на наши лица. И там, прямо в центре танцпола, Бен и Анна активно обменивались слюной. Я была раздавлена.

— Ой, да он тебя вовсе не заслуживает, — сказала Сейди, потянув за ремешки черных туфель на высоком каблуке и опираясь на Эмму.

— Мальчишки улыбаются, — сказала Эмма.

— И ты в миллион раз симпатичнее ее, — заявила Тесса, хватая меня за руку и вытаскивая на танцпол. — Идем!

Следующий час мы танцевали, болтали и смеялись песню за песней, пока не раздался голос парня.

— Девчонки неплохо веселятся. Привет, Бри.

Я обернулась и оказалась лицом к лицу с Джейкобом Фишером — парнем, которого я знала всю свою жизнь, и с которым Сейди временами общалась. Но за все время нашего с ним знакомства, он едва ли сказал мне три слова, так что тот факт, что сейчас он разговаривал со мной, несколько поверг меня в шок.

— Оу, привет, Джейкоб. — Я тряхнула волосами.

— Ай! — вскрикнула Тесса. — Спасибо, Бри, ты мне чуть глаз не выбила своими волосищами!

Я что, нервничала? Бри, соберись. Это всего лишь Джейкоб Фишер.

— Извини..., - пробормотала я. — У меня новая прическа. Похоже, мне не следовало..

— Выглядишь мило, — Джейкоб перекрикивал музыку.

— Что? — спросила я. — То есть, спасибо! Ты тоже.

О боже. Я только что назвала его милым?

Он странно на меня посмотрел. Но прежде чем он смог вымолвить хоть слово, Сейди вмешалась.

— Джейк, а ты знал, что у Бри сегодня день рождения? Пятнадцать лет, детка! — Она схватила меня за руку и закружила.

— День Всех Святых, — добавила Эмма. — А Бри у нас святоша. — Трое начали хихикать.

— Да? — спросил Джейкоб. — Это клево. С днем рождения, Бри.

Хвала Господу Богу, там было темно, потому что, клянусь, в это самое мгновение я густо покраснела.

— Эм, спасибо.

А после, потому что временами жизнь бывает прекрасна, началась медленная песня.

— Боже мой, это же «Должно быть, это была любовь»! — завопила Эмма, подпрыгивая на месте. (прим пер. 'It Must Have Been Love' — песня группы Roxette, саундтрек к фильму «Сбежавшая Невеста») Я с ужасом наблюдала, как все в комнате начали разбиваться на парочки, и огляделась в поисках кого-нибудь, с кем можно потанцевать, не смотря на то, что прямо передо мной стоял парень. У меня ушло около 36 секунд, чтобы понять, что перспективы у меня нулевые, поэтому я решила уйти, чем скорее, тем лучше.

— Ладно, пойду перекушу чего-нибудь...

— Хочешь потанцевать? — выпалил Джейкоб.

Мы все четверо уставились на него, вытаращив глаза, открыв рты и совершенно застыв на месте. Кажется, я даже начала пускать слюни.

— Да! — наконец выпалила Сейди, толкая меня в его руки. — Хочет! Хочет, хочет, хочет!

— Воу! — вскрикнула я, теряя равновесие и цепляясь за его плечи. Через пару секунд, мои подруги виртуозно скрылись с танцпола. Эмма реализовала свой план нападения и схватив Нейта за руку, увела его от товарищей по футбольной команде. Тесса подкралась и чмокнула Эрика в щеку. Сейди подбежала к чаше с пуншем, чтобы поболтать с Доктором О'Нейлом, в которого она была безумно влюблена, не смотря на то, что ему было тридцать и у него было двое детей.

— Боже, как неудобно, — пробормотала я, теряясь в огромных ручищах Джейкоба.

Джейкоб рассмеялся и помог мне устоять.

— Ну и хороши же у тебя подруги.

— Ага, давай, расскажи мне об этом. — Я покачала головой и смущенно посмотрела в его глаза. Ииииииии вдруг БАМ. Прежде чем я поняла, что произошло, этот Страшила обхватил меня своими клешнями. Внезапно, я не смогла отвести от него глаз. То же самое с ним.

Секундочку.

Какого черта тут происходит? Джейкоб Фишер не в моем вкусе (то есть, я еще не совсем определилась, какие парни в моем вкусе, но опять же). Во-первых, он был типичным скейтером. Во-вторых, когда он научился разговаривать? В-третьих, он даже не симпатичный.

— Бри? — спросил он, эти глаза все еще смотрят на меня.

Вдох.

— Ага?

Ладно, у парня была отчасти милая прическа. И эта его вроде-может-быть-чуть-чуть-

привлекательная улыбка. И он был, вау, очень высок.

— Насчет танца, — произнес он.

— Танца? — пробормотала я, мои глаза сияли все ярче и ярче с каждой секундой.

Ладно, хорошо. Я признаю. Я была влюблена в него еще с начальной школы. Совершенно, безоговорочно, абсолютно влюблена. Но черт подери, он упустил свой шанс! Он что думал, я буду вечность носиться вокруг него словно маленький послушный щеночек? Никогда!

— Мм, так это «да»? — спросил он, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Джейкоб Фишер только что пригласил меня на танец! Дважды!!!

Я попыталась припомнить стратегию Эммы. Шаг первый, врезаться в него? Ладно, это мне уже удалось, благодаря моим невероятно клевым подругам. Что там было дальше? Хлопать ресницами? Облить его чем-нибудь? Я опустила взгляд. М-да. Не то чтобы у меня был большой выбор...

Вдруг я поняла, что придется работать с тем, что есть под рукой. У меня в наличии имелась пышная копна волос. Так что я быстренько огляделась, чтобы убедиться, что на линии огня никого нет, и от души мотнула головой, отбрасывая волосы назад. На этот раз меня ждал успех. Потому что Джейкоб улыбнулся.

— Конечно, — ответила я, пожав плечами. — Полагаю, один маленький танец меня не убьет.

(Тогда я еще не знала.)

Заиграла самая совершенная медленная песня во Вселенной.

Это была любовь, но теперь все кончено...

Он взял мою руку.

Было так хорошо, но я все потерял...

Внезапно, все исчезли.

Тесса, Сейди и Эмма.

Исчезли.

Учителя и шапероны.

Исчезли.

Все ребята в зале.

Исчезли.

В этот момент существовал только он. Только я. Только миллион мерцающих огоньков, вспыхивающих и мигающих вокруг нас, пока мы кружились в танце. Мои руки на его плечах, его — на моей талии. А когда песня закончилась, мы продолжили танцевать.

Он мне нравится. Я влюблена в него. О, боже, я влюблена в него.

Джейкоб отвел взгляд и уставился в пол.

— Эй, Бри? Мне вот что интересно.

Может, тебе нужны мои конспекты по истории к понедельнику? Может, ты подбросишь меня домой после танцев? Если бы я только перестала наступать тебе на ногу... Боже, я что, наступаю ему на ногу?!

Я опустила голову вниз, в тот самый миг он наклонился, и наши лбы стукнулись.

— Оууу! — воскликнули мы оба. Его руки опустились с моей талии, а мои с его плеч.

Пора уходить, Бри. Пора испортить совершенный момент.

— Черт, — произнес Джейкоб. Он потер лоб. — Не знал, что у тебя отличный удар головой.

ОБОЖЕМОЙ. Умираю от смущения.

Он улыбнулся.

— Ты должна подумать о попытке на Олимпийских Играх.

Его шутка застала меня врасплох. Я рассмеялась и ощутила, как немного расслабилась.

— Может быть.

Он положил ладони на мою талию. Глядя на меня своими бездонными голубыми глазами. Началась новая песня.

Иногда ты рисуешь меня, я захожу слишком далеко...

— Так, — начала я, набираясь смелости в первый и последний раз. — О чем ты... мм, хотел меня спросить?

Если ты упадешь, я поймаю тебя, я буду ждать вечно...

Джейкоб улыбнулся. Протянул руку, прикоснулся к моему лицу и произнес пять изумительных слов.

— Можно мне поцеловать тебя?

А затем он сделал это.

Глава 13

У-в-а-ж-е-н-и-е, ВЫЯСНЯЮ, ЧТО ЭТО ОЗНАЧАЕТ ДЛЯ МЕНЯ

— Это что еще за...хрень? — Патрик показал на стакан спрайта, окрашенный кроваво-красным красителем. Он осматривал гостиную Фишеров. — Твои друзья прямо...превзошли себя.

— Ты такой сноб, — произнесла я. — Извини, если это не вписывается в стандарты твоей обожаемой пиццерии. — Я радостно кружилась по комнате, ощущая головокружение. Не потому, что я была пьяна. А потому, что впервые за все время мне не нужно было волноваться, что я буду ощущать неловкость при разговоре с незнакомыми людьми. Не нужно было испытывать стресс по поводу того, что здесь я не самая популярная девчонка, или что выгляжу недостаточно круто, на случай, если меня не пригласят вовсе. В этом заключалась вся прелесть. Никто меня не видел. Никто не слышал. Быть может, некоторые до сих пор переживали по поводу моей кончины. Самое забавное в школьных вечеринках то, что на самом деле никто не веселится, хотя все думают наоборот. За исключением этой вечеринки. На этой вечеринке я отрывалась больше всех.

Я огляделась, надеясь, что Эмма, Тесса и Сейди покажутся, но их я не увидела. Быть может, они все еще в трауре. В отличие от НЕКОТОРЫХ.

Здесь было приличное число друзей Джейкоба, плюс огромное количество людей, которых я не знала вовсе, должно быть, их пригласила Майя. Я увидела его лучших друзей, Уилла и Майло, которых Сейди звала Твидл Ди и Твидл Дав. Они были одеты в костюмы зомби..., которые им определенно подходили, как никогда раскрывая их индивидуальность. Дом Джейкоба с ног до головы был увешан украшениями к Хэллоуину. Коридор был увешан паутиной, а гостиная превратилась в веселенькую версию «техасской резни бензопилой», повсюду лежали гамбургеры с мясом и кетчупом. На заднем дворе было темно и лишь в тускло освещенном бассейне плавали зловещие глазные яблоки.

Не буду врать, пару раз мне стало по-настоящему жутко; а после мне стало очень грустно, вспоминая о временах, когда мы сидели с ним на вот этом вот диванчике, или плескались в бассейне на заднем дворе вместе с его семьей, или тайком пробирались в его спальню, пока наши родители свято верили в то, что мы «делаем домашку». Но я постаралась не заикливаться на грустном. Не в этом дело. Сегодня был вечер веселья. Он был посвящен встрече с Джейкобом, и я собиралась отплатить ему той же монетой.

Я показала на груду пластиковых вампирских клыков.

— Здорово! — Я попыталась подцепить парочку, но мои руки прошли сквозь столик. Я бросила кокетливый взгляд на Патрика. — Тебе повезло, что я не могу их надеть.

— Почему?

— Потому что я укусила бы тебя, вот почему.

— Ангел, прошу. — Он наклонил голову, обнажая шею. — Не позволяй мне остановить тебя.

Я приблизилась.

— Я все равно попытаюсь.

— Да уж пожалуйста.

Наши взгляды встретились, и на долю секунды мы не отводили глаз. Я провела рукой по его шее, но остановилась.

Что я творю?

Он заметил, как я колеблюсь.

— Не испытываешь жажды? Полагаю, стоит найти какую-нибудь другую вампиршу, чтобы предложить ей себя. — Он оглядел комнату. — Оу. Кого-то вроде нее, например.

Я обернулась и в неверии уставилась на девушку, которую он показал.

— Анна Клейтон? Ее что, все парни планеты обожают что ли? Да она страшилище!

— Полегче. — Патрик вскинул руки. — Успокойся, Сырок. Это просто наблюдение. Не сходи с ума по мне.

— Пусть твоя мама ходит по тебе... — Я услышала как в соседней комнате что-то упало. — Фу. Похоже, ничего хорошего.

— Хвала Господу, — произнес он. — Быть может, эта вечеринка в конце концов станет чуточку интересней.

Мы прошли через толкучку в коридоре на кухню, где несколько ребят пытались разбить пиньяту* в виде Франкенштейна. Я увидела Майю с крайне обозленным выражением лица, но, как ни странно, ее брата нигде не было. На долю секунды, я решила подняться наверх, чтобы проверить его спальню, но после решила, что лучше будет застать его врасплох прилюдно. Где бы я могла унизить его публично. (*пиньята — мексиканская игрушка из папье-маше, наполненная сладостями)

Гораздо, ГОРАЗДО лучше.

— Нам не надо пробежаться по правилам еще раз? — спросил меня Патрик. — Помнишь, чему я тебя учил? Все дело в намерении. Оно не сработает, пока ты полностью не сосредоточишься.

— Не могли бы мы снова вернуться к той части, где нужно сосредоточиться? — саркастично поинтересовалась я.

Он скрестил руки.

— Похоже, мою помощь больше не ценят. — Он повернулся, чтобы уйти с кухни.

— Нет, стой, не уходи! — окликнула я его. — Ты такой чувствительный. Я просто пошутила.

Патрик обернулся с улыбкой на лице. Его вид застал меня врасплох. То, как майка обтягивала его тело. Темные волосы дополняли глубоко посаженные глаза. То, как джинсы идеально сидели на его за... Он выглядел довольно сексуально. Ну, как для мертвого парня.

Ну, спасибо, раздался его голос у меня в голове. *Ты тоже ничего.*

Я замерла, совершенно убитая тем, что он это услышал. Я не привыкла делить свои мысли с кем-то еще. Особенно, если этот кто-то оказался отчасти привлекательным парнем...

— Отчасти?

— Эй! — огрызнулась я. — Seriously, убирайся!

На что Патрик лишь рассмеялся.

Но внезапно, я заметила, как дверь за его спиной открылась. Увидела знакомую походку. Лицо, которое узнала бы из тысячи. Я ощутила, как вся напряглась. Я приложила все усилия, чтобы не расклеиться. У меня ушло много сил, чтобы не броситься ему в объятия.

Вот он. В буквальном смысле, парень моей мечты. Так и было, пока мечта не обернулась кошмаром. Прямо сейчас, я сосредоточилась на кошмаре.

Так это он и есть, а? Патрик бросил взгляд на входную дверь.

Я замерла на месте. Это был он.

Я серьезно, что в нем такого? Ему поклоняются все девушки планеты? Он даже не красавчик.

Я ненавижу тебя.

Ты любишь меня.

ТЫ любишь себя.

Довольно справедливо. Так чего же ты ждешь?

Я сделала пару шагов вперед. Остановилась. Вокруг него толпились люди.

Не теряй фокус.

Я протиснулась сквозь толпу, невидимая и неслышимая. Джейкоб. Мой Джейкоб. Глаза уставшие. Грустные. И даже не смотря на то, что он был окружен людьми, которые знали его... людьми, которые заботились и понимали все его заморочки, и знали о произошедшем недавно... Он выглядел одиноким. Потерянным.

Я ощутила, как мой гнев начал исчезать.

Он скучает по мне.

Бри, не делай этого.

Но что если так и есть?

Что бы это изменило?

Быть может, он раскаивается.

Он ДОЛЖЕН раскаиваться.

Я открыла рот, но не смогла вымолвить ни слова. Я ощутила запах его одеколона. Легкий намек. Боже, как же хорошо пахнет.

Я хотела, чтобы он обнял меня. Сказал мне, что все будет хорошо. Что все не более, чем плохой сон, и мы снова будем вместе. Быть может, даже навсегда.

Ты отвлекаешься.

Я не могу это сделать.

Он не любит тебя.

Заткнись, Патрик.

Я потянулась и кончиками пальцев дотронулась до куртки Джейкоба, послышался треск электричества. Волосы на руках и затылке встали дыбом.

Майло и Уилл добрались до него раньше меня.

— Привет, старик, — произнес Майло. — Как дела? Мы прождали тебя больше часа.

— Я посылал тебе сообщение, — сказал Уилл. — Ты в порядке? Выглядишь не очень.

Джейкоб покачал головой.

— Я... мне нужно было подышать воздухом. Не было настроения для вечеринки. Я вообще не хотел, чтобы Майя ее устраивала. Я сказал ей отменить все.

Уилл и Майло обменялись встревоженными взглядами.

— Все клево, правда, — произнес Уилл. — Все веселятся.

Джейкоб кивнул, взгляд по-прежнему приклеен к полу.

Бедный Джейкоб. Весь такой одинокий. Никто не понимает, через что он прошел. Никто, кроме меня.

— Ты был у нее сегодня, да? — спросил Майло.

Я замерла, услышав эти слова.

У нее?

Я повернулась, чтобы взглянуть на Патрика, на случай, если я не расслышала Майло.

— О чем это он говорит?

Патрик покачал головой и отступил назад.

— Не спрашивай.

Я повернулась обратно к троице парням.

— Она до сих пор расстроена? — спросил Уилл, понизив голос.

— Ага. — Кивнул Джейкоб. — Не могла перестать плакать.

У меня было такое чувство, словно мне в кровь впрыснули смертельную дозу яда, который медленно начинает ползти к моему сердцу.

— Она? Кто такая она? — я взглянула на Джейкоба. — О ком, черт подери, ты говоришь? — Если бы мои глаза стреляли лазерами, он бы уже давно превратился в кучку пепла на полу. Я до сих пор не понимала, почему он порвал со мной на пустом месте. Что если за всем этим кто-то стоял? Другая девушка? Девушка, которую он предпочел мне?

Внезапно в гостиной появилась стена пламени и дыма, на полу зазмеилась раскаленная лава, заставляя меня отступить назад.

Бри! Будь осторожна!

Я должна узнать. Я должна узнать кто она такая.

Тебе нужно сосредоточиться.

Нет. Даже НЕ говори со мной. Я должна услышать его. Мне нужно услышат, что он скажет.

— Это отстой, чувак, — сказал Майло, качая головой. — Но я думаю, что у вас, ребята, все будет хорошо, вы подходите друг другу.

Друг другу?!

Я была практически готова простить его. Проползла сквозь время и пространство, чтобы мы снова были вместе. Но это? Это было слишком. Жалаящая боль начала зудеть в районе сердца.

Патрик снова возник в моей голове:

Сосредоточься. Используй это.

Пошел ты.

Хорошо. Да. Есть контакт!

— Ага, — ответил Джейкоб, проводя ладонями по волосам. — С ней все в порядке. Просто все происходящее тяжело ей дается.

Да как ты СМЕЕШЬ? Тяжело ЕЙ дается? Ты никого не забыл?

Я стиснула кулаки. От кожи исходил дым. Я пылала, в буквальном смысле.

Давай. Прямо сейчас.

Я прошла сквозь Уилла и Майло.

— Вау, — произнес Уилл, запнувшись. — Чувак, ты это почувствовал?

— Вот дерьмо, это было странно, — ответил Майло. Его лицо побледнело.

Я была всего в трех дюймах от лица Джейкоба. Казалось, он был сбит с толку. Он смотрел сквозь меня, но затем, в его взгляде промелькнуло нечто. Некий намек, ничтожно малый, но похожий на узнавание. Но это было все, что мне нужно.

Он у тебя в руках.

— Бри? — прошептал Джейкоб, достаточно громко, чтобы я его расслышала. Я услышала, как его сердцебиение ускорилося. Паника. Пульсация. ЖИЗНЬ. Должно быть, это

МИЛО.

Я приблизилась, сокращая расстояние между нами. Оранжевые и голубые языки пламени лизали мою кожу. Его глаза широко распахнулись. Затем, возник свет, легкий как перышко, когда я прикоснулась губами к его щеке. Едва-едва.

— Да, это я, — прошептала я.

Сосредоточься.

Патрик по-прежнему был со мной. Я ощущала, как его глаза прожигают меня насквозь.

— Джейкоб, чувак, серьезно...ты в порядке? — Майло трясло. Остальные заподозрили, что происходит нечто странное. Кто-то даже выключил музыку.

Джейкоб стоял посреди комнаты с таким видом, словно увидел призрака. Не знаю насчет увидел, но услышал точно. Я наблюдала, как его взгляд метался по комнате. Ладони вспотели и, похоже, он был чертовски напуган.

Пора.

Но я с ним еще не закончила. Осталось еще кое-что, что огнем горело в груди.

— Это твоя вина, — прошептала я ему на ухо, в этот раз чуть громче.

В мгновение ока, он побледнел.

— Кто бы это не делал, это не смешно! — закричал он. Все в комнате замолчали. Все взгляды устремились на него.

— Расслабься, чувак, все норм, — произнес Майло, пытаясь успокоить его. Он схватил Джейкоба за руку. — Идем, тебе нужно на воздух.

Давай же. Он твой. Сделай это прямо сейчас.

Я склонилась к нему еще ближе. Медленно, я положила руки ему на грудь, ощущая, как его тело напряглось от моего прикосновения. Затем я прошептала на ухо самые, что ни на есть, подходящие слова. Эти слова вертелись у меня на языке с той самой ночи.

— Ты убил меня.

Он начал кричать. И не прекратил, пока все не выбежали из комнаты.

Глава 14

Ничто не сравнится с тобой

Патрик и я медленно шли бок о бок, купаясь в лунном свете, прохладе океана и запахах эвкалиптового леса. Мы шли не сговариваясь. Все, что я знала — мы шли на север, прочь от дома Джейкоба, к городу. Мы долго шли, не произнося ни слова.

— Это было впечатляюще, — произнес он наконец, нарушая тишину. — Я не был уверен, что у тебя на уме, Сырок.

Я выдавила улыбку.

— Я пытаюсь убедить себя, что это было круто.

Все-таки, я не могла избавиться от ощущения, что все прошло не так, как должно было. С одной стороны, я должна была чувствовать себя хорошо от того, что напугала Джейкоба. Должно было возникнуть некое чувство облегчения или удовлетворения. В конце концов, я только что выставила его психом перед большей частью выпускников и друзьями его сестры из Стенфорда.

Но все было бессмысленно. Я по-прежнему торчала в этом глупом месте, и даже близко не добралась до дома. Полагаю, часть меня надеялась, что Джейкоб поймет свою ошибку. Надеялась, что он осознает, как дурно он поступил. Каким идиотом он был, бросив кого-то столь хорошего, как я.

Но этого не произошло.

Вместо этого, все о чем он думал — это ОНА. Другая девушка. Кто-то симпатичнее, забавнее, глупее, и кого я обманываю, скорее всего и грудь у нее была больше моей. Кто-то, кто смог «заполучить его» так, как я уже никогда не смогу. Кто-то — я не могла удержаться от этой мысли — кто разобьет его сердце так же, как и он мое.

— Любовь отстой, да? — произнес Патрик.

Я кивнула.

— Ага. Похоже на то.

Он положил руку мне на плечо.

— Это пройдет. Я имею в виду, это чувство. Ты позабудешь о нем, даже не заметишь когда.

Я остановилась.

— Что если я не хочу забывать?

Я упала на колени. Так глупо было верить, что он меня любит. Было ошибкой считать, что мое появление на вечеринке его сестры по случаю Хэллоуина изменит то, что произошло между нами. Это бы все доказывало. Я ничего не могла с этим поделать. Ничего не изменить. Буквы на моем надгробии были не временные. Они были высечены на всю жизнь. Навечно.

ОБРИ ЭЛИЗАБЕТ ИГАН

ПОДРУГА. ДОЧЬ. АНГЕЛ.

НАВЕКИ В НАШИХ СЕРДЦАХ.

1 НОЯБРЯ, 1994 — 4 ОКТЯБРЯ, 2010

В тот момент я поняла. Я ощутила это. Я не вернусь. Я буду жить в мире фантазий, полном обещаний, что однажды, когда-нибудь, я вернусь к прежней жизни. Жизни, которая будет ждать меня с распростертыми объятиями. Полная надежды и смеха, и любви, и вторых шансов. Но правда застала меня врасплох, как и говорил Патрик. И это было нечестно.

Патрик сел рядом со мной. Я увидела, как он сунул руку в потертый карман джинсов и вытащил смятую салфетку... ту самую, с «Куска», где он написал список слов. Он зажал колпачок ручки в зубах и развернул салфетку. Затем, не глядя на меня, он аккуратно перечеркнул первое слово из списка.

Отрицание

Я изо всех сил пыталась сдержать слезы.

— Почему я? — закричала я, обращаясь к небу. — ПОЧЕМУ? Чем, черт возьми, я заслужила такое? Заслужила все это?!

Я прильнула к нему, рыдая. Горячие, злые слезы струились по лицу, падая на песчаную, сырую землю.

— Все в порядке, — произнес Патрик, его голос был мягок и серьезен. На этот раз. — Я здесь, с тобой.

Он позволил мне выплакаться, держа меня на коленях, не знаю как долго, прямо под гигантской секвойей на краю шоссе № 1. Он гладил меня по волосам. Говорил, что все будет в порядке. Над нами появились звезды: мерцающие и сияющие; а земля отсырела еще больше. Я почувствовала, как он отодвинулся и расстегнул куртку. Он укрыл меня ею, и я прижалась к нему еще ближе. Я была так зла и расстроена, что едва могла разлепить глаза, как маленький ребенок после истерики.

— Могу поспорить, — прошептала я, — однажды ты сделаешь кого-нибудь очень, очень счастливым.

Если Патрик и ответил мне, я его не услышала. Я уже провалилась в темный, далекий, тревожный сон.

Глава 15

Ты — гончий пес, не более

Я была из тех людей, которые не запоминают свои сны. Я перепробовала буквально все: журналы; запись на кассету; спрашивала у девчонок, говорила ли я во сне — но нет, ничего, абсолютно. Жутким исключением из правил был жуткий кошмар с мотоциклом а, кроме этого, больше ничего не всплывало в памяти.

Но не на этот раз.

По какой-то непонятной причине, в ту самую ночь, что-то подсказывало мне, что я запомню приснившийся мне сон. И когда я, наконец, проснулась следующим утром, все еще свернувшись на коленях у Патрика, догадайтесь что?

Это случилось. Мне приснился Хамлоф.

Или, конкретней, мне приснился тот раз, когда Хамлоф съел мою любимую плюшевую игрушку — кролика, которого я звала Миссис Пух. Я голос сорвала, пока лазила по кровати в ту ночь в поисках моей возлюбленной Миссис Пух, пропавшей без вести прямо из-под одеяла. Ее пушистый розовый нос, мягкие розовые ушки. Самые мягкие на свете.

Растворилась без следа.

Поначалу, Мама и Папа сказали, что я, должно быть, где-нибудь оставила его. У Сейди дома. В прачечной. Под кроватью. Я опровергла все их домыслы. Потому что я знала правду. Миссис Пух пропала... Миссис Пух украли. Хаос обернулся столпотворением, когда Папа заметил странные следы из слюнявого хлопка, ведущие по коридору и вниз по ступеням в гостиную, прямо к лежанке Хамлофа.

Да. Это была правда. Собака слопала моего кролика. Он съел его розовый носик который я целовала тысячу раз. Он съел его мягкие розовые ушки. Он даже съел его красивые голубые глаза. (Один пару дней спустя все же вышел наружу, но уже не такой голубой и не такой сияющий.)

— Все, — прошептала я. — Я помню все.

Я вспомнила Миссис Пух. Вспомнила, как Хамлоф лежал с оттопыренным животом, в котором наверняка был кролик. Я вспомнила, как разозлилась как никогда за всю свою юную, короткую жизнь; меня не пронял даже полный раскаяния взгляд милых щенячьих глаз, когда пес увидел, что я плачу. А потом, я почему-то вспомнила, как Мама качала меня на руках в ту ночь и рассказывала, что Хамлоф еще щенок. И что он не нарочно. Я вспомнила запах ее волос и тепло ее махрового халата. Я вспомнила, как от ее особой маминой заботы я почувствовала себя лучше, и что никому на земле такое больше не под силу.

Но это было не больше, чем воспоминание. Причем тоскливое. Неожиданное, всепоглощающее чувство. По тому, как она держала меня на руках, когда я была маленькой, и мы вдвоем в глупых пижамах воскресными утрами. Это печалило нас обеих, поскольку мы были лучшими подружками, но постепенно стали отдаляться друг от друга из-за злости и обид, и никто из нас не пытался удержать все на плаву... в конце концов, дети вырастают. То были чувства, которые я бережно схоронила в капсуле времени, закрыла в надежном, секретном месте, где их никто не найдет. А это место, каким-то образом, со временем забылось. Я скучала по моей семье. Я скучала по маме.

Я открыла глаза, опухшие от слез и посмотрела на Патрика.

— Ангел? — произнес он.

— Я хочу домой.

— Хочешь поговорить почему?

Я помотала головой. Потянулась и поднялась на ноги. В груди возникло ощущение тяжести, словно мне налили туда бетон, пока я спала. Но помимо этого возникло кое-что еще. План, который походил на руководство к активным действиям.

Но сперва, домой.

— Итак. — Он говорил воодушевленно, словно пытался поднять настроение. — Я тут подумал, что хотел бы показать тебе нереально крутое местечко здесь неподалеку...

— Я хочу домой, — снова сказала я. — Сейчас же.

Он одарил меня веселым взглядом.

— Мы этим утром немного властные, да?

— Называй, как хочешь.

Он почесал затылок.

— Дело в том, что...

— Что? — спросила я. — В чем дело?

— С этим может возникнуть небольшая проблемка, — сказал он.

— С чего бы это?

Патрик вздохнул и сунул руки в карманы.

— Послушай, Сладкая. Знаю, тебе это не понравится, но сейчас все по-другому. Ты не можешь пойти туда, куда тебе вздумается...

— Кто такое сказал?

— Серьезно?

Я бросила на него взгляд.

— Похоже, что я шучу?

— Черт, — пробормотал он. — Кто-то встал не с той полосы дороги сегодня.

— Возьми нас, или как там это делается. — Я протянула ему руку. — Я готова.

Он скрестил руки на груди.

— Позволь мне напомнить, что я не твой личный шофер.

— Забавно, — ответила я. — Потому что именно так я и думаю.

— Ты не та, за кого себя выдаешь, — пробормотал Патрик, хватая меня за руку.

Я ощутила, как сквозь меня прошел электрический разряд.

— Ауч! — взвизгнула я, отдергивая руку. — Боже! Ты долбанул меня током?!

— Оуу, — произнес Патрик. — Между нами пробежала искра. Я балдею.

Я потеряла руку, проворчав:

— Никто уже не говорит «балдею», придурок.

— Послушай, — сказал он. — Не казни гонца за весты. У тебя есть полное право злиться, но не забывай.

— Не забывать что? — огрызнулась я.

Он сильно пнул камень, и тот перелетел аж через дорогу.

— Не забывай, что я — это все что у тебя есть на данный момент, ладно?

Его слова жалили, и я не сдержала удивления от увиденного только что. Каким-то образом, Патрику удался этот маневр. Ногой. Он смог контактировать с предметом из Реального Мира. Не смотря на то, что сам он к нему больше не принадлежал. Я была совершенно ошеломлена.

— Как ты это сделал?

— Извини? То есть ты еще не прочла ДУ целиком? Вот это шокирует.

— Ладно, ладно, — простонала я. — Я поняла. Мне жаль.

— Сперва признай.

— Ты — единственный, кто у меня остался, — пробормотала я.

— Я тебя не слышуууу....

— Ты — единственный, кто у меня остался! — Я ощутила, как мое лицо вспыхнуло. —

Теперь, покажи мне как ты, черт подери, это сделал?

Он улыбнулся.

— Сперва важное. — Он схватил меня за руку, притягивая ближе. Прежде чем я поняла что происходит, у меня возникло ощущение, будто я оказалась на тошнотворных американских горках, и мы на скорости вращаемся по кругу, как безумные; все мои мысли свелись к одной: как бы меня не стошнило. Мой желудок оказался где-то в районе горла, и от ветра я даже не слышала своего голоса, который вопил, чтобы все это прекратилось. Затем, внезапно, это произошло.

— Дом, милый дом, — произнес Патрик.

Я открыла глаза. Чувствуя, как мое тело дрожит и сотрясается в спазмах, когда силы гравитации и инерции все же взяли свое.

— Б-б-больше никогда т-т-ттак не д-д-делай.

— Сделаю себе пометку, Ангел, — сказал Патрик.

Мне не нравилось, что он зовет меня Ангелом. Сырные прозвища я тоже не оценила, или же просто меня раздражало то, что он никогда ничего не рассказывал о себе, позволяя мне додумывать все самой. Но сейчас, все это было не важно. Потому что мы стояли на моей подъездной дорожке.

Магелан Авеню 11.

Весь дом был скрыт в тени. Все окна закрыты. Занавески опущены. Словно там никто не жил уже давным-давно. Либо просто перестал обращать на это внимание. Прошло всего несколько недель с моей смерти, что по меркам Вечности было всего ничего. Но видеть, как прохладный осенний свет озарял крышу... грязный, пожелтевший, неухоженный двор; сухие листья свалялись и загнили; в нескольких кварталах к западу раздавался зловещий шепот океана... казалось, прошло гораздо больше времени. Все место казалось неправильным. Исковерканным. Призрак былого величия.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Как и я.

Я не могла отвести взгляд.

— Что здесь произошло? — спросила я.

— Что и всегда, — ответил Патрик. — Они кого-то потеряли.

Звук открывающейся двери привлек мое внимание. Маленький мальчик с темными волосами, джинсах и черной толстовке вприпрыжку спустился по ступенькам, даже не удосужившись закрыть за собой дверь. Он бросил футбольный мяч на подъездную дорожку и с силой пнул его о металлическую гаражную дверь.

БАМ!

БАМ!

БАМ!

Это был Джек. В мгновение ока по телу пробежали мурашки. Он был так близко. Он

был таким настоящим. Щеки ярко-красные, а нос заложило от холодного осеннего воздуха. Я хотела подбежать к нему, обнять и не отпускать. Я наблюдала, как он вытер нос рукавом. Он бросал мяч в гаражную дверь.

БАМ!

Я сделала шаг по аллее, но остановилась, поняв всю сволочную ситуацию происходящего.

— Он меня не видит.

— Верно, — согласился Патрик. — Но в этом есть и положительная сторона — у тебя ужасная прическа, так что, быть может, это и к лучшему.

Я потянулась к непослушным кудряшкам, чтобы пригладить их, но остановилась, когда поняла, что Патрик лишь дразнит меня. Снова. Я злобно уставилась на него как обычно, но после услышала, как дверь открывается во второй раз.

— Джек!

Голос моей матери.

А потом я увидела ее, она высунулась из-за двери. В зеленом супер-мягком свитере, что бабушка подарила на Рождество. Ее черепаховые очки. Темные волнистые волосы, собранные в конский хвост. Вроде они стали короче, чем в моих воспоминаниях?

Мама.

У меня перехватило дыхание, а на затылке защипало кожу. Хотелось подбежать к ней. Так сильно хотелось подбежать к ней.

— Джек, милый, прошу, не стучи так сильно по гаражу. Слишком громко. Папа пытается поспать.

— Поспать? — повторила я. — До сих пор? Который час?

Должно было быть уже не меньше одиннадцати утра. А мой отец ранняя пташка. Он всегда просыпался на рассвете, чтобы часок позаниматься серфингом, прежде чем ехать на работу. Не может быть, чтобы он до сих пор спал! Он вечно ворчал на нас, когда мы спали до половины девятого в выходные дни.

— Ладно, — голос Джека был отстраненным. Будто он не слушал вовсе, и ему было плевать.

Не встречаясь с ней взглядом, он бросил мяч, разбежался и пнул снова. На этот раз, еще сильнее, чем прежде.

БАМ!

Мама покачала головой. Она была сердита, насколько я могла судить, но она ничего ему не сказала. Только хлопнула дверью и ушла обратно в дом.

— Большая счастливая семья, — произнес Патрик.

Я пропустила его слова мимо ушей. Прошла по аллее и села в десяти футах от того места, где Джек пинал мяч.

Джек Чеддер.

Он был красив. Красивый, милый, урюмый мальчик. *Через несколько месяцев ему исполнится девять.* Промелькнула в моей голове мысль.

Что если он забыл обо мне?

Он снял толстовку и бросил ее на землю. Затем сел на траву, скрестив ноги, сунул руку в карман и вытащил колоду карт. В течении лета я учила его тасовать колоду. У него почти получалось. Но руки по-прежнему были слишком малы, чтобы карты помещались целиком. Он разделил колоду пополам, как показывала я (когда карт меньше, получается легче), но

когда он согнул карты, чтобы сделать мост, колода выскользнула из пальцев и разлетелась по траве.

— Дерьмо, — пробормотал он.

— Попробуй еще раз, — произнесла я. — На этот раз используй пальцы.

Он повторил те же самые шаги, но, как и прежде, карты разлетелись.

— Проклятье! — Он бросил это занятие и стал снова пинать мяч.

Я ничего не могла поделать. Я была совершенно бесполезна. Пустая трата пространства.

— Ну, технически, с тех пор как ты лишилась тела, ты не можешь занимать пространство, — вставил Патрик. — Знаешь, если с технической точки зрения.

Я шлепнула себя ладонью по лбу.

— Боже мой, ты КОГДА-НИБУДЬ заткнешься?

Он улыбнулся.

— Не совсем.

Я уже собиралась придумать какой-нибудь остроумный ответ, когда крик привлек мое внимание. Я встала и направилась в сторону кухонного окна, чтобы получше рассмотреть. Вот они. Мама и Папа. Они сидели за столом друг напротив друга. Рядом с ним стояла нетронутая чашка кофе; непрочитанная газета и пустая тарелка перед ней. Она плакала. Он закрыл лицо руками.

— Ты должен остановиться, — сказала она. — Как долго ты будешь заставлять проходить нас через это? Как долго ты будешь заставлять Бри проходить через это?

Я? Они ругаются из-за меня?

— Я должен понять, — сказал он. — Я не смирюсь, пока не пойму.

— Ты одержим, — сказала Мама, ее голос срывался. — Ты не сможешь вернуть ее. Она умерла, Дэниэл. Когда ты, наконец, поймешь это?

— Это бессмысленно, Кэти.

— Она умерла, Дэниэл, послушай себя. — Она встала из-за стола и отнесла тарелку в раковину. Затем включила горячую воду, так что скоро окно, где я стояла, начало покрываться конденсатом и мне пришлось прильнуть к стеклу.

— Она была здорова, — продолжил Отец. — У нас все было хорошо. Ее сердце было здорово.

— Или не было. — Мама снова заплакала. Она замолчала, чтобы утереть слезы. — Быть может, мы ошибались.

— Нет! — Папа внезапно ударил кулаком по кухонному столу, перевернув сахарницу. Мама и я подпрыгнули от резкого звука. — У пятнадцатилетней девочки острый обширный коронаротромбоз? Ткани не так-то просто разорвать, Кэти. Сердце не может просто расколоться, черт его дери, пополам!

— Успокойся, — сказала Мама. — Тебя может услышать Джек.

Папа сделал глубокий вдох. Похоже, он пытался собраться.

— Моя бригада ничего подобного в жизни не видела, — произнес он, потирая глаза. — Бри могла помочь нам спасти жизни других людей... чтобы удостовериться, что подобное больше не произойдет.

— Это не твоя вина, Дэниэл, — прошептала Мама. — Никто не виноват.

— Тот парень имеет к этому какое-то отношение, — Папа покачал головой. — Я знаю, он причастен.

Ты прав, Папа. Ты близок к истине.

— И что же ты намерен делать? — потребовала Мама. — Посадишь в тюрьму шестнадцатилетнего парня за то, что тот поругался с твоей дочерью? Он ребенок, Дэниэл. Ты ведь видел ее сердце... — Ее голос дрогнул.

— Ты видел его своими глазами. Мы все видели. Неужели ты смеешь говорить мне, что Джейкоб Фишер повинен во всем этом. — Она замолчала, рыдая.

Больше, чем ты думаешь.

— Ты днями ночуешь на работе. — Мама повернулась к нему лицом, слезы текли по ее щекам. — Ты нужен нам, Дэниэл. Ты нужен Джеку и мне.

— А как же Бри? — произнес он. — Ей мы уже не нужны?

— Она УМЕРЛА! — закричала Мама изо всех сил, ее плечи задрожали.

Нет, нет, нет, прошу, не ругайтесь, прошу, не надо.

Хотелось закрыть глаза и уши... хотелось убежать и никогда больше не возвращаться. Но я не могла оторваться от окна.

— Я близок, — произнес Папа. — У меня есть теория.

— У тебя есть мы, — всхлипнула Мама. — Разве этого не достаточно? — Она попыталась обнять его, но он оттолкнул ее.

— Нет. — Он поднялся. — Прямо сейчас не достаточно. — Он взял ключи от машины со стола. — Я один из лучших кардиохирургов в мире, Кэти. Как думаешь, все это выглядит? Как все это выглядит, когда я даже не могу ответить на вопрос, что произошло с моей собственной дочерью?

В этом весь мой папа. Безнадежный реалист. В конце концов, это у него получается лучше всего. Он верит фактам. Он говорит правду. Люди со всей страны, даже со всего мира, просят у него помощи. Его убивало то, что он не смог спасти свою собственную дочь.

С мамой же все было иначе. Она была человеком творческим. Свободная душа. Она давала уроки рисования в Художественном Институте. Когда они впервые встретились, их различия лишь сделали их сильнее. Теперь же, эти различия разрывали их на части.

— Я нужен в больнице, — ответил Папа.

— Ты нужен нам здесь, — сказала Мама.

Прекратите, хватит, не надо ругаться, не из-за меня. Мне так жаль.

— Постараюсь не задерживаться.

— Что на счет ужина? — горько спросила Мама. — Это ее день рождения, Дэниэл. Ты правда удержишься допоздна сегодня?

Я замерла. Мой день рождения. Я повернулась к Патрику.

— Шестнадцать, — произнес он. — С днем рождения, Бри.

Папа вздохнул.

— Я постараюсь.

— Твоего постараюсь недостаточно.

— У меня есть обязанности, Кэтрин. — Его голос был холоден. Сердит. Я не могла припомнить, когда он в последний раз называл маму полным именем.

Она выбежала из кухни.

— Делай что хочешь. Мне плевать.

Я метнулась от кухонного окна через двор. Я вбежала по ступенькам к входной двери. Я должна была попытаться поговорить с ними. Я должна позволить им узнать, что им не нужно переживать из-за меня. Я зайду внутрь и все будет хорошо. Я попытаюсь все наладить. Это была моя семья. И им была нужна моя помощь.

Ты не можешь, прошептал Патрик у меня в голове.

Не могу что? Хватит уже говорить мне что можно, а что нельзя.

Я протянула руку, приготовившись почувствовать прикосновение холодного металла и дерева, как уже было ранее. Но вместо этого, я схватила дверную ручку и попыталась повернуть ее, ничего не произошло.

Какого...?

Я попыталась снова. Затем снова. Заперто.

— Ненавижу этот глупый дом! — закричала я, пытаясь пнуть дверь.

По-прежнему ничего. Не важно, как сильно я пыталась пройти сквозь дверь, это не срабатывало.

— Ненавижу, ненавижу, ненавижу! — закричала я изо всех сил, слова обжигали горло, словно раскаленные угли. Через минуту, я рухнула на ступени, тяжело дыша.

Я была так зла, что из рук и спины появились крошечные стручки пара. Я, буквально, пылала.

Патрик медленно поднялся по ступенькам.

— Лучше?

Я должна попасть внутрь.

Ты НЕ МОЖЕШЬ.

— Это безумие! — закричала я. — Почему нет? — Я развернулась и с прыжка врезалась в дверь. Закричала, пожалуйста... кто-нибудь, пожалуйста, впустите меня.

— Ты не готова, Бри. Пока нет.

— Что ты имеешь в виду, пока нет? — огрызнулась я. — Я была на вечеринке у Джейкоба. Почему я не могу попасть домой? Смотри, я сосредоточена. — Я скосила глаза на дверь и сосредоточилась так сильно, как только смогла. — Я сосредоточена. Но все это бессмысленно.

Патрик говорил тихо.

— Не нужно, Ангел.

Джек прошел мимо меня и потянул ручку одним быстрым движением, ничего сложного. Я попыталась проскользнуть вместе с ним. Пытаясь ступить ногой за порог. Все что угодно, лишь бы оказаться внутри. Но дверь захлопнулась у меня перед носом.

Мне тут не рады.

Я опустилась на колени, прижав голову к одному из окошек на входной двери. Они снова кричали. Голос Отца громко и четко раздавался по дому, Хамлоф вторил ему лаем.

Я молотила по двери кулаками.

— Я здесь! Хватит, вы двое! Хватит ругаться!

Я заглянула в окно. Внутри все было как и всегда. Тот же деревянный пол, те же шкафы, тот же китайский шкафчик в столовой, те же большие удобные диваны в гостиной; и полки, полки, полки в библиотеке. Мамина рассада на застекленной веранде, вся дикая, неухоженная и засохшая. Но с этим я ничего не могла поделать. Лишь беспомощно наблюдать, как моя милая, когда-то идеальная семья разваливалась у меня на глазах. Я зажмурилась и приникла лбом к стеклу. Я ненавидела это. Ненавидела очень сильно. Все было так несправедливо.

Мимолетное движение привлекло мое внимание. После, немного погодя, некто чихнул. Я подняла взгляд и чуть не растаяла. В окне, свесив большие шелковистые ушки, на меня смотрел во все глаза Хамлоф.

Глава 16

Полное затмение сердца

Это не могло быть реальностью. Эти большие коричневые глаза не могли смотреть на меня. Я обернулась, чтобы оглядеть улицу. Может, он увидел какую-нибудь белку или кота, а может, еще какой-нибудь зверь привлек его внимание. Бегун, быть может? Или тарелка фрисби на дворе у Беннеров? Ничего. Никаких признаков движения.

Ну, это странно.

Я повернулась обратно к окну, где был Хамлоф, он все еще сидел в той же позе и глазел на меня. Не сдвинулся ни на дюйм. Ярко-белая грудь вздымалась от частых вздохов, а голова с любопытством склонена набок. Он принялся и взвыл, словно волк.

— Эй, привет, красавчик, — прошептала я.

Он еще раз склонил голову набок, в той самой очаровательной манере на какую только способны собаки, и я увидела, как начал тихонько постукивать его хвост по полу.

Быть такого не может.

Я не удержалась и медленно прикоснулась рукой к стеклу. Он отпрыгнул и начал гавкать.

— Шшш! — зашипела я. — Тихе!

Его уши зашевелились, как только слова сорвались с губ.

— Хороший мальчик, — произнесла я, взгляд остановился на его милой лохматой собачьей морде. — Давай, малыш. Давай. — Я во второй раз потянулась к нему. Попыталась пройти ладонью сквозь стекло. Хамлоф сидел спокойно. Он перестал стучать хвостом, а сам осторожно потянулся ко мне носом, приняв хиваясь. — Хамми? — я изучала его взгляд. Но в нем не было узнавания. Не было ничего.

Он не может меня видеть. Кого я обманываю?

— Мне жаль, — тихо произнес Патрик. — Правда.

Руки безвольно повисли. А я начала плакать.

— Я такая дура, — произнесла я. — Ты был прав. Я просто застряла здесь навеки вечные в этой беспонтовой вечности, без семьи и друзей...

— Мм, спасибо, — перебил меня Патрик.

— ... без парня... и даже без собаки...

— Бри, подожди...

— ... до тех пор, пока моя душа не погибнет или Вселенная не взорвется...

— Бри, послушай...

— ... или произойдет что-нибудь еще пострашней...

— Боже, да ВЗГЛЯНИ же ты!

— А? — я подняла голову.

Хамлоф скребся в окно. Прямо там, где была моя ладонь.

— Боже мой, — прошептала я. Я не могла поверить в это. Это был единственный трюк, которому нам удалось научить его. Он пытался подать мне лапу. Слезы начали бежать по моим щекам и я рассмеялась. — Ты, сумасшедшая собака, ты МОЖЕШЬ меня видеть! — Е мгновение ока, весь гнев во мне испарился. Я подпрыгнула, хлопая в ладоши и безумно смеясь, пока Хамлоф лаял, поскуливал и нарезал круги по другую сторону стекла.

— Хороший мальчик! — закричала я. — Хороший мальчик!

Он ответил лаем и яростно начал облизывать окно.

Патрик покачал головой.

— Будь я проклят. Никогда не видел ничего подобного.

— Хамлоф, хватит лаять. — Закричала Мама из кухни. — Кто у двери?

— Это я! — кричала я. — Мама, это Я!

Она подошла к двери, и я услышала, как открывается замок. Внезапно она оказалась передо мной.

Мама.

Мы стояли лицом к лицу. Я протянула руку, но пальцы прошли сквозь нее.

Нет, прошу. Прошу, посмотри на меня, я здесь.

Она вздрогнула и поплотнее закуталась в свитер. Но Хамлоф воспользовался шансом, протиснувшись в открытую дверь, а после начал покрывать меня собачьими поцелуями. Я не могла нарадоваться. Еще никогда мне так не хотелось быть измазанной собачьей слюной.

— Хамлоф, перестань. — Мама схватила его за ошейник и попыталась затащить его в дом, подальше от меня. Судя по выражению лица, она была немного напугана. Что-то было не так. Но она не была уверена, что именно. Но прежде чем я смогла дотянуться до нее, прежде чем я смогла заставить ее увидеть меня, она сделала шаг назад, переступая порог.

Я ощутила, как старый гнев и обида клокочат внутри.

— Мама, Мам, Мама, не надо...

— Иди сюда, Хамлоф. Давай тебя покормим.

— Стой! Останься со мной! — Это было несправедливо. Я просто хотела попасть внутрь. Почему, черт возьми, я не могла попасть внутрь?!

Я сделала шаг вперед и Хамлоф снова начал лаять, шерсть у него на загривке встала дыбом.

— Да что с тобой такое? — разозлилась Мама. — Хватит. Прекрати, сейчас же.

Он не сдавался. Он не бросал меня.

— Хамлоф Иган, немедленно внутрь. — Мама сурово указала на гостиную.

Он издал долгий пронзительный вой, словно почуял беду, и посмотрел на меня в поисках поддержки. Он не понимал, почему я тоже не могу зайти в дом. Вот бы кто-нибудь объяснил это нам обоим.

— Все хорошо, Хамлоф, — тихо произнесла я. — Иди в дом. Иди с Мамой. — Я опустилась на колени. Я обхватила его морду руками и осыпала его нос поцелуями. — По крайней мере, хоть что-то, — произнесла я. — Хоть что-то. — Затем я подтолкнула его в сторону дома.

Мама закрыла за ним дверь, запираясь на замок. Я смотрела на нее сквозь запотевшее стекло.

— Презираю все это.

— Как и все мы, — отозвался Патрик. — Как и все мы.

Внезапно звук открывающейся гаражной двери привлек мое внимание.

— Я еду в больницу, — раздался голос Отца в доме. Тон не был дружелюбным. Ни единого намека.

Нет, Папа. Не уходи.

Я вытерла лицо, вскочила на ноги и побежала вниз по ступеням. Он выйдет из этого дома только через мой труп. Я завернула за угол дома, пробежав мимо маминых ярко-

красных роз.

— Папа! — закричала я. — Не уходи!

Он завел машину и выехал на подъездную дорожку. Он оглядел дорогу, бросив взгляд вправо и влево, после переключил передачу и выехал на улицу. Ему так просто не уйти. Меня уже тошнило от того, что я не могу вмешиваться. Поэтому я упрямо пошла следом за ним по дороге. Я начала с легкого бега. После перешла на полноценный бег, насколько позволяли мне мои силы.

Бри, какого черта ты делаешь?

Следую за ним, а на что это похоже?

Патрик мгновенно оказался возле меня. Он схватил меня за руку.

Держись.

Несколько секунд спустя, мои ноги врезались в бетонное покрытие рядом с Медицинским Университетом Сан-Франциско. Меня отбросило на двадцать футов назад, где я врезалась в живую изгородь.

— Ух, — простила я, как только воздух снова проник в мои легкие. — Это и вправду больно.

— Семь с половиной, — ответил Патрик. — Хороший рост, хорошее расстояние, но три очка вычитается за корявое приземление.

— Дай передохнуть. — Я потерла ушибленные колени. — Перед глазами сплошной туман. Я ничего не вижу. Посмотрела бы я на тебя, если бы ты был в платье. Я требую пересчета результатов.

— Полегче, не жадничай. Тебе еще повезло, что я накинул пол бала.

Он, смеясь, помог мне подняться. Я отряхнулась и заковыляла к обочине. Потом мы стали ждать. Пятнадцать минут спустя, я увидела, как БМВ отца появился на дороге. Он включил поворотник, свернул налево и припарковался на свободном месте неподалеку от входа в больницу. Я поднялась, когда он приблизился.

Пап, я здесь.

Я протянула руку, чтобы прикоснуться к нему, но, как и в случае с мамой, моя рука прошла сквозь него. Он продолжил идти. Поэтому я пошла за ним следом. Я прошла за ним сквозь автоматические раздвижные двери в отделение скорой помощи, далее по коридору, где пахло пластиком и плиткой, а затем в открытые двери лифта. Он нажал кнопку четвертого этажа и прислонился к стене, закрывая глаза. Наконец, мне хорошенько удалось его разглядеть. Он был несколько потрепан и небрит. Под глазами появились темные круги и, похоже, он сильно похудел. Но он по-прежнему был красавчиком. Я протянула руку и попыталась дотронуться до его руки.

Пап, это я.

Он отдернул руку и сунул ее в карман. Лифт остановился. Раздался сигнал. Двери открылись. Патрик и я последовали за ним по коридору, освещенному флуоресцентными лампами к распахнутым дверям. Мы прошли мимо реанимации, и наконец, повернули налево в крыло кардиологии. Я задрожала, а желудок скрутило узлом. В последний раз меня заносили сюда на носилках. Отец держал меня на руках. Не смотря на то, что в тот момент я была уже мертва.

Мы снова повернули налево и оказались перед дверью его офиса. Он сунул руку в карман пальто и, достав связку ключей, начал возиться с дверной ручкой. Патрик и я проследовали за ним внутрь, не смотря на то, что было видно не так уж много, в комнате

было темно. Он закрыл за нами дверь, закрывая на замок.

Стоп, почему он запер ее?

Затем, он включил свет. И я громко ахнула. Там словно бомба взорвалась. Комната была настоящей катастрофой. Все стены, потолок и даже пол были покрыты бумагами. Вырезками из газет. Рентгеновскими снимками. Фотографиями. Записями из дневников. Десятками тетрадей и блокнотов. Ни дюйма свободного пространства.

Что это еще такое?

Может, у него новое хобби? пошутил Патрик.

Я не рассмеялась, потому что у меня возникло чувство, что он был близок. Я провела рукой вдоль неопрятного коллажа на стене, пробегая взглядом по заголовкам.

ПОДРОСТОК ИЗ ХАЛФ МУН БЕЙ УМИРАЕТ ОТ ОБШИРНОГО СЕРДЕЧНОГО ПРИСТУПА.

МЕСТНАЯ ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ДЕВОЧКА УМЕРЛА ОТ РАЗРЫВА СЕРДЦА. ВАШИ ДЕТИ ПОДВЕРЖЕНЫ РИСКУ?

Потом я поняла. У Отца действительно появилось новое хобби. И этим новым хобби была я. По всем стенам были наклеены журналы и газеты, а также несколько обложек с моим лицом.

Неужели все это обо МНЕ?

Я не знала что сказать.

— Эй, взгляни только, — произнес Патрик. — Да ты знаменитость.

Я подошла к Отцу, который сел за стол. Наблюдала, как он принялся перелистывать папки с бумагами, иногда останавливаясь, чтобы вырезать заголовки, иногда доставая с полки пыльные справочники, чтобы посмотреть там что-то. Он строчил бесконечные заметки в тетрадях и блокнотах: вопросы, теории и истории, которые он выяснил в ходе своих исследований. Никогда не видела его таким прежде. Это была некая странная, альтернативная версия его самого. Учитывая то, что его сводила с ума неспособность объяснить этот медицинский факт. Мама была права: он был одержим. Он не остановится, пока не решит эту загадку.

Ох, Пап, это всего лишь разбитое сердце. А не бином Ньютона.

Я свернулась калачиком на кожаном диване, где Джек и я, взяв одну из тетрадей отца, порвали листы на маленькие кусочки и писали на них предсказания будущего, а потом читали их вслух.

Трое детей. Рыбка по имени Флиппер. Ты будешь жить в особняке. Ты станешь космонавтом.

Но такое нельзя предсказать. Ни за миллион лет.

В груди появилась боль, когда я взглянула на него. Я причинила боль стольким людям. Опять же, папе было не плевать на меня, и от этого я любила его еще больше. Наблюдая за тем, как он пытался дать ответ на самую большую загадку в своей карьере: меня.

Телефон зазвонил. Он поднял трубку.

— Да? — Он замолчал. — Милая, не плач. Я знаю. Мне тоже жаль.

Я выпрямилась.

Это, наверное, Мама. Они помирятся.

— Ладно, — сказал Папа. — Я скоро буду.

Он идет домой, он идет домой, он идет домой!

Я подпрыгнула. Я радовалась словно ребенок в Рождественское утро.

Папа отправил письмо по электронной почте, собрал саквояж, и закрыл дверь кабинета. Мы последовали за ним на переполненную парковку и забрались на заднее сиденье. Я была так рада выбраться оттуда.

— Поверить мне могу, что ты вынудила меня на поездку с этим неуклюжим стариканом, — проворчал Патрик. — Я стану посмешищем на небесах, если кто-нибудь узнает. Взмыть куда быстрее.

Я захихикала. Было забавно наблюдать, как он ворчит.

Мы выехали на дорогу, и Папа включил радио. Бон Джови.

— **ОБОЖЕМОЙМОЯЛЮБИМАЯПЕСНЯ!!!!** — закричала я, ощущая куда болы надежды с тех пор, как я покинула «Кусок». — Давай, Пап, сделай погромче! — Я начала петь, выкрикивая слова песни изо всех сил. — Оооуоуоу, я умру за тебя!!!

— Вау. Слух никогда не станет прежним, — поморщился Патрик. — Напомни мне отвезти тебя на уроки пения к твоему следующему дню рождения.

— Ой, верно, — съехидничала я. — Будто бы у тебя дела с этим обстоят ГОРАЗДО лучше.

Он удивленно приподнял бровь.

— Наблюдай за мастером. — Затем откинул голову и начал бешено мотать головой. — Возьми меня за руку, и мы сделаем это, кляя-я-янусь! Оу-оу-оууу, я умру за тебя!

Самое безумное было то, что Патрик оказался хорош. На самом деле, очень и очень хорош. Я была совершенно впечатлена.

— Блин! Тебе нужно попробоваться на шоу Американский Идол!

Он улыбнулся и опустил свой импровизированный микрофон.

— Неужели мы хоть в чем-то согласны?

Я приложила все свои усилия, но через пять секунд визга, мы оба сорвались на истерический смех. Так что, он обнаружил еще один мой изъян. Смеяться было так хорошо. Нет, даже чудесно.

Все хорошо. Теперь все будет хорошо.

Патрик улыбнулся мне. Я улыбнулась ему в ответ.

Бри? Услышала я его шепот. **Ты помнишь...**

— Эй! — вскрикнула я, когда фермерский рынок пролетел мимо. Я оглянулась, в замешательстве. — Папа, что ты делаешь? Ты пропустил поворот.

Он едет домой по новому маршруту? Странно.

Мы неслись по шоссе, мимо проплывали знакомые улицы.

Быть может, он решил заехать куда-нибудь, чтобы купить Маме букет?

Мы остановились на повороте, и Папа включил поворотник.

— Папа, почему ты поворачиваешь сюда?

Он пропустил две машину, затем быстро свернул направо, на заполненную парковку Отеля Хилтон.

Что в Хилтоне?

Он вывернул на свободное место, припарковался и выключил зажигание. Отстегнув ремень безопасности, он выбрался из машины.

Какого черта он творит? Патрик не имел понятия. Он так же терялся в догадках, как и я.

Мы последовали за ним через вестибюль отеля с дружелюбными портье, многочисленными люстрами и ненастоящими пальмами. Затем к лифту, на котором он

поднялся на одиннадцатый этаж.

Одиннадцать, мой счастливый номер.

Мы прошли за ним по ковровому покрытию в коридоре. Пока он не остановился перед номером 1108. Он постучал дважды. Я услышала, как кто-то открыл замок по другую сторону двери. Дверь открылась.

Это была женщина.

Я замерла.

Нет.

Светлые волосы, стрижка в стиле пикси. Ярко-голубые глаза.

Нет.

— Дэниэл.

— Сара.

Миссис Бреннер?

У меня перехватило дыхание.

Моя учительница. Моя соседка. Лучшая подруга мамы.

Папа бросил свой кейс. Ослабил галстук. Прежде чем я поняла что происходит, он сломался и заплакал. Сначала тихо, но после разразился плачем, расставя в ее руках.

Нет, прошу. Прошу, нет.

— Невероятно, — прошептал Патрик.

Боже мой, меня сейчас вырвет.

А потом они начали обниматься.

А после целоваться.

А после я выбежала в коридор, не оглядываясь.

Глава 17

Выстрел в сердце, и ты — виноват

Голова идет кругом. Я не уверена, куда иду, где я, какое сейчас время или даже год. Все, что я знала — меня обманули. Вся моя жизнь и существование напоминало одну невероятно гигантскую, даже-ни-капли-не-смешную шутку. Если ваши родители — двое людей, которые целиком и полностью любят друг друга, и любой, кто их знает, понимает, что они совершенно подходят друг другу — а если НЕ ПОНИМАЮТ, тогда как такая девчонка вроде меня может продолжать верить что любовь и семья — это навсегда?

Я была невероятно зла. Зла на Отца, за то, что испортил все. Зла на Миссис Бреннер за то, что ударила нашу семью ножом в спину. Зла на Джейкоба, который ворвался в мою счастливую, беспечную жизнь, когда я не просила его об этом. Я даже была зла на Патрика, который отвез меня туда, чтобы я увидела все это. Я теперь даже не смотрела в его сторону, так зла я была.

Тем временем во всей этой я-только-что-увидела-чем-отец-занимается-с-другой-женщиной ярости, я, очевидно, «взмыла» из Хилтона напрямик на другой конец Халф Мун Бей. Мне даже удалось нормально приземлиться, что отчасти было удивительно. Но настроения позлорадствовать у меня не было.

— Хочешь поговорить об этом? — спросил Патрик, когда выяснил, куда я делась.

— Не-а.

Коротко. Мило. В точку.

На другой стороне улицы старый хиппи тихонько напевал песню Нила Янга, которую я тут же узнала. Это была одна из папиных любимых.

Потому я люблю тебя, я хочу увидеть, как ты снова танцуешь.

Потому что я люблю тебя, в эту полную луну.

— Заткнись! — закричала я на него. — Никто не хочет это слышать!

— Понимаю, что сейчас несколько не вовремя, — произнес Патрик, когда мы проходили мимо Лунной Пасты, одного из любимых ресторанчиков Сейди. — Но у меня вроде как сюрприз для тебя.

— Ненавижу сюрпризы.

— Забавно, а я слышал другое.

— Ты ошибся.

Я направилась к Парку Пиларситос — Крик. Хотелось исчезнуть на какое-то время. Посидеть на травке. Подышать воздухом. Полюбоваться на камушки или насладиться солнечным светом, да просто занять себя хоть чем-нибудь.

— Ой, да брось, — простонал Патрик, когда понял, куда мы направляемся. — Ты разве не знаешь, что у меня смертельная аллергия на солнце и счастье?

— Это мой день рождения, я сама буду принимать все решения.

— Отлично, — сказал он. — За исключением сегодняшнего вечера. Я беру его на себя.

Я пожалала плечами.

— Без разницы.

Мы вошли в парк, выбрав довольно извилистую тропинку, пока я не нашла большую поляну, которая выглядела куда как подходящей. Хороший вид, солнце, зеленая травка. Я подошла к одинокому старому тополи, шлепнулась на спину и подставила лицо солнцу.

Пытаясь стереть мысленный образ отца в чужих объятиях. Того, кому я доверяла. Того, о ком заботилась. От одной только мысли о ней меня затошнило. Интересно, Мама догадывалась? Как долго это продолжалось? Папин поцелуй с Миссис Бреннер явно не выглядел как первый.

Тьфу, гадость.

Он был человеком, на которого я равнялась всю свою жизнь. Человек, который был моим героем. Он был для всех нас героем в той или иной мере. А для Джека оставался им до сих пор. Тогда я решила, что никогда не прощу его. То, что он сделал, не заслуживало прощения. Он предал Маму. Он предал Джека. Он даже предал Хамлофа. Он предал нас всех.

— И сегодня. Из всех возможных дней, именно сегодня. — Мой голос задрожал, слезы жгли уголки глаз. Я была слишком зла, чтобы заплакать. — Любовь — полная фигня.

Я вспомнила, как родители Джекоба развелись в прошлом году. Как я успокаивала его, не смотря ни на что, как он рыдал у меня на руках, пока его отец съезжал от них. Никогда не забуду лицо Джейкоба в тот день. Он был похож на маленького мальчика, напуганного и озадаченного, расстроенного, что он не сделал ничего, чтобы попытаться хоть как-то остановить все это.

Я помню как приехала на велосипеде домой в тот вечер и обняла своих родителей, не смотря на то, что они кричали на меня за то, что я нарушила комендантский час, вернувшись домой в одиннадцать, на час позже положенного времени. Я крепко обняла их тогда. Я чувствовала себя такой счастливой, что мы отличаемся от всех прочих семей. Мы были счастливы. Мы были в безопасности. Ничто не могло разлучить нас.

Но я ошибалась.

На самом деле, я во многом ошибалась.

Глава 18

Прекрасный свет шестнадцати свечей

Патрик и я провели на поляне весь остаток дня. Разговаривали не слишком много. По большей части грелись на зябком ноябрьском солнышке, вытянувшись бок о бок, и наблюдали за проплывавшими мимо облаками.

— Пудель, — произнес Патрик, указывая на большое пушистое облако над нами.

Я фыркнула.

— Ты ослеп, что ли? Это облако меньше всего напоминает пуделя.

— Вау. Вот это жесть, Сырный Крем, реально жесть.

— Оно больше похоже на кролика, — сказала я, закатывая глаза. — Серьезно, ХВАТИТ.

Время пролетело незаметно. Мы наблюдали за скейтерами, которые предоставляли нам прекрасный обзор на свое нижнее белье, торчащее из джинсов, которые свисали чуть ли не до земли. Мы наблюдали за нянечками с колясками и крошечными чихуахуа, разодетыми в крошечные пальто и всевозможную другую одежду, которой даже у меня не было в помине.

И все же, не смотря на все отвлечения, мысли в моей недалекой голове продолжали возвращаться к Джейкобу. Я вспоминала о всех тех бесконечных летних днях, что мы провели с ним в этом самом парке. Просто тусовались. Играли в карты. Спали в обнимку. Просыпаясь от прикосновения его губ к моим.

Это когда-нибудь перестанет причинять боль?

Патрик ничего на это не ответил. Быть может, ему, наконец, надоело днями торчать в моей голове, или он знал, что его ответ мне не понравится. Постепенно, день пошел на убыль. Туман спустился с побережья Сономы, а солнце стало медленно клониться к горизонту.

— Боюсь, время пришло, юная леди, — произнес Патрик, потягиваясь. Он поднялся и отряхнул джинсы.

— Время для чего? Я никуда не пойду. Я буду спать сегодня в парке.

— Ну ты и вредина. — Рассмеялся он. — Не будь такой занудой.

Молниеносным движением он схватил меня за руку, и я ощутила уже знакомое потрескивание электричества под балетками.

— Только не опять, — простонала я, зажмуривая глаза.

Мы взмыли вверх, словно фейерверк, и я почувствовала, как земля осталась далеко внизу. Я не открыла глаз. Предпочла не знать, на какой мы высоте.

Тебе будет все это ненавистно, Ангел, только пока ты не откроешь глаза, хотя бы на мгновение.

Хм, ладно, хорошо.

Я открыла глаза. И сразу же поняла, что мы на высоте десять тысяч футов.

— Не вздумай выронить меня, — прорычала я сквозь стиснутые зубы.

Патрик взмыл нас из парка напрямик по направлению к «Куску». Или мне так подумалось.

Когда наши ноги коснулись земли, я почувствовала, как в обувь попал песок, теплый от дневного солнышка. Даже в Ноябре песок подолгу оставался теплым. В этом вся

Калифорния.

Я узнала скалы: высокие и величественные; линию прибоя: белые идеальные скользящие волны. Я знала наизусть все эти полевые цветы: маленькие оранжевые, красные и лавандовые, чьи лепестки парят в морском воздухе, они растут отовсюду: между скал, ракушек; забавно.

Это был Маверикс. Место, где я бывала тысячу раз. Одно из моих любимейших мест в Халф Мун Бей. Пляж, где Джейкоб и я провели столько свиданий и где мы провели в спальном мешке последнюю ночь лета. Маверикс — место, где он погнался за мной по волнам и поцеловал под тремя падающими звездами, одна за другой. Место, где он похитил мое сердце.

P.S. Я хочу его обратно.

Из всех тех мест, куда Патрик мог привести меня..., из всех тех, что хоть что-либо значили... Маверикс был одним из тех, куда я бы не вернулась по своей воле. Даже не смотря на то, что, быть может, я хотела увидеть его больше всего.

— Откуда ты узнал?

Патрик пожал плечами и одарил меня хитрющей улыбкой.

— Случайная догадка. — Он показал на что-то позади меня. — Обернись.

Что я и сделала. И я не смогла поверить своим глазам. На пляже, под лучами идеального калифорнийского заката, подернутого редким туманом, сидели три моих самых любимых подруги. Эмма, Тесса и Сейди; все в джинсах и кофтах на спальнях мешках, завернувшись в одеяло. Рядом с ними потрескивал и искрился небольшой костер на фоне оранжево-розового неба. Слезы навернулись у меня на глазах, когда я увидела их всех вместе. Я взглянула на Патрика.

Что все это значит?

Он усмехнулся.

Это праздник. В твою честь.

Я потеряла дар речи. Я понятия не имела, что сказать или как начать благодарить его. Я даже попыталась открыть рот, но слова все не шли.

Он приложил палец к губам.

— Они ждут тебя. Сегодняшний вечер, моя дорогая, твой. Наслаждайся.

После, прежде чем я поняла что происходит, Патрик склонился ближе. Медленно, нежно, он коснулся губами моей щеки. Мои глаза закрылись и, на долю секунды, я могла поклясться, что ощутила легчайший трепет в груди..., словно маленькая нежная бабочка билась там, где некогда билось мое сердце. Не смотря на то, что это было невозможно.

Вау.

Когда я открыла глаза пару секунд спустя, Патрик уже ушел. Растворился в вечернем воздухе, словно его тут и не было вовсе. Черт, мне, правда, нужно узнать, как это делается.

Я начала медленно пробираться по песку к своим подругам. Мне так сильно хотелось подбежать к ним. Обнять их. И в обнимку смотреть, как солнце скрывается за волнами.

Когда я подошла поближе, раздалась их голоса, громкие и чистые. Они говорили обо мне.

— До сих пор не могу поверить, что ее больше нет, — произнесла Тесса. Она крепко обхватила колени руками и уютно устроилась на своей голубой флисовой тостовке. — Это кажется таким нереальным.

Сейди кивнула.

— Не уверена, что вообще смогу поверить в это. — На мгновение она бросила взгляд на океан, а потом закрыла лицо руками. — Я так сильно по ней скучаю.

Ребята, я здесь. Я здесь.

— Я даже смотреть на него не могу, — сказала Эмма. — Каждый раз, как прохожу мимо него в коридоре... — Она покачала головой. — Это каким же парнем надо быть, чтобы не прийти на похороны собственной девушки?

Я сделала шаг назад. Значит, они не заметили, как он ошивался у самого входа. Полагаю, никто не заметил.

Тесса стиснула зубы.

— Каков придурок.

— Кто что принес? — перебила Сейди, за ее спиной пылал костер.

Эмма достала из сумки футболку. Темно-синюю с длинными рукавами, на вороте спереди небольшой разрыв. Она принадлежала Джейкобу. Он оставил ее у меня дома как-то, а я «забыла» вернуть ее ему, к тому же, она была теплая и пахла им. Я засыпала рядом с ней бессчётное количество ночей. Нужно было выбросить ее, когда у меня был шанс.

— Идеально, — произнесла Сейди. — Тесси?

Тесса подскочила, ее рыжие волосы взметнулись, когда она потянулась к заднему карману джинсов. Она достала фото. Я подошла поближе, чтобы получше разглядеть. Это было фото, что я хранила в своем шкафчике в школе, на нем были сняты я и Джейкоб в день осеннего карнавала. Его сделали, когда мы забрались на самую высшую точку Твистера, американских горок, за секунду до спуска. На фото у меня закрыты глаза и я кричу, смеясь. Он целует меня в щеку. На сегодняшний день это была моя любимая фотография. Могу поспорить, скоро у его новой подружки в шкафчике появиться точно такая же.

— Теперь я, — сказала Сейди. Она наклонилась к Эмме и выхватила у нее свой тотализатор фирмы L.L. Bean со своими инициалами на панели: СТР — Сейди Тейлор Руссо.

Звезда, с самого рождения.

Сейди сунула в него руку и вытащила коробку, которую я тут же узнала, потому что она была моя. Это была старая коробка из-под сигар, потертая по краям и покрытая наклейками с цветами, которые я клеила на протяжении нескольких лет. Она подняла крышку и вынула красный кожаный дневник, перевязанный черной кружевной лентой.

БО. ЖЕ. МОЙ.

Я, совершенно подавленная, плюхнулась на песок рядом со своими подругами.

— Серьезно, девочки? Вы в самом деле сделали это для меня?

Это был дневник, который я вела с тех самых пор, как начала встречаться с Джейкобом. Он был полон дрянных стихов и глупых любовных писем, которые я так и не осмелилась отправить ему, не то чтобы они предназначались совсем уж ему, скорее больше мне самой.

И потому что тогда он еще не был ярким доказательством Ужасного Придурка.

Я простонала и закрылась всеми невообразимыми оттенками красного. Не хочу никогда больше видеть этот глупый дневник.

— Леди, окажете мне честь? — спросила Сейди.

Ох, вау, она, правда, это сделает. Она на самом деле его прочтет!

Я закрыла уши руками, приготовившись познать унижение доселе неизведанное.

— Валяй, — ответила Эмма, стиснув руку Тессы.

Сейди аккуратно развязала ленту и сунула ее в карман толстовки. Затем поднялась и подошла к костру. Она раскрыла книгу и улыбнулась.

— Бри, — сказала она. — Это для тебя.

С этими словами, она начала отрывать страницы. Я, разинув рот, наблюдала, как она отправляет страницу за страницей в костер, в вечернее небо взметнулись искры и шипение по мере того, как пламя поглощало мои слова, мои желания, мои самые сокровенные секреты о парне, которого я любила. Это было прекрасно. Волшебно. И впервые с момента смерти, что-то во мне сдвинулось с мертвой точки. Я ощутила легкость. Спокойствие. И мало-помалу, я начала ощущать свободу.

— Да! — закричала Эмма. Она подскочила к краю костра и бросила в него футболку Джейкоба. — Гори, детка, гори! — закричала она, размахивая руками в воздухе.

Я расхохоталась, глядя, как майка Джейкоба извивается в жарком пламени костра.

Наконец, Тесса взяла нашу с Джейкобом фотографию. Она поцеловала мое изображение, сделала глубокий вдох, затем разорвала фото пополам. Затем еще раз. Затем еще на три части, пока от моего счастливого воспоминания не осталось ничего кроме крошечных кусочков бумаги. Она подняла вверх руки, а я наблюдала, как промозглый осенний ветерок подхватывает обрывки и, вращая, развеивает их... вокруг нас настоящий водоворот из музыки, бумаги, воспоминаний и цветов.

Мы вчетвером смотрели, как бумага начинает гореть и тлеть на фоне лилового неба, наблюдали, как искры падают на землю, словно звезды.

— Счастливого шестнадцатилетия, Игс, — прошептала Тесса.

— Мы скучаем по тебе, — сказала Эмма, ее голос дрогнул. — Очень.

— Мы любим тебя, Бри! — закричала Сейди.

Всепоглощающая боль..., но на этот раз боль хорошая... пронзила мою грудь. Мне так повезло, что они есть у меня. Нет, даже больше, чем просто повезло. Я была самой счастливой на свете.

Я тоже вас люблю.

Затем, они втроем взяли за руки. Подошли к кромке воды. И с последними лучами предзакатного солнца, мои лучшие подруги послали мне воздушные поцелуи и, наконец, простились.

Глава 19

КАЖДЫЙ ТВОЙ ВДОХ

Костер горел всю ночь. Я смотрела, как звезды мерцают и гаснут, и в то время как другие спали, я ощутила, как меня охватывает некое странное умиротворение.

Думаю, я готова.

Готова к чему?

Вернуться обратно в «Кусок». Двигаться дальше.

Хотел бы я, чтоб все было так же просто, Ангел.

Незадолго до рассвета, я наклонилась и попыталась взять Сейди за руку. Мои пальцы прошли сквозь ее ладонь, но к моему удивлению, ее глаза открылись. Она села. Потянулась. Наклонилась и взглянула на экран телефона. После потерла глаза, натянула еще одну толстовку и тихонько выбралась из своего спального мешка. Стараясь не разбудить Эмму и Тессу, Сейди натянула свои Конверсы и отправилась на прогулку.

Я шла рядом с ней. Мы направились на северную часть пляжа, пока не добрались до круглых дюн. Она пошла знакомой тропой, что вела к столикам для пикника. Место, где мы миллион раз собирались, будучи детишками, чтобы поиграть в волейбол и пожарить барбекю во время летних каникул.

Сейди выбрала столик и села, скрестив ноги. Я присела на скамейку рядом с ней. Будучи все еще сонной, она все равно была красивой. Длинные, темные кудрявые волосы. Идеальная загорелая кожа. Карие глаза, полные искр. Полные жизни. Как бы я хотела, чтобы ты смогла увидеть меня. Знала бы ты, что я здесь, рядом с тобой.

Вместе с Сейди, я наблюдала, как мягкое сияние утреннего солнца окрашивает сонный небосвод в оттенок пастели... настоящая симфония фиалок, гвоздик и розовых балерин. Совершенный рассвет. Эмма и Тесса наверняка пожалеют о том, что пропустили его. Лентяйки. Они точно бы проспали вечность, только позволь им.

— Так красиво, — произнесла Сейди, нарушая тишину. А потом она начала всхлипывать.

— Сейди? — Я поспешно придвинулась к ней, еще никогда прежде я не видела, чтобы она так убивалась.

— О, милая. — У меня вырвался всхлип. — Не плачь. Я здесь.

— Бри. — Ее голос был полон боли. — Мне так жаль. Мне так жаль.

В этот самый момент, я поняла, как сильно отразилась на ней моя смерть. Как тяжело было им всем. Одно дело, когда уходишь. Но когда тебя бросают. Это даже хуже.

— Все хорошо, все хорошо, шшш, не жалея ни о чем, — шептала я, пытаюсь провести рукой по ее спине. — Это не твоя вина, Сейди. Прошу, не плачь.

Я обхватила ее руками, пусть она не чувствовала моих прикосновений, горячие слезы побежали по ее щекам, падая на растрескавшийся деревянный стол.

Все будет хорошо. Все будет в порядке.

Быть может, потому что я закрыла глаза или, быть может, потому что она так громко плакала, но я не заметила человека, который шел по дюнам. Я даже не услышала звука шагов по песку.

— Сейди?

Этот голос.

Я обернулась и ощутила, как она вырвалась из моих объятий. Услышала, как из ее груди вырвался крик и она начала всхлипывать еще громче. А потом, я наблюдала, словно в ужасной замедленной съемке, как моя самая лучшая во всем мире подруга бежит прямо в распростертые объятия Джейкоба Фишера.

Глава 20

Что происходит с теми, у кого разбито сердце?

Моя ушедшая из мира живых душа совершенно оцепенела.

Это она. Это Сейди.

— Нет, — прошептала я, падая на колени и наблюдая, как моя первая любовь держит за руку мою лучшую подругу. Не уверена, как долго он обнимал ее, и я даже не уверена, когда они разошлись: он вернулся к машине, а она проскользнула обратно к Эмме и Тессе.

Я даже не уверена, сколько времени ушло у Патрика, чтобы найти меня здесь, свернувшуюся в клубок, не отрывая глаз от горизонта. Теперь, время больше не имело значения. Потому что я оказалась в аду.

— Постарайся не думать об этом, Ангел, — сказал Патрик, когда ему, наконец, удалось поднять меня, словно ему ничего это не стоило и отнести меня обратно в «Кусок».

Перед глазами до сих пор стояли руки Сейди, обнимавшие Джейкоба. Ее глаза крепко зажмурены. Его руки покоятся на ее бедрах. Все обрело смысл. Они были близкими друзьями с самого детства. Должно быть, она всегда была в него влюблена. А он в нее.

Нет. Прекратите. Вы принадлежите МНЕ. Вы оба.

Странно в один прекрасный день обнаружить, как сильно ты стал зависим от каждого момента, который ты провел в прошлом со своим лучшим другом. Перебирать в памяти миллион разговоров, ночевок друг у друга, болтовни о первом сексе, кто сексуальней, макияже, катание на велосипедах по выходным, объятия на день рождения, песенки вроде «Поздравляем тебя!», смс-ки, походы по магазинам после школы, четырехчасовые разговоры по телефону обо всем и ни о чем одновременно. Все эти воспоминания даже сейчас по-прежнему такие знакомые. Такие значимые. За исключением того, что та о ком ты думаешь, плевать на тебя хотела. Все было Л.О.Ж.Б.Ю. с большой буквы. Я имею в виду все. И хорошее, и плохое. И то, что, обычно даже сестрам не рассказывают (если, конечно, у вас есть сестра).

И даже не смотря на то, что ты все еще по-прежнему глубоко веришь во всю эту чушь с Лучшей Подругой Навеки, приходится взглянуть в лицо реальности и, наконец, осознать, что вся эта дружба — вся эта хреновина, — одна большая шутка.

И знаете, что самое худшее? Когда оказывается, что пошутили над тобой.

Это и сделала Сейди. Которая была моей лучшей подругой. Моей старинной подругой. Подругой, которая знала меня дольше и лучше чем кто-либо еще. Она знала меня вдоль и поперек, и даже лучше меня самой. Она успокаивала меня, когда мой попугай Кракерс улетел и не вернулся. Она пробиралась ко мне на крышу, когда родители уже ложились спать и мы часами смотрели на звезды. С ней мы хихикали всю ночь напролет, когда оказалось (случайно), что у моих родителей подписка на канал Плейбой. Именно она научила меня миллиону карточных трюков, и пошла со мной на похороны бабушки Риты, всегда прикрывала меня, не смотря ни на что.

Именно Сейди я позвонила в ту прошлую летнюю ночь: 11 Августа, 2010. Моя пятьдесят пятая ночь на земле, когда мое сердце все еще билось, а щеки горели, и сколько бы я не пыталась, не могла унять дрожь. В хорошем смысле. Ночь, когда я потеряла девственность.

Сейди подняла трубку и все поняла, не говоря ни единого слова.

— Ты сделала это, да? — прошептала она.

— Может, да. — Захихикала я. — А может, и нет.

— БОЖЕМОЙ, ДА. Как прошло? Святое дерьмо, Бри, как прошло?

Его руки. Божемой, его руки повсюду. Его поцелуи. Нежные и легкие, а после глубокие и безрассудные; прекрасно.

— Было хорошо, да? — спросила она, по голосу она была впечатлена.

Я хохотнула, но спохватившись, прикрыла рот рукой, на случай если мама или папа, а, быть может, даже и Джек подслушивают у моей двери.

— Было больно?

Господи Боже, ДА.

— Не очень.

— Ты, маленькая шлюшка, я тебе не верю!

— Ну, может, чуть-чуть.

— Насколько чуть-чуть?

— Сейди! — завопила я. — ОЧЕНЬ, ладно? Довольна?

— Мой Бог. — Я услышала, как она качает головой на другом конце линии. — Я безумно завидую тебе.

Серьезно? Так завидовала, что решила украсть его у меня.

Я бросила взгляд на зеркало в спальне, чтобы убедиться, изменилась ли я как-то внешне. Щеки порозовели. Кожа гудела. Что скажут люди?

— Он сказал это? — спросила она.

— Сказал что?

— Брось, Бри, сама-то как думаешь?

Его руки в моих волосах. Его глаза, пронзительно смотрят в мои. Его слова обжигают.

Я люблю тебя.

Он сказал это. Он сказал это и все всерьез.

Разве нет?

— Алле?

Я упала на кровать, улыбаясь в трубку.

— Да. Да, он сказал это.

Она молчала целую секунду, и я могла понять почему. Впервые за все время, у меня произошло нечто эпичное вперед нее. Мы всегда были лучшими подругами, на долю Сейди всегда выпадали все значимые события. У нее раньше меня выпал первый зуб. Она первой научилась кататься на велосипеде. Она первой пошла в школу. И ей не нужно было даже говорить об этом, мы обе знали, что Сейди первая влюбилась. Вот только не на этот раз. Поскольку в этот раз, я выиграла. Я оказалась первой. Я впервые обошла Сейди Руссо.

Хоть в чем-то.

Весь следующий час мы провели, хихикая и болтая о каждой детали, не смотря на то, что в семь утра у меня была тренировка по дайвингу. Но мне было плевать. Пусть меня заставят плыть хоть десять кругов по бассейну Олимпийского размера, все равно на лице останется все та же глупая улыбка. Почему? Да потому что когда ты влюблен, мир становится ярче. Солнечней. В воздухе витает аромат цветов, ты начинаешь улыбаться всем, начиная от детей, заканчивая незнакомцами и пожилыми парочками, гуляющими рука об руку по пляжу. Ты улыбаешься, потому что отныне в твоей жизни появился Величайший Секрет На Свете. Настало твое время, Детка. Теперь ты официально в Клубе Самых Крутых И внезапно, люди начинают замечать тебя, понимать, что в тебе что-то изменилось.

— Сменила прическу?

Не-а.

— Новый наряд?

Даже и близко.

— Линзы одела?

Попробуй еще раз.

Ты лишь усмехаешься в ответ, довольная тем, что тебя так и не раскусили. А после ты уходишь, оставляя обывателей в неведении, когда это ты вдруг стала такой красоткой.

Должно быть, это была любовь, но сейчас все кончено.

Это было хорошо, но я все потеряла.

Горячие слезы бегут по лицу, обжигая кожу. Бесконтрольные. Бесконечные.

— Шшш, — прошептал Патрик. — Я здесь, Ангел. Я здесь.

Как они могли? Как они могли так поступить со мной?

Боль в груди возвращается... рана свежа и тяжела. Оказывается, ад не такая уж обжигающая, огненная яма огня и страданий. На самом деле все гораздо хуже. Ад — это когда люди, которых ты любишь, забираются к тебе в душу и вырывают ее с корнем. И они делают это потому, что им это под силу.

Я ощутила, как грудь сжимается и становится тяжело.

Как долго это продолжалось?

Неделю? Месяц? Может, дольше?

Я ощутила, как в голове бушует настоящее землетрясение, в глазах вопят сирены. Я ударила по песку кулаками и закричала, но мои слова потерялись в криках голодных чаек и прибрежных волнах Тихого океана. Песок забился в обувь. Я разозлилась еще сильнее.

Вдруг все встало на свои места. Каждый странный взгляд и неловкое молчание Джейкоба, которое возникало между нами. Каждый раз, когда он отстранялся, а я пыталась взять его руку, спрятанную в карман джинсов. Я знала, что в итоге я оказалась права. Что между нами что-то изменилось за неделю до моей смерти, медленно, но верно, я просто не хотела этого признавать. Расстояние между нами лишь увеличивалось: серое и холодное. Я предпочла сидеть и ждать, пока грозовые тучи соберутся, вместо того, чтобы бежать в укрытие при первом намеке на грозу. И я заплатила за свое ожидание. Потому что гроза обратилась в ураган. Я нутром все это чувала. Не то чтобы я была параноиком или сумасшедшей. Джейкоб врал мне. Сейди лгала мне. Она слушала и выжидала в течении долгих месяцев, то как я влюбилась в него. Она собирала мои секреты, один за другим, чтобы позднее использовать их все против меня.

— Больно, — прошептала я. — Так больно.

Шшш, я понял тебя, произнес Патрик, его голос был мягок.

Я ощутила, как ветер на лице и шее, когда он поднял меня на руки. Я, не отрываясь, смотрела на то место, где совсем недавно стояли Сейди и Джейкоб.

Не могу дышать.

— Можешь. — Патрик легонько прикоснулся губами к моему лбу. — Ты должна. — Затем, одним быстрым движением его ноги оторвались от земли, и мы взмыли вверх.

Обри, открой глаза.

Я сделала глубокий вдох и открыла их. Затем я положила голову Патрику на грудь и стала наблюдать, как мой старый знакомый мир медленно катится ко всем чертям.

Глава 21

1,2,3,4 скажи, что любишь меня больше

В моем небесном уголке, все дни пахли одинаково. Часы состояли из жареных баклажанов, грибов портобелло и шипучего Спрайта (моя личная просьба). Минуты представляли собой клетчатый линолеумный пол, немного потертый и поцарапанный в тех местах, где десятилетиями отодвигались стулья. Секунды жужжали статическими помехами старенького телевизора, того самого в который Патрик пялился часами, не моргая.

Над головой лениво вращались потолочные вентиляторы, напоминая мне о летних каникулах и вечеринках у бассейна с ледяным лимонадом, которым я, увы, больше не могла наслаждаться с лучшими подругами.

Не то чтобы я слишком уж переживала. Как по мне, так лучших друзей переоценивают.

Ну, конечно же, существовало множество других вещей, которые помогали отвлечься от моего недавнего открытия. Я научилась вырезать снежинки из салфеток. Я научилась бросать футбольный мяч и жирно подводить глаза, благодаря новым друзьям: Квотербеку и Леди Гот. Леди с Кроссвордом даже разок пригрела меня под своим крылышком и помогла мне разгадать свой первый в жизни кроссворд. Сказать по правде, в моей версии небес всегда было навалом пиццы. Всегда были волны для серфинга. Всегда находились занятия, чтобы убить время. Но что отстойнее всего, это время не помогало залечивать раны. Иногда это лишь сильнее берedit раны.

— Не хочешь пойти погулять? — Патрик никак не унимался. Скучно.

— Не-а.

— Может, поплавать?

— Отрицательно.

— Покататься на пони?

— Нет, спасибо.

— Как на счет поцелуев?

Я посмотрела на него поверх книги.

— Прощу прощения?

Патрик усмехнулся.

— Подумал, это привлечет твое внимание.

— Ты — псих.

— Оуу, — ахнул он, — так мило. — Он бросил взгляд на Мальчика с Нинтендо и Парня Ангела. — Видели? Я ей нравлюсь. Вы двое — свидетели.

— Я совершенно уверен, что она тебя терпеть не может, — ответил мальчишка монотонным голосом, его пальцы порхали по клавиатуре.

Патрик фыркнул и снова обратил свой взор на меня.

— Мальчишки. Да что они вообще знают?

Я пропустила его слова мимо ушей и прочла последний параграф. Захлопнула книгу ДУ и швырнула ее ему через весь столик.

— Вот. Закончила.

— Ну и? — спросил он. — Чему научилась сегодня, Попрыгунчик?

— Ты имеешь в виду помимо того факта, что ты пахнешь как пепперони?

— Очень смешно.

— Не за что.

— Что ты еще узнала?

— Что твоя м..

— Не говори, что моя мама тоже пахнет пепперони.

Я скорчила рожу.

— Ну, так и есть.

Он вздохнул и показал на мой кулон.

— Он мне нравится, кстати. Давно хотел тебе сказать.

Я дотронулась до него рукой, переплетая тонкую цепочку между пальцев. Он молчаливо наблюдал за мной.

— Откуда он у тебя?

Я не ответила.

— Больная тема?

— Я хочу пойти на мост, — выпалила я.

— Прощу прощения? — Он выпрямился, выглядя несколько шокированным. — И для какой именно цели?

Я пожала плечами.

— Думаю, я готова.

Он ударил рукой себя по лбу и покачал головой.

— Что?

— Мне просто интересно, — произнес он с нескрываемой долей сарказма, — тебе **НРАВИТСЯ** боль и страдания?

Я посмотрела на него в ответ.

— Ну же? Нравится?

— Нет, — пробормотала я.

Он выгнул бровь.

— Забавно. Потому что я думаю иначе. Думаю, ты это обожаешь.

— Ну, а я думаю, что ты — идиот.

— Да?

— Да, — ответила я. — Еще какой.

— Идиот или не идиот, а ты не пойдешь. Ты не готова.

— Ах, нет? — огрызнулась я. — Кто назначил тебя главным?

— Я, — ответил он, наклоняясь. — Я сам себя назначил главным. С тех пор, как вся твоя логика и здравый смысл вылетели в трубу.

— Я просто хочу...

— Что? — перебил он меня. — Ты просто хочешь что? Снова увидеть их вместе? Увидеть, что они гораздо счастливей без тебя? Думаешь, сможешь с этим справиться? — Он откинулся на спинку. — Потому что я так не думаю.

— Не помню, чтобы я спрашивала твоего мнения, — рявкнула я.

— Ну, а я не помню, чтобы ты просила меня, когда ты решила месяцами хандрить тут. Потому что для меня это было настоящее удовольствие.

Месяцы и месяцы.

Он был прав. Время проходило мимо нас. Потрепанная искусственная елка все еще стояла в углу витрины «Куска», не смотря на то, что Рождество давно уже прошло. Я умерла

уже давно, люди наверняка уже начали забывать об этом и жить своей жизнью. Я могла представить, как ребята помладше ходили с моей фоткой в выпускном альбоме. Вообразила, как по их мнению я выгляжу там лишней. Неуместной. В розовых узких джинсах, которые так нравились мне в восьмом классе, но в которых и помирать-то стыдно.

Уф.

— Ладно, — снова начала я. — Прости, что испортила тебе все веселье. Очевидно, у тебя такой плотный график.

Он развел руками.

— Что? Хочешь привязать бедных ребят к железнодорожным путям? Утопить их в море? Бросить в заброшенной канаве?

Я улыбнулась ему.

— Рада, что мы, наконец-то, заговорили на одном языке.

— Да, брось уже, — простонал он. — Я знаю, что ты вся такая полна ненависти и сердце у тебя разбито, но тебе не кажется, что пора бы уже забыть все это? Живи и дай жить другим, что-то в этом роде.

— Забыть? — переспросила я. — Как у тебя язык повернулся сказать такое? Ты ведь знаешь, что они со мной сделали. — Я помотала головой, испытывая отвращение. — Мне плевать, что ты скажешь, но я их так просто не оставлю. Они не заслужили спокойной жизни.

— Слушай сюда, Мисс Маленькое Роковое Влечение. — Патрик окинул меня суровым взглядом. — Я не против небольшой мести, но ты уже сполна повеселилась. Что сделано, то сделано. Рано или поздно тебе придется смириться с этим, и я не собираюсь продолжать поощрять твое сталкерство и бушующие гормоны. — Он кивнул, показывая на книгу. — Ты ведь так и ничему не научилась, да?

— Оу, — ответила я, — как раз наоборот. Многому. Я только что прочла о том, что Основные Объекты Взаимодействия больше заключаются в контроле над самим собой, чем над вещью. И любая вещь на земле может стать «душой» для нашедшего. Вот так то. — Правило, на самом деле, было так себе. Быть может, этим можно было объяснить пропажу носков и кражу бриллиантов.

— Какая пронизательность, — съязвил Патрик.

— А еще я узнала, что нельзя «взмывать» на голодный желудок. — Я схватила свой коктейль и сделала глоток через трубочку, громкий и противный. — Поэтому теперь, когда мы разобрались со всем этим...

— Теперь ничего, — ответил он. — Повторяю в последний раз, ты туда не вернешься.

— В последний раз, ТЫ мне не босс.

— Кто это сказал?

— Говорю еще раз, ТЫ. Я создаю правила, помнишь? Если я говорю, что я готова, значит, я готова. Не хочешь идти со мной, отлично. Потому что ты мне не нужен. — Я сделала еще один долгий глоток, потягивая ледяную шоколадную сладость. — Мне никто не нужен.

— Вау. — Патрик покачал головой. — Довольно бессердечно, Чита.

— Какая ирония, не находишь?

— Да, какого черта! — произнес Патрик. Он выхватил у меня коктейль и допил его. — Нет места лучше дома.

Глава 22

Каждый раз, когда я вижу, как ты падаешь, я опускаюсь на колени и молюсь

Говорят, что когда падаешь с какой-нибудь невообразимой высоты, вроде планера или небоскреба, или даже моста, к примеру, паниковать нет времени. Вроде как ты не осознаешь, что происходит, пока падаешь, а к тому времени, как ты шмякнешься о землю, ты уже мертв от шока в ходе падения.

Ну и угадайте что, девочки и мальчики. Все это вранье.

Время пришло.

На этот раз, когда я упала, секунды, казалось, замедлились. Я знала, что вокруг меня завывает ветер, но я не слышала его рева. Я знала, что размахивала руками и ногами в воздухе, но не могла перестать искать, за что бы ухватиться. Я знала, что темная вода стремительно приближалась ко мне, но не смогла оторвать от нее взгляда. В своей жизни я не видела ничего ужаснее.

Притворись, что все это игра, услышала я шепот Патрика. И так и будет.

ИГРА? ТЫ ОБЕЗУМЕЛ?!

— Выкуси, Чита! — завопил Патрик. Он взмыл прямо передо мной, подрезая меня.

— Эй! — завопила я. — Осторожней!

Внезапно я ощутила, как знакомое ощущение растекается по венам. Старый добрый соревновательный дух.

О, нет, не смей. Тебе меня не обойти, Мертвый Мальчик.

Я сомкнула руки перед собой и вытянувшись вперед, нырнула, огибая оранжевые подвесные кабели и гигантские стальные балки, с заклепками величиной с мою голову.

— И еще одно! — прокричала я, бросая на него взгляд. — Не называй меня Читой!

Океан стремительно приближался, все ближе и ближе.

Триста футов.

Сто.

— Ухуууууууу! — завопил Патрик. — Я ощущаю жажду, Чизбургер! Я ощущаю жажду скорости!!

Семьдесят пять.

— Вот и мы! — Он подтянул колени к подбородку. — Калабанга!!

Он точно свихнулся. Мы падали слишком быстро. Из занятий дайвингом я знала, что если войти в воду под неправильным углом, все может закончиться плачевно.

Я попыталась выпрямить тело по вертикали, насколько это было возможно. Голова вниз, руки вместе, пальцы ног вытянуты.

Десять футов.

Я зажмурила глаза и приготовилась к удару.

Один фут.

На секунду все, что я слышала — биение моего сердца... или воспоминание об этом звуке. Потом я промчалась сквозь гигантскую червоточину, вихрь из звезд, планет и нестареющий Океан, вниз головой в черную, беззвездную ночь. Межгалактическая стиральная машина, готовая взорваться. Но я расслабилась, отдаваясь всепоглощающей

темной, тлеющей, яростной мысли, которая зажглась у меня в голове.

Джейкоб.

Если он не может принадлежать мне, пусть не достанется никому.

— Эй, Чита, ты живая? Ну, не в смысле живая-неживая. Ты знаешь, в каком смысле.

Я схватилась за живот и простонала.

— Тебе всегда обязательно разговаривать? — Тело охватила дрожь. Волосы вымокли, а руки и ноги по ощущениям напоминали желе. Я попыталась открыть глаза, но свет был слишком ярким.

— Какого это, чувствовать себя яйцом всмятку? — пошутил Патрик. — Я бы сказал, что у тебя красивые формы, в целом, но твоя поза складного ножа меня не возбуждает. В следующий раз, постарайся подойти к вопросу более творчески.

— Я запомню. — Я протянула руку и убрала длинную водоросль с лица. Открыв глаза, я поняла, что нас выбросило на пляж Крисси Филдс, прямо на краю города.

— А это интересно, — сказал Патрик.

— Что именно?

— Я и не знал, что тут нудистский пляж. В Калифорнии многое изменилось, как я погляжу.

— О чем ты толкуешь? Это не нудистский пляж. — Но вдруг я ощутила, как ветерок овеивает мои ягодицы.

БОЖЕ МОЙ, я же ГОЛАЯ!

— Где моя одежда? — завопила я, отчаянно пытаюсь прикрыться. — Отвернись, Патрик!

— Не волнуйся. — Он прикрыл глаза. — Я ничего не видел.

Я дотронулась до шеи и вздохнула от облегчения, когда поняла что мой медальон все еще на мне, там, где и должен быть, хвала богам. Но потом у меня из-под пятки выполз краб, отчего я громко взвизгнула и запрыгала на месте.

— Видишь? Я же говорил, что ты не готова вернуться, — сказал он. — Не успели мы приземлиться, а ты уже бесишься. — Он вздохнул. — Женщины.

Пару секунд оглядывая пляж, мне наконец удалось найти свое платье: мокрое и смятое, оно зацепилось за кусок коряги всего в нескольких ярдах от того места, где меня выбросило на берег.

Я бросила взгляд на Патрика.

— Стой, где стоишь, друг мой, или огребешь по полной программе. Слышишь меня?

— Извини?

— Я сказала, ты меня слышишь?

— Что такое?

— Ты оглох что ли? Я спросила, ты меня слышал?

Он сверкнул хитрой улыбкой.

— Да, Чита, я тебя слышал.

Я вскочила на ноги и на цыпочках побежала по песку, делая все возможное, чтобы прикрыть грудь. Не то чтобы мне удалось закрыть ее всю, но все же. Я счистила со своего мокрого платья песок, и вытрясла его. После всех произведенных мною манипуляций, мне, наконец, удалось натянуть эту штуку через голову. Проблема была в том, что платье село.

Очень.

— Ты выглядишь... хорошо, — произнес Патрик, как только я позволила ему открыть

глаза.

Я взвыла.

— В общем, как и всегда. Хорошо выглядишь, я имею в виду. Потому что я так думаю на самом деле.

Краска залила лицо, когда я натянула платье на задницу, которая, хвала богам, не стала еще толще из-за всех этих бесконечных кусков пиццы и коктейлей Фростис. Патрик был той еще занозой, но как не крути — он был парнем. И я не могла не признать, что довольно симпатичным. Я привыкла, что он постоянно меня дразнит, но он никогда прежде не говорил о моем внешнем виде. Не упоминая даже, что видел меня голой.

Убийственно.

— Не мог бы ты застегнуть молнию? — проворчала я, придерживая платье.

— Да. — Кивнул он. — Определенно. — Он подошел и я прикосновение его пальцев на шее, когда он осторожно приподнял волосы.

Внезапно, в воздухе запахло дымом. А моя кожа запыхала.

— Только не придумывай себе ничего такого, — предупредила я его.

— Чего я там не видел, — заметил он. — В конце концов, у меня было трое сестер.

Трое сестер?

Спустя мгновение, я почти их увидела. Двое постарше, с волосами цвета меда, и одна помладше — блондинка. Их имена всплыли у меня в голове.

Джулия, Кейт и Алекс.

Но как я это узнала?

— Я думаю, я просто... ну... готово. — Наконец, ему удалось застегнуть замок. Патрик сделал шаг назад, выглядя довольным собой. — Твое желание — закон.

Я попыталась придумать максимально разумный ответ, но щеки вспыхнули ярким оттенком красного.

Бри, не тупи. Скажи что-нибудь. Что — угодно.

— Ты в порядке? — спросил он. — Ты какая-то странная.

— Все прекрасно, — выпалила я. — Только голова кружится. Из-за падения.

Солнце скользнуло за облако, бросая длинную тень на его лицо. Я немного поежилась и бросила взгляд вверх. Вскоре опустится туман.

— Нам нужно идти.

Он замолчал.

— Ладно, Сырная Плюшка, показывай дорогу.

Я протянула руку и взяла его ладонь, мысленно представляя пункт назначения, как и говорилось в Руководстве ДУ.

— Как нечего делать. — Я сосредоточилась на месте, где мы конкретно должны приземлиться. Вот бы еще кусочек пиццы перед взлетом. Но затем ветер подхватил нас и солнце исчезло, я ощутила как мир вращается под ногами, пока БУМ! мы не приземлились на траву, свалившись друг на друга.

— Мило, — проворчал Патрик. — Да у тебя талант. Не могла бы ты, пожалуйста, свалить?

— Прости. — Я скатилась с него и попыталась сориентироваться. Сделала глубокий вдох и осмотрела поле, узнавая небо и землю. — Мы вернулись, — улыбнулась я. — У нас получилось.

Путешествие не прошло совсем уж гладко, но сейчас было важно только то, что я

успешно перенесла нас обратно в Халф Мун. Ощущения были невероятные. Абсолютная свобода и совершенный контроль.

Лучший. Взлет. На свете.

— Не хочу хвастаться, — сказала я, — но с каждым разом, у меня получается все лучше.

Патрик был слишком занят, осматривая все вокруг, чтобы ответить мне. Я не винила его. Побережье Калифорнии только- только начало просыпаться от зимней спячки. Холмы начали покрываться цветами и их лепестки сияли в солнечном свете. Анютины глазки, маки, лилии, звездочки и незабудки с бессвязными вкраплениями голубого и золотого. Ха. Я сразу подумала о двух людях, которым можно было бы собрать гигантский букет и оставить у их дверей.

Деревья казались чуточку выше, протягивая свои сонные ветви к свету. Воздух был сладок и полон весны.

Весна.

И теперь официально ничто не стояло у меня на пути. За исключением множества рядов гранитных надгробий.

— Мы на месте, — произнесла я, внезапно ощущая себя дома. То есть, не то чтобы я была удивлена.

Мы приземлились на кладбище.

Глава 23

Эй, эй ты, ты, мне не нравится твоя подружка

Я подошла к своей могиле и опустилась на колени. На белом камне было вырезано мое имя.

— Кажется ненастоящим, — пробормотала я.

— Самое забавное, — сказал Патрик, — я не уверен, что когда-нибудь будет иначе.

Царапанье. Крик. Удушье.

В глазах начало жечь.

— Не плачь, — обругала я саму себя. — Не плачь.

Боль. Крики. Разрывает напополам.

Ничего не могу с собой поделать. Одинокая слеза стекла по щеке, упав в длинную необрезанную траву, где тут и там неопрятными комками торчали полевые цветы.

— Ко мне хоть кто-нибудь приходит? — я шмыгнула носом и попыталась дотронуться земляного холма, но мне не удалось установить контакт. Рука даже не оставила следа. — Почему я не могу сделать это? Почему?

— Иди сюда, — произнес он, опускаясь на колени. Он положил свою руку на мою ладонь. — Почувствуй землю. Ощути ее пульс. — Он сильнее прижал ее. — Ощути, как солнечные лучи согревают ее. Ощути, как она дышит.

Я попыталась сделать то, что он сказал. Я уставилась на наши ладони, погруженные в землю.

— Не могу, — прошептала я. — Я ничего не чувствую.

— Контролируй себя, — сказал он. — Вспомни, что сказано в книге. Все дело не в контроле над объектом. Главное контролировать себя.

Но как? Как я могла контролировать то, что чувствую?

— Притворись, если нужно, — ответил он. — Притворись, пока не получится на самом деле.

Я вытерла лицо тыльной стороной другой руки и сделала глубокий, дрожащий вдох. Я сосредоточилась на ощущении. Я сосредоточилась, пытаюсь отгородиться от всего вокруг. Контроль. Я ощутила, как пальцы Патрика коснулись моих. Наши руки были измазаны в грязи, песке и слезах.

— Не могу.

— Можешь.

— Я пытаюсь.

— Пытайся лучше.

Я сосредоточилась так сильно, что еще чуть-чуть и смогла бы заработать сотрясение мозга. Я вперила взгляд в землю, до отчаянной боли пытаюсь достучаться до своей прежней жизни. Я склонилась и отдала земле все, что у меня накопилось.

И по-прежнему, у меня ничего не вышло.

Я наклонила голову, презирая саму себя. Затем, внезапно, меня что-то укусило.

— Ай! — я отдернула руку. — Какого черта это было?

— Муравей? — предложил Патрик.

Я уставилась на мелкую точку на пальце, которая становилась красной. Я взглянула на Патрика, широко распахнув глаза.

— Он укусил меня. Он укусил меня, и я это почувствовала.

Он улыбнулся.

— Неплохо, да? Я знал, что ты сможешь...

Я обняла его, чем удивила нас обоих.

— Вау, — прошептал он. На минуту он позволил мне обнимать его, после чего медленно обнял меня в ответ.

На долю секунды наши лица оказались в дюйме друг от друга, и я вдруг позабыла, зачем мы вернулись в Халф Мун. Все мои мысли были об ощущении того, как сердце бьется в груди. Тепло и ровно. И пока мы стояли обнявшись рядом с моим надгробием, у меня в голове промелькнуло воспоминание. Парень и девушка, вместе, бегут по бесконечному полю полевых цветов. Звук их смеха раздаётся в кристально чистом ночном небе. Внезапно, по коже пробежал холодок. Воспоминание было не мое.

— Похоже, у нас компания. — Голос Патрика вернул меня с небес на землю, и я почувствовала, как он убрал руки.

Я проследила и увидела приближающуюся фигуру. Темные волосы и стройное тело. Эти яркие карие глаза. С огоньком. Эти глаза, я бы узнала где — угодно.

Сейди.

— Что она тут делает?

Патрик покачал головой.

— Кажется, у тебя гораздо больше посетителей, чем ты думала.

В ее руках был букет из подсолнухов и ромашек. Вот бы бросить ей их в лицо.

Попрактикуйся, слышала я голос Патрика, ***и кто знает***.

Я поднялась на ноги и повернулась к ней. Ощутила, как щеки вспыхнули, как только она подошла ближе.

— Чего ты хочешь?

Она остановилась в шаге от моего надгробного камня, глядя сквозь меня.

— Привет, Бри, — прошептала она. — Знаю, ты, должно быть, ненавидишь меня...

— Ага, — выплюнула я. — Так и есть.

— ... но я так сильно по тебе скучаю. И мне так жаль. Мне было так ненавистно скрывать все от тебя. Но не я первая должна была рассказать тебе об этом...

— Не смей даже думать об извинениях. Ты даже не...

— Она пытается, — вмешался Патрик, его голос был тих. — Ты должна выслушать.

Я бросила на него взгляд.

— Отлично. — Он покачал головой. — Продолжай дуться. Это твоя вечеринка.

Она выглядела в точности, как и всегда. Те же идеальные волосы. Тот же идеальный загар. Те же убийственные брови. Ненавижу это признавать, но выглядела она идеально. И даже не смотря на то, что она выглядела расстроенной, эти месяцы не даром прошли для нее. Как по мне, так у нее все было хорошо.

Фу. Интересно, почему.

Я наблюдала, как Сейди смотрит на мой надгробный камень. Ожидала любого намека на эмоции: вины или сожаления... да чего угодно. И как только им двоим удавалось держать все в тайне от меня? Прямо у меня под носом. И скорее всего, под прочими носами тоже. Было ясно как день, что Эмма и Тесса понятия не имели обо всем этом в ту ночь у костра. Меня замутило при одной только мысли об этом; Сейди предала и их тоже. Она притворялась, что любит меня. Извините меня, конечно, но так не поступают с теми, кого

любят.

Это ведь нелегко. Все делать украдкой. Столько врать. Столько украденных поцелуев. Поцелуев, которые ты украла у меня, ну спасибо ж тебе большое. Черт, да у нее, должно быть, стальные нервы, раз она пришла сюда. Пытаюсь поговорить со мной, когда я не могла даже ответить. Откровенно говоря, на моем газоне ей больше не рады.

— Газоне? — расхохотался Патрик. — Ты серьезно? Чита, ты прямо как из Вестсайдской Истории. — Он начал пританцовывать и напевать знакомую Бродвейскую мелодию. — Сегодня, сегооодня, мы вернемся сегоооодня.

Я не удержалась и улыбнулась. Так по-детски, но все же.

Внезапно, у Сейди зазвонил телефон. Она начала копаться в своей коричневой сумке через плечо, той самой, что купила в торговом центре в прошлом году.

— Не находишь, что она уже вышла из моды, Садистка⁷? — произнесла я.

Патрик вскинул бровь.

— Тут только одна садистка поблизости, и это точно не она.

Сейди, наконец, достала свой Айфон.

— Привет, милый. Как дела?

МИЛЫЙ?

Удар тишины.

— Ага, я тут просто бегаю по делам.

Оу. Так я значит одно из твоих дел, да?

Полегче, тигрица. Патрик выглядел обеспокоенным, словно я готова была в любой момент воспламениться.

— Конечно. — Сейди оглянулась на ворота кладбища. — Звучит здорово. Я возьму мамину машину. Встретимся через пятнадцать минут.

— Оо, тайное свидание, — произнес Патрик. — Обожаю такие.

Я окинула его еще одним злобным взглядом. Я планировала отправиться напрямиком к Джейкобу, после визита на свою могилу. Но это отошло на задний план. У меня возникла идея получше.

Застать их вместе. С поличным.

— Черт, да ты повернутая, сестренка. — Покачал головой Патрик. — Реально повернутая.

Я наблюдала, как Сейди опускает на землю цветы, аккуратно сложив их у надгробия. Словно они могли помочь мне забыть все то, через что я прошла.

Ну, я меня были новости для Сейди Руссо. Быть может, я и умерла. Но на этот раз, я прихватчу ее с собой.

Глава 24

Теряя веру

Мы около десяти минут ехали на заднем сиденье Джетты, которая принадлежала матери Сейди.

— Быстрая езда, да? — я бросила взгляд на спидометр. — Похоже, в последнее время ты нарушаешь закон везде и всюду, да, Руссо?

— Уймись, кража бойфренда вообще-то не является преступлением. — Патрик бросил на меня взгляд, говорящий о том, что в этом вопросе я проиграла.

— Может, и нет, — ответила я. — А вот следовало бы.

Мы проехали мимо «Дома Чаудер» справа, который принадлежал Сэму, а слева была пивоваренная компания Халф Мун. После ферма артишоков и Французский залив.

— Городок не очень-то сильно изменился за двадцать семь лет, да?

Я открыла рот.

— погоди, что? Так ты тоже отсюда?

Он издал протяжный стон.

— Ты серьезно, маленькая леди? Вау, напомни мне больше не нанимать тебя частным детективом. А ты что думала? Что я торчу в «Куске» целую вечность, потому что там пицца хорошая?

— Я, ну, я..., - запинаясь словами, внезапно чувствуя смущение. Но Патрик был прав. Я и понятия не имела, что он с этого же городка. Как я могла позабыть спросить о столь важной части информации? — Извини, — произнесла я. — Я — идиотка.

Он толкнул меня локтем в бок.

— Купишь мне Фрости и мы квиты.

— Фрости? Где? — Я огляделась и поняла, что Сейди свернула с дороги на парковку «У Венди».

— Мм, — произнес Патрик, вдыхая запах гамбургеров и картошки фри. — Прошло слишком много времени с тех пор, как я ел что-то подобное.

— Сколько лет тебе было? — спросила я. — То есть, когда ты...

— Умер? — спросил он. — Семнадцать. Ну, почти восемнадцать, в общем-то.

Я мысленно подсчитала, принимая во внимание его одежду из 80 — х.

— Так все это время... значит, тебе сорок пять лет? — захихикала я. — Мама меня прибьет.

Он улыбнулся.

— По-крайней мере, я не выгляжу на свой возраст.

Звук захлопнувшейся двери на парковке привлек наше внимание. Мы выскочили прежде, чем Сейди успела закрыть дверь, и я приготовилась к дальнейшему. Через три секунды я увижу темно-зеленый Сааб Джейкоба, который я называла Васаби.

Я увижу его. И ее. Вместе.

Вздор.

Я не была уверена, как именно восприму все это. Прошлый раз едва не уничтожил меня. Шесть месяцев оказались не такими уж долгими. Надеюсь, я смогу держаться.

Контроль, мысленно повторила я. Контроль.

Но машина, которая приблизилась к Сейди, была не темно-зеленой, и это определенно был не Сааб. Это была светло-голубая Хонда.

Машина Эммы? Что она здесь делает?

— Привет, детка, — сказала она Сейди. Я ахнула, когда увидела ее супер короткую стрижку. Тесса вылезла из машины и присоединилась к ним. Она стала еще выше, если такое было возможно. Ей почти исполнилось пятнадцать. Ее длинные медные волосы были собраны в тугий хвостик на затылке. Она выглядела потрясающе. Настоящая прима балерина.

Сейди скрестила руки на груди, глядя на них.

— Ну? Зачем вы, девчонки, хотели меня видеть?

Эмма и Тесса обменялись взглядами.

— Охо — хо, — произнес Патрик. — У меня хорошее предчувствие. Жаль, попкорна нет.

Я шикнула на него, не желая пропустить ни слова.

Эмма нервно глянула на Тессу, прежде чем заговорила.

— Я просто хотела сказать... мне жаль.

— Что? — выпалила я. — Почему Эмма извиняется?

Сейди широко распахнула глаза. Она тоже не могла в это поверить.

— Было неправильно нам обвинять тебя подобным образом, — продолжила Эмма. — Это просто..., - Она замолчала и снова бросила взгляд на Тессу. — Все об этом только и болтают. И мы должны знать правду.

— Надеемся, ты сможешь простить нас, — добавила Тесса. — Нам, правда, правда, очень жаль.

Я была абсолютно сбита с толку поворотом событий. Какого черта я пропустила?

Не нужно просить у НЕЕ прощения. Она — лгунья!

Сейди опустила глаза, уставившись на свои ноги.

— Для вашего сведения, я хочу, чтобы вы обе знали, что Джейкоб Фишер и я просто друзья. Мы всегда были просто друзьями. Еще до того, как он и Бри начали встречаться. — Ее голос задрожал. — Вы ведь верите мне, да?

Эмма вздохнула.

— Ага. Верим. Ты просто должна признать...

— Я не дуручка. — Сейди потерла глаза. — Я знаю, что говорят обо мне люди. Но то, что вы, ребят, поверили в это...

— Нет! Нет, нет и НЕТ! — закричала я, желая хорошенько встряхнуть Эмму и Тессу. — Она ПРИТВОРЯЕТСЯ. Не верьте ни слову!

— мне просто дико обидно.

Ах ты ж сучка. Стервозная и непробиваемая сучка.

Я больше не могла это выносить. С меня хватит. Я завелась прямо там, и пнула переднее колесо машины так сильно, как только смогла, закричав изо всех сил.

БОЖЕ!!!!!!

Машина дернулась, а я упала на асфальт, задыхаясь от боли.

— Ауууууууу, — завопила я, держась за ногу. — Аууууу, ау, ау, ау.

Патрик открыл рот. Он посмотрел на машину, потом на меня, затем опять на машину, сияя от гордости.

— Вперед, команда ИГАН!

— Воу, — произнесла Тесса, отступая от машины. — Вы, ребята, это почувствовали?

— Я определенно что-то ощутила, — ответила Эмма. Она присела на корточки и осмотрела шину. — Какого черта только что произошло?

Сейди оглядела парковку, на случай если заметил кто-нибудь еще.

— Может, землетресение или что-то в этом роде?

Я села, осознавая, что я только что наделала.

Божемой. Божемой. Божемой.

На моем лице расплылась широчайшая улыбка.

— Я сделала это. Я снова это сделала. У меня ПОЛУЧИЛСЯ чертов КОНТАКТ.

— Да, у тебя получилось! — Он кивнул на машину, ухмыляясь. — Попробуй еще раз.

Я сосредоточилась на эмоциях.

Контроль.

Я пнула снова, на этот раз, целясь в дверь.

— Дерьмо! — Тесса отпрыгнула. Моя нога оставила маленькую вмятинку.

Я откинула голову назад и завопила.

— Я жгу!

Патрик поднял ладонь кверху, чтобы дать мне «пять». Я ударила. И промахнулась.

— Ладно, — сказал Патрик. — Думаю, над этим мы еще поработаем.

Я беззаботно рассмеялась. Я ощутила абсолютную силу и вседозволенность, словно подоспевшие извне. Наблюдая, как Сейди опускается до рекордно низкого уровня и обманывает всех направо и налево, я была официально готова испытать свои новообретенные способности. Моя кожа горела неудержимым и отчаянным желанием нанести серьезный вред. Потому что любая девушка знает Первое Правило Лучших Подруг: ни за что и никогда не уводить парня лучшей подруги.

Я запрыгнула на капот машины Эммы и запустила еще один мощный пинок. Только на этот раз, когда моя нога вступила в контакт с поверхностью, на лобовом стекле образовалась большая трещина. Девчонки стояли, разинув рты, наблюдая, как осколки стекла сыпятся на асфальт. Они начали визжать. Эмма и Тесса запрыгнули в машину, а Сейди бросилась к своей.

— Позвоню позже! — крикнула Эмма Сейди, когда они уезжали с парковки.

— Ну, улет, накрылась наша поездочка, — пробормотал Патрик.

Я не слушала.

— Какой сегодня день?

Он запрокинул голову, глядя на солнце.

— Вспоминая то, что я вычитал из ДУ — Навыки выживания, могу сказать, что приблизительно 28 Апреля.

— Я имею в виду, какой день недели.

— Секунду. — Я увидела, как он достал что-то.

— Что? — спросила я. — Что это такое?

На его лице появилась виноватая улыбка, когда он вытащил телефон Сейди.

Святой Джсекпот, Бэтмен.

Он нажал на кнопку и экран ожил.

— Поправочка, — объявил он секундой позже. — Двадцать девятое Апреля. Пятница.

Пятница.

Я начала вспоминать. Джейкоб каждый день после школы оставался на тренировки, а

по пятницам у них почти всегда проходили соревнования. Патрик дважды огляделся, чтобы убедиться, что никто из «живых» не смотрит. Он сунул телефон в карман, делая его невидимым для остального мира. Официально он теперь наш. Найденный Объект.

— Дай-ка сюда. — Я протянула руку.

— Секундочку, — сказал он. — Что ты задумала, Сырная Задница?

— Кто из нас тут старичок? Поэтому, сэр, я понятия не имею, о чем это вы толкуете.

— Послушай. — Его голос стал серьезен. — Я готов зайти немного дальше со всем этим. Но я не хочу, чтобы тебя занесло. Существуют некие правила, по которым ты должна играть, Чита.

— Ох, да? — возразила я. — Какие, например?

— Например, забыть об этих идиотах, двигаться дальше, и УСПОКОИТЬСЯ уже. И еще одно. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Скоро нам придется вернуться в «Кусок». Так что тебе придется смириться. Ты ведь в курсе, да?

Я посмотрела на него в ответ, не говоря ни слова. Патрик был хорошим парнем, и он стал мне не безразличен. Но он никогда не сможет меня понять. Куда ему? Он был всего лишь парень из 80-десятых, которому не стоило гонять на мотоцикле. Какого черта ему было известно о любви или потерях? Как будто он хоть раз испытывал на себе, что значит разбитое сердце. Ему ничего не было об этом известно, вот что.

Прямо тогда я решила, что в «Кусок» я не вернусь.

Ни сейчас, ни вообще.

Я сделала все возможное, чтобы скрыть свои мысли, на случай, если Патрик опять вздумает забраться ко мне в голову. Я приложила максимум усилий, чтобы мои слова прозвучали правдиво.

— Ага. — кивнула я. — Я знаю, что мы должны возвращаться.

Полагаю, Сейди не единственная, кто может хорошо врать. Потому что Патрик купился.

Он улыбнулся.

— Тогда ладно.

Я ощутила вину, но одной вины было мало, чтобы передумать. Потому что ни ад, ни вселенский потоп не заставили бы меня вернуться назад. Ни Патрик. Ни Леди с Кроссвордом. Ни даже сам дьявол.

Никто.

Глава 25

Черный и синий, синий только для тебя

Я решила подкараулить Джейкоба ровно через семь кварталов от СШП, на том самом месте, где он проезжал каждый день (у Бо), на том же самом стареньком велосипеде (черный Релайт Перфоманс Гибрид), в то же время как и всегда (14:42). Я была уверена, что с минуты на минуту он отправится на поле Белчер, которое все звали Отрыжка, где всегда проводились встречи команды по бегу. Не то чтобы я была одержима.

Скорее наоборот, дружок.

К твоему сведению, мне бы хотелось упомянуть, что это еще не одержимость — знать расписание своего парня, чтобы невзначай встретиться с ним. Это просто означает чью-то расторопность. Зачем тратить время, бегая по всему городу, пытаясь угадать, куда же отправится парень, когда вместо этого можно просто напросно узнать? И после оказаться уже там. Совершенно обычная вещь, как я считаю.

Мм, ага, потому что ты — сталкер. Патрик бросил на меня серьезный взгляд, без шуток.

— *Fac ut vivas*, — произнес он по-латински. — Иными словами «Обрести жизнь».

Я отмахнулась от него и в семнадцатый раз оглядела квартал, чтобы не пропустить Джейкоба.

— Я же не бегаю трусцой возле его дома каждые полчаса.

— И то верно. Одного раза в час было бы достаточно.

Я ударила его по руке. Прошло всего несколько минут, а Патрик все не унимался.

— Он не придет, Чита. Мы ведем себя глупо. Или позволь перефразировать. Ты ведешь себя глупо.

Я повернулась к нему.

— Ну, можешь уйти. Разве нет? Ты мешаешь мне сосредоточиться, а я хочу быть готовой.

— Оу, пытаешься от меня избавиться, да? — Он прислонился к телефонному столбу. — Жаль тебя разочаровывать, но я никуда не уйду.

Я раздраженно покачала головой.

— Оставайся, уходи, все равно. Мне, правда, плевать.

Внезапно, все мои чувства пришли в состояние повышенной готовности: я услышала звук велосипедных шин. Меня обдало холодным потом. Он был близко. Я чувствовала это. А потом я увидела, как его правое колесо сделало поворот на Милл Стрит.

Я замерла. Это действительно был он. Волосы отрасли, словно он не стриг их долгие месяцы, и он раздался в плечах. Он стал старше. Мысль слегка ужалила. Все стали старше. Все, кроме меня.

— Готов? — я присела на корточки, занимая позицию.

— Я по-прежнему считаю тебя сумасшедшей, — проворчал Патрик.

— Забавно, потому что я не помню, чтобы спрашивала твоего мнения.

Мы вдвоем стояли друг напротив друга, всего в шести футах: Патрик возле телефонного

столба, а я на фоне окна Кафе Сад Дели, куда всегда приходили обедать старшекласники. Мой план заключался в том, чтобы хорошенько напугать Джейкоба перед соревнованиями. Он был довольно суеверен, особенно, когда дело касалось соревнований, так что я хотела сделать нечто такое, что действительно напугает его и, надеюсь, убедит его в том, что он опозорится перед всей школой. Мне просто необходимо было смутить его. Нет, мне нужно было унижить его.

— Да начнутся игры, — прошептала я.

Его велосипед был все ближе и ближе, пока, наконец, я не увидела шины прямо перед глазами. Мое личное Сражение на Банкер — Хилл.

Тебе не кажется, что все зашло слишком далеко, а?

— Подожди, — произнесла я. — Подожди... давай, сейчас! — Мы выпрыгнули на тротуар перед Джейкобом, хватаясь руками за цепь, как в игре Рэд Ровер. Я зажмурила глаза в тот самый миг, когда Джейкоб проехал сквозь меня. Я услышала стук сердца в его груди. Я ощутила, как его пульс скользит по моим венам. Я уловила запах грязи у него под ногтями. На долю секунды, я осмелилась открыть глаза. Это было невероятно, как в реальной ожившей версии Миссис Фризл и ее волшебного школьного автобуса, который путешествовал по человеческому телу. Я увидела его кровь, клетки и артерии; все вокруг меня такое живое, дышащее, пульсирующее в едином ритме. Я целиком и полностью растворилась в Джейкобе Фишере, его сила выбила из меня почти весь дух. Я сильнее уперлась в землю пятками. Не сдвинусь с места.

Я сильная. Я могущественная. Я все контролирую.

— Срань Господня! — закричал Джейкоб, теряя управление. Я услышала, как цепь слетела с его велосипеда, когда он вылетел влево, врезаясь в груды мусорных мешков, которые я выволокла из продуктового магазина. Его велосипед впечатался в телефонный столб на улице. Встречный автомобиль увернулся, но наехал на заднее колесо.

Та — ДАМ.

— Человек ранен! — Я вскинула руки вверх и исполнила маленький победный танец. Джейкоб застонал и перекатился на большую кучу с протухшими сэндвичами и залежалыми салями.

— Мои поздравления, — произнес Патрик. — Теперь счастлива?

Я наклонилась к нему и чмокнула его в щеку.

— Ага.

Он посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

— Это еще зачем?

Я улыбнулась.

— Ты отличный сообщник.

Джейкоб медленно выбрался из мусорной кучи и встал на ноги. Он выглядел супер-озадаченным и... как я гениально предсказала... супер-злым.

— Эй, ты в порядке? — Парень из гастронома высунул голову. — Мы видели, как ты упал, приятель, это была жесть. — Он кивнул на груды мусора и рассмеялся. — Впрочем, упал удачно. Обычно мы выносим мусор после закрытия. Похоже, за тобой кто-то присматривает.

О, да ты и понятия не имеешь.

— Ага, — сказал Джейкоб. — Я не уверен в том, что здесь произошло. Наверное, я на что-то наехал. — Он осматривал свой велосипед и грязный тротуар. — Извини за

беспорядок, чувак. Я тут все уберу.

— Верно, — огрызнулась я. — Ты устроил просто грандиозный свинарник, Фишер. И я здесь затем, чтобы убедиться, что ты все приберешь.

Патрик ударил себя по лбу.

— Женщины.

— Вперед! — я схватила его за руку. И перенесла нас напрямик к Отрыжке.

Глава 26

Ты должен знать

Отрыжка была забита (т. е. идеально подходила для того, что вот-вот должно было произойти). Ребята из всех сфер школьной жизни были здесь: придурки, наркоманы, чирлидерши; хипстеры со своими стрижками и очками библиотекарей 50-х годов; даже представители драмкружка, все как один.

Я глянула на табло и поняла почему. Соперниками выступали Циклоны из Сан-Матео. Это соперничество продолжалось вечно, по крайней мере, начиная с 90-х.

Наконец, все обернулось в мою пользу. Боже, ситуация изменилась в корне. Я маниакально хихикнула на свою удачу. Это точно будет ЛВНС (Лучшая Встреча На Свете).

— Предупреждаю, ты похожа на Дракулу, — произнес Патрик. — Не могла бы ты оказать мне услугу и прекратить издавать все эти зловонно-чудовищные звуки? Ты начинаешь меня пугать, Сырок.

Поскольку это уже стало нашей маленькой традицией, я не обратила на него внимания.

— Где телефон? — Я потянулась к его карману, но он схватил меня за руку.

— Не так быстро, крошка. — Он достал телефон Сейди и помахал им над моей головой. — Не это ли ищешь?

Я подпрыгнула, пытаюсь выхватить его.

— Не будь лузером. Отдай его мне.

— Если пообещаешь не делать ничего глупого.

— Да-да, обещаю. — Я выхватила его и ввела кодовое слово Сейди, то же самое, что и всегда.

Джультард.

После я попыталась поставить себя на ее место и написать Джейкобу Сейдиподобную смс-ку, какую только смогла выдумать.

Джефф! Отрыжка УЖС! Ты уже здесь? Сломай ногу!⁸

Муа-ха-ха. Сломай ногу. Я фыркнула над собственной шуткой, а Патрик бросил на меня подозрительный взгляд.

— Что смешного?

— Боюсь, это секретная информация. — Затем я нажала ОТПРАВИТЬ.

Он простонал.

— Напомни мне никогда не переходить тебе дорогу.

Пару секунд спустя телефон завибрировал. Джейкоб прислал ответ.

Уже в пути. Велосипед сломался. Встретимся сегодня? Целую хх

Я перечитала сообщение несколько раз. Вот оно. Двойной смайлик «целую». Такие отправляют тем, кого любят. Я ощутила, как во мне поднимается волна азарта: тоже самое я чувствовала, когда он писал мне и напоминал, какой милой я была.

— Спецвыпуск новостей, Сырок — он пишет не тебе, — сказал Патрик. — Он думает, что пишет ей.

Я бросила на него взгляд.

— Да неужели? Спасибо за разъяснение невероятно очевидного.

Минутой позже, я увидела, как Джейкоб идет со своим кривым велосипедом к

трибунам, он бросил его там же, не потрудившись запереть велосипедный замок. Я последовала за ним туда, где бегуны делали растяжки, и стала наблюдать, как он разогревается.

Несомненно, он был лучшим бегуном нашей школы. Тренеры из колледжей кружили вокруг него словно пчелы вокруг меда, особенно с тех пор, как он побил сумасшедший рекорд, установленный выпускником Майком Реми. Принстонский Университет гарантировал ему место в команде, так что он худо-бедно пытался удерживать свой средний бал до окончания школы. Он был звездой. Популярный в своих кругах. Он всегда был симпатичным, милым пареньком — по-соседству. Он всем всегда нравился. Он не был похож на парня, который чуть что готов увести девушку у лучшего друга. И определенно он не из того типа парней, что предадут людей, которые им не безразличны. Поэтому мне было так трудно поверить во всю эту чушь с разбитым сердцем, это было совершенно неожиданно. Сильная, устойчивая, надежная почва под ногами просто разрушилась. Не было никаких тревожных звоночков. Пожарных сигнализаций, вплоть до той бури. Честно говоря, даже все это время спустя, часть меня, все еще не могла поверить в это.

Джейкоб и Сейди.

Все это просто не имело смысла.

Но сейчас что-то изменилось, словно планеты сдвинулись. Я замечала это в том, как другие ребята смотрели на него, двигались вокруг него. Его товарищи по команде прищурились и понизили голоса, когда он проходил мимо.

Что происходит?

Джейкоб вытянул правую руку, затем перешел к левой.

— Эй, Фишер, ты опоздал, — сказал Тренер Бобби. — Разогревайся. Ты — следующий.

— Извините. — Джейкоб понурил голову и побежал к своей команде.

Я наблюдала за их лицами, когда он присоединился к ним. Ага, что-то определенно было не так. Их взгляды были отнюдь не дружелюбными. Никаких улыбок по типу «как дела!» или «дай пять!». Возникла какая-то неловкость, молчание. Кожа покрылась мурашками от восторга, когда мне открылась правда.

— Они знают, — прошептала я. — Они все знают, что он со мной сделал.

— Ну, раз ты так говоришь, — сказал Патрик, — значит, наша работа на этом закончена.

Я саркастично рассмеялась.

— Продолжай мечтать, Патриция.

Спринтеры подошли к стартовым колодкам, Джейкоб занял дальнюю посередине.

Идеально.

— Бегуны, на старт! — крикнул Тренер Бобби, поднимая сигнальный пистолет над головой.

Парни опустились на колени.

— Бегуны, приготовились!

Они заняли позиции.

— Бегуны, вперед!

Я услышала треск выстрела и увидела, как они сорвались с места, мышцы сократились, сердца стучат. Это был короткий забег — всего сто метров. Джейкоб лидировал. Я увидела, как его глаза сузились на финишную линию, пока толпа поддерживала хозяев поля.

ПСШ! ПСШ! ПСШ!

Они все увидят, на что я способна, все: от Лидеров до Лузеров. Все наблюдали. Вся средняя школа. Все учителя и родители. В сторонке, высоко на трибунах, за всем наблюдала симпатичная, темноволосая девушка. Я отчетливо видела ее лицо, такое ощущение, что все облака разошлись, и лучи света упали ей на лицо.

Сейди.

Я снова улыбнулась, наблюдая, как Джейкоб приближается ко мне по беговой дорожке.

— Подавись своим сердцем, Руссо, — прошептала я, принимая нужное положение. Он почти добежал до меня. Я почти увидела, как очертания моей фигуры отражаются в его темно-голубых глазах. На мгновение, я вспомнила звук его сердцебиения и ощутила стыд за все то, что собираюсь сделать. А еще я вспомнила звук своего сердцебиения.

Я съежилась, вытянула ногу и сосредоточилась еще сильнее, чем приходилось когда-либо прежде. Приготовилась для удара, потому что, да, наверное, будет больно. Впрочем, ему будет куда больнее, нежели мне.

3...2...1.... КОНТАКТ.

На долю секунды, мир замер. Я услышала хруст кости. Я услышала, как толпа смолкла, когда их бывший победитель упал лицом на асфальт. А затем, словно музыку, я услышала, как сладкая, блестящая победа моего бывшего бойфренда растворилась в воздухе, вместе со стипендией в Принстоне.

Глава 27

Поплачь еще

Патрик со мной не разговаривал. Он «наказывал» меня. Потому что я, цитирую, «зашла слишком далеко».

— Без обид, — произнесла я. — Как по мне, так вывих ноги в обмен на разбитое сердце еще неплохая сделка.

Его брови взметнулись вверх.

Вывих?

— Ладно, ладно, — смягчилась я. — Перелом. Без разницы.

Толпа все еще была в полной растерянности, когда скорая приехала, чтобы отвезти Джейкоба в больницу на рентген. Кроме санитаров, меня и Патрика, лишь один человек залез в машину, и пробыл с ним весь путь до больницы. Сейди. Seriously, к чему такое клише?

Мы вчетвером сидели в полной тишине, пока машина направлялась к больнице.

— Как-то неловко, — сказал Патрик.

Я не ответила. Я была слишком занята, бросая убийственные взгляды в Сейди, надеясь, что она ни с того ни с сего откинется.

— Что там случилось, Джейк? — Сейди нежно прикоснулась ладошкой к его руке. — Какого черта ты споткнулся?

— Полегче, — зарычал он на санитаров, который накладывал ему шину. Тот сердито всплеснул руками. — Я не знаю, ладно? Ничего. Ничего там не произошло.

— Я имею в виду, что ты, должно быть, обо что-то споткнулся. Все видели.

— Тогда почему ты меня спрашиваешь?! — закричал он. — Если все видели, тогда, быть может, сама расскажешь мне, что произошло. — Он снова откинулся на носилки и его голос задрожал. — Боже, я серьезно. Это все меняет. Это..., - он указал на перевязанную ногу... — все рушит.

— Может, и нет, — она попыталась успокоить его. — Давай подождем и посмотрим, что скажет врач и мы...

— Она сломана, — с горечью ответил он. — Это был мой билет отсюда. Единственный шанс начать все с чистого листа. И теперь все коту под хвост. — Он зажмурил глаза и скорчился от боли. — Богом клянусь, словно какая-то сила преследует меня сегодня весь день. Сначала байк, теперь это.

Сейди потянулась и осторожно убрала прядь волос с его глаз.

Блевотина.

— Что ты имеешь в виду? Что случилось с твоим байком?

— Что значит твое «что ты имеешь в виду»? Я написал тебе об этом перед гонкой. — Злобно прорычал он. — Когда ты в ответ пожелала мне сломать ногу.

Сейди озадаченно покачала головой.

— Джейкоб, о чем ты говоришь? Я никогда не писала тебе ничего подобного.

Джейкоб секунду разглядывал ее, а после начал рыться в сумке. Наконец, он выудил телефон, нажал на принятые сообщения и передал его ей.

— Ах, нет?

Я наблюдала, как ее глаза становятся все больше, читая смс.

— Я этого не писала. Я не знаю, кто это написал. Вчера я потеряла телефон у Венди. С машиной Эммы что-то произошло и я, должно быть, выронила его. А кто-то другой подобрал. Это сообщение прислал кто-то другой.

Патрик бросил на меня злобный взгляд.

Упс.

— Эмма, — произнес Джейкоб, его голос был полон обиды. — Определенно, это была Эмма.

Сейди покачала головой.

— Эм бы такого не сделала. Она и Тесса извинились передо мной сегодня.

Он поднял на нее взгляд.

— Правда?

Сейди кивнула.

— Я позвоню на твой номер, — предложил он, все еще неуверенно. — Давай посмотрим, кто ответит.

Охо-хо.

Наши с Патриком взгляды встретились, когда телефон Сейди зазвонил в моем кармане.

— Ответишь? — спросил Патрик.

— Неа, не думаю, — вспыхивая, ответила я. — Пускай оставит сообщение.

Он усмехнулся.

— Хорошая идея.

Скорая остановилась у входа и секундой позже двери распахнулись. Патрик и я выпрыгнули, в то время как несколько парней в оранжевых куртках попросили Джейкоба не двигаться. Они досчитали до трех, затем достали носилки и трансформировали их в каталку.

— Я подожду твоих маму с папой здесь, — окликнула его Сейди. — Увидимся внутри. — Она чмокнула его в щеку. — И, слушай, не волнуйся, ладно? Все будет хорошо. Принстон никуда не денется. Мы им не позволим. Обещаю.

Как по мне, так Джейкоб не поверил ее словам. Он выдавил улыбку.

— Спасибо, Сейдс, — тихо произнес он, когда его начали заносить внутрь. — Что бы я без тебя делал?

Ох не знаю. Может, по — прежнему встречался бы со мной?

— Боже, довольно! — закричал Патрик. Его выражение лица стало еще более расстроенным, я впервые видела его таким злым.

— Эй! Не кричи на меня! — я схватила его за рукав куртки, нечаянно обнажив шрам.

Он отдернул руку.

— Извини, извини, — произнесла я. — Постоянно забываю, какой ты чувствительный, когда дело касается твоего гардероба.

Выражение его лица подсказывало мне, что он не в настроении для шуток.

— Послушай, — взмолилась я. — Со мной, правда, все в порядке, ладно? Я не хотела..

— Вот именно, что хотела, — выпалил он. — Тебе совсем не жаль.

Я чувствовала себя ужасно. Я никогда не была злобной. Я и таракана в своей жизни не убила. Впервые я захотела отомстить. Черт, но ведь у меня были на то причины. Я устала быть хорошей девочкой. Я устала быть хорошей подругой, которой можно воспользоваться. Так что разнообразия ради, я решила сделать со всем этим что-нибудь. И, ладно, да, быть может, кое-кто пострадает. Но что с того? Некоторые очень даже заслужили это.

Я ощутила, как от кожи начали подниматься маленькие колечки черного дыма. Я чувствовала себя отвратительно из-за своего поступка, но это на самом деле никак не касалось Патрика. Меня еще больше взбесило его ТомоКрузовское самодовольство и выражение лица «Святее только Всевышний». Я разозлилась от того, что он тоже зол. Да как он может?

— И что с того, если мне не жаль, а? — подначивала я его. — Я не обязана извиняться. — Я направилась ко входу в травмпункт. — Особенно перед тобой.

Патрик схватил меня за руку.

— Бри, не надо.

Я попыталась вырваться.

— Отпусти меня.

— Не нужно было поощрять тебя, — сказал он. — Все это было ошибкой. Ты слишком сильно зациклилась на всем этом. Теперь я это вижу. — Он стиснул руки. — Я понял, ясно? Поверь мне, для тебя все это не более чем веселье, но ты делаешь хуже лишь самой себе. Ты должна выйти из этого отчаяния. В противном случае, у тебя не будет шанса двигаться дальше.

— И что? — закричала я, вырываясь. — Быть может, я не хочу двигаться вперед. Быть может, мне здесь лучше, чем вечность торчать в «Куске». Быть может, мне насрать на этот твой глупый список. Быть может, я предпочту проводить время со своей семьей и друзьями, чем торчать целую вечность с тобой.

Его глаза вспыхнули.

— Друзьями? Я знаю, что мы с тобой выросли в разное время, но я совершенно уверен, что так с друзьями не поступают.

— Они получают то, что заслужили! Они оба! Ты и сам это прекрасно знаешь!

— Они уже расплачиваются за свои ошибки, Бри. Они оба сильно страдают с тех пор, как тебя не стало, быть может, больше, чем тебе об этом известно. — Он потянулся ко мне во второй раз. — Пора прекращать. Игра окончена.

Я отпрянула, обжигающая ярость пузырилась внутри меня.

— Какое тебе дело? С чего это ты вдруг начал заботиться об их чувствах? — рассмеялась я. — Не говори мне... что ты тоже влюблен в Сейди!

— Не будь смешной, — ответил он. — Почему бы тебе не смириться, что все идет своим чередом?

— Потому что мне не нравится это, — огрызнулась я. — Потому что я мертва, а они нет. Потому что это несправедливо, она ведь даже не заслуживает его, понятно? Он — мой. — Мой голос задрожал, и я ощутила, как подступают слезы. — Он был моим. А не ее.

— Как ты можешь беспокоиться о людях, которые даже не заслуживают тебя? — сказал Патрик, бросая на меня взгляд. — Почему ты просто не можешь пережить это и двигаться дальше? Он причинил тебе боль. Она ранила тебя. Как ты этого не понимаешь? — Он закатил рукава, обнажая шрамы. Я насторожилась. Он, действительно, прошел через нечто ужасное. Но что?

— Ты отдала ему свое сердце..., - голос Патрика погрузнел. — Ты отдала ему свое милое, забавное, прекрасное сердце... а он разбил его. Тогда почему же ты позволяешь ему делать это снова и снова?

Ответ был один. Он был прост, но другого у меня не было.

— Потому что я любила его, — ответила я, злые слезы заскользили по щекам. — А он

любил меня. Знаю, что любил. Знаю. — Вдалеке прогремел раскат грома, и начал подниматься ветер. Я не шелохнулась.

— Любовь? — усмехнулся он. — Думаешь, это была любовь?

— Если тебе самому когда-нибудь приходилось любить, — произнесла я, — тогда ты бы знал, какого это потерять частичку своей души. — Я замолчала. — Потерять их обоих.

Взгляд Патрика потемнел, такого я еще никогда не видела.

— Ангел, — прошептал он. — Не говори того, чего сама не понимаешь.

Это все, что я могла выдержать. Я ощутила, как мелкие язычки пламени появляются на кончиках пальцев, спине и груди. Я ощутила жгучую боль.

— Отвали от меня, — бросила я. — Держись от меня подальше.

Он не удосужился произнести ответ вслух.

Как пожелаешь.

А потом он исчез.

Глава 28

Не мечтай, все кончено

Я уже дошла до Карбилло Драйв, когда поняла, что просто иду к себе домой. Ссора с Патриком встревожила меня и выбила из колеи, поэтому я даже не потрудилась читать названия улиц, пока не подняла взгляд и не увидела папин БМВ на нашей подъездной дорожке, всего в паре кварталов от меня. Пока я шла, я поддевала ногами гравий.

Я права. Я права, а Патрик ошибался. Какого черта он знает? Ему никогда не приходилось проходить через нечто подобное.

Я достала телефон Сейди из кармана. Она легко отделалась, но мир еще узнает, что у меня припрятана пара козырей в рукаве, спасибо тебе большое. Я нажала пару кнопок и через несколько секунд открыла ее страничку на Фейсбуке.

Положи обратно, вообразила я, как бы меня отчитывал Патрик. Даже не думай об этом, Сырная Косичка.

Я прогнала его из своей головы, как назойливого комара и стала возиться с профилем Сейди. Она не обновляла статус почти месяц, что казалось для нее из ряда вон выходящим. Я кликнула по сообщениям, пытаюсь увидеть что-либо достойное шпионажа, но была шокирована, обнаружив ящик входящих сообщений пустым. Верится с трудом, особенно, когда у девушки больше тысячи друзей. Должно быть, она уничтожила улики.

Что ты скрываешь, Сейди?

Даже спустя несколько месяцев социального молчания, у меня было ощущение, что множество людей по-прежнему интересуются Сейди Руссо.

— Нельзя заставлять ждать обожаемую публику, — сообщила я ее фотографии. Затем напечатала Самый Лучший из Когда-Либо Опубликованных Статусов.

Слухи правдивы. CP+ ДФ = навсегда

р. с. кто такая бри?

— Как говорится, дело сделано.

Я улыбнулась, вышла из сети и положила телефон обратно в карман. Миссия выполнена. Затем я направилась к нашей задней двери, с опаской бросая взгляд на дом Бреннеров с белым забором и желтыми нарциссами. Я нахмурилась, ненавидя всю эту фальш. Что если бы мистер Бреннер сейчас узнал всю правду о моем отце.

Или мама бы узнала.

Меня затошнило от одной только мысли о моем Отце и Саре Бреннер, словно вся моя жизнь была ложью. Почему мы с Джеком не могли родиться в нормальной семье, без драм? Я вздохнула.

Быть может, в следующей жизни.

На мгновение я задумалась о реинкарнации, и подумала, кем бы я хотела вернуться, если бы была такая возможность. Может, дельфином? Или коалой. Но, серьезно, кто захочет возвращаться во второй раз? В жизни столько неприятностей. Столько горя. Не нужен мне стандартный набор проблем раз за разом. Одного достаточно.

Но затем мои мысли обратились к Джейкобу, и я не смогла удержаться от мысли, кем бы он мог воплотиться.

Свиньей.

Нет, свиньи для него слишком милы. Быть может, червяком. Или крысой.

Ооо, точно, крысой.

А Сейди? Ну, это было очевидно. Она была бы змеей. Большой, скользкой, вонючей змее-крысой. Я представила как Сейди ползает на животе и громко рассмеялась, мимолетное отвлечение от реальной проблемы, которая так тревожила меня.

Я не хотела себе в этом признаваться... и не признаюсь, — я не могла отделаться от ощущения, что Патрик мог оказаться чуточку правым, когда говорил, что я зашла слишком далеко.

Я всегда прав, я представила, как он говорит.

— Ой, заткнись уже, — проворчала я. Отчаянные времена требуют отчаянных мер. По моим меркам, они оба легко отделались.

Для примера, взять хотя бы Джейкоба. Я была уверена, что он подберет хороший колледж где-нибудь, где ему не придется бегать за команду.

А что касается Сейди..., я не сомневалась, что она все же поступит в Джульярд, а после проявит себя на Бродвее, учитывая ее удивительную практику абсолютно законченной лгуни. Потому что всем известно, что вранье и актерская игра практически то же самое.

Я остановилась на краю подъездной дорожки, внезапно понимая, что у меня осталась еще одна большая проблема. Или, скорее, вопрос.

Что теперь?

Патрик оказался прав. Моя миссия здесь окончена. Я преуспела в том, чтобы дать ощутить Джейкобу вкус своего же горького лекарства. Но теперь, я не была уверена, что мне делать.

Мне теперь нужно слоняться рядом со своими друзьями и семьей, пока они не присоединятся ко мне на другой стороне? Может, мне нужно будет добровольно предоставить им свои услуги Ангела — Хранителя и приглядывать за мамой и Джеком, чтобы в их жизни все, по возможности, прошло гладко?

Честно говоря, хорошей идеей мне это не казалось, с тех самых пор как Хранительство — Без — Возможности — Сделать — Хоть Что — Либо может привести разве что к супер быстрому старению.

На мгновение, в памяти снова вспыхнул тот день, когда пару лет назад, мы с подругами нашли те очаровательные кулоны в городе. Они появились в магазине будто из воздуха, словно они ждали нас, нас одних.

Кроличья Нора.

Магазин был назван в честь норы, куда упала Алиса и попала в свою собственную Страну Чудес. Я представила себе магазин. Темный, старинный пол. Запах жасмина и ладана. Теплое уютное желтое свечение бумажных фонариков на стенах. Все детали стали незначительными, я поняла, что мой кулон на груди нагрелся. Я просунула пальцы между шеей и цепочкой, чтобы он остыл. И вот тогда — то до меня дошло.

Ее собственная Страна Чудес.

Я посмотрела на предзакатное небо. Затем на север, туда, где Сан — Франциско.

Моя кроличья нора.

То место, где я могла исчезнуть. Или, по крайней мере, осесть на дно пока не выясню, что мне делать остаток своей жизни.

Ой, смерти.

Внезапный лай и пара белых лап, опрокинули меня прямо на лужайку перед домом.

— Хамлоф!

Он прыгал возле меня и облизывал мне лицо.

— Хватит! — закричала я. — Тише, тише.

Он фыркнул и начал нарезать по двору счастливые круги, уши так и развевались у его головы. Наконец, он устал от беготни и плюхнулся рядом со мной на траву, виляя хвостом, как сумасшедший.

— Тише, малыш, тише. — Я почесала ему за ушком и пощекотала мягкий мех у него на шее, пока он не расслабился. Он положил лапу мне на грудь и одарил еще одной порцией слюнявых поцелуев.

— Полагаю, ты рад меня видеть, да? — Я села и оглядела двор. — Но что ты тут делаешь? Где мама? Где Джек?

При звуке имени моего брата, Хамлоф начал подвывать, коротким высокочастотным воем, который обычно применяется с целью растопить человеческое сердце. Он подскочил и затрусил к двери. Затем обернулся и гавкнул, позвав меня с собой.

— Извини, милый. — Я покачала головой. — Ты же не хуже меня знаешь, что я не могу туда войти.

Он чихнул.

— Расскажи мне об этом.

Он прыгнул ко мне и начал кататься по траве, звуками напоминая больше гиену, чем собаку. Я направилась к дому и заглянула в окно.

В доме словно ураган прошелся. На кухне были навалены тарелки. Журналы и газеты были разбросаны. Света не было, но я заметила несколько упаковок китайской еды на стойке.

— Ого, — произнесла я, глядя на Хэма. — Что произошло? — Быть того не может, чтобы мама оставила дом в таком беспорядке. Ни за что. Я побежала к гаражу и заглянула в маленькое круглое окошечко. Маминой машины не было.

Судя по солнечному свету, приближалось время обеда, и она уже должна была быть дома к этому моменту. Я проверила еще раз, на случай, если глаза решили сыграть со мной злую шутку.

Субару не было.

Я заволновалась. Если мамы здесь не было, то и Джека тоже. Я проверила мысленный список возможностей. Может, они поехали навестить моих бабушку с дедушкой в Ванкувере. Может, поехали в гости к дяде с тетей в Портленд. Но еще ведь не весенние каникулы, да? А если нет, то почему они не взяли с собой Хамлофа? Мы всегда брали Хамлофа на весенние каникулы. Всегда.

Хамлоф снова гавкнул и присел неподалеку, наблюдая за мной.

— Где мама? — снова просила я его. — Где Джек? — Снова при звуке имени Джека, он начал лаять.

— Ладно, ладно! — я закрыла уши ладонями. — Плохая тема, поняла!

Он лег и сложил голову на лапы. Его глаза сказали мне о том, чего я не хотела услышать.

Уехали. Они уехали.

— Она знает, — прошептала я. — Мама поймала его с поличным.

Я бросила взгляд на дом. Во всем виноват Отец. Он один разрушил нашу семью. По его вине уехали Мама и Джек. Он чудовище, которое разрушило все, что у нас было.

И я никогда не прощу его за это.

Мои глаза наткнулись на камень неподалеку. Не большой, но и не маленький. Хамлоф проследил за мной взглядом и решил, что это палка или теннисный мячик, но я отогнала его.

— Брось! Это не игрушка!

Он отбежал, но я могла поспорить, что он по-прежнему считал, будто мы играем.

Фокус. Контроль.

Я ощутила, как мои пальцы сомкнулись вокруг холодной, гладкой поверхности. Медленно, я приказала себе успокоиться. Держись. Я подумала о самом простом, на что только была способна.

Возьми.

И внезапно, у меня получилось.

Мгновение я подержала его в своей руке. Ощутила его гладкую поверхность и небольшие шороховатости, при этом удивляясь, как нечто маленькое может быть таким тяжелым. Затем я замахнулась и бросила камень прямо в наш дом. Мир, казалось, замер, когда он пролетел и попал в большое окно. Я слышала звук бьющегося стекла, прежде чем увидела, как окно разбилось и осколки падают на стол.

Изнутри донесся испуганный голос отца.

— Какого черта? Эй! Кто там?

Последнее, чего я хотела, так это увидеть его. В моей памяти он должен остаться чудовищем. Если он будет выглядеть как папа..., которого я помнила и любила..., я не была уверена, что мне хватит силы убежать. Я обежала вокруг дома, так быстро, насколько мне позволили это мои мертвые ноги.

— Ненавижу тебя! — закричала я. — Ненавижу!

Я бежала, пока в мои балетки не набился песок, и я не ощутила прохладный ветерок, ерошивший волосы, только тогда я позволила себе остановиться и передохнуть. Я опустилась на колени на пляже и закрыла ладонями лицо, когда побежали слезы. Зажмурив глаза, я снова ощутила, как мир давит на меня, снова и снова. На этот раз, я была по-настоящему совсем, совсем одна.

Мама и Джек уехали. Мой отец — чудовище. Наша семья умерла.

Но затем я слышала чих. Я ощутила теплый, мокрый нос уткнулся мне в щеку. А когда я открыла глаза, я поняла, что я не одна.

Не совсем.

Потому что Хамлоф последовал за мной.

Глава 29

В руках ангела

— Тебе нельзя оставаться здесь, глупая ты собака, — напустилась я на него, когда солнце начало садиться. — Ты должен вернуться назад, к Папе. Ты должен вернуться домой. — Он склонил голову набок, и я поняла, что он думал о том же самом, что и я.

Какой дом?

Он был прав. Но как вы себе это представляете? Если люди заметят собаку, которая бродит по шоссе, то рано или поздно, ее попытаются подобрать — чтобы отправить в приют или (что более вероятно) приютить у себя.

Ведь как можно поступить иначе? Он же необычайно мил.

— Тебе, скорее всего, сменили бы имя на какое-нибудь ужасное, вроде Бастера или Спарки. — Я шмыгнула носом. — Ну, уж нет.

Он взвыл, затем перекатился со спины на живот.

— Вот и я такого же мнения.

Мы пробыли там вместе довольно долго, наблюдая, как солнце уходит за горизонт и звезды появляются, одна за другой. Я рассказала Хамлофу где побывала и что видела. О Патрике, и Даме с Кроссвордами, и прыжке с моста Золотые Ворота — дважды, не меньше — и что я лучше умру еще раз, чем съем хоть кусочек пиццы.

Он положил свою мягкую, милую голову мне на колено и вздохнул, как в старые добрые времена. Я знала, что он чувствовал.

Когда Хамлоф лежал рядом со мной, было так легко притвориться обычной девушкой со своей собакой, и не думать, что мы — потерянная душа и сбжавшая бродяжка. Как бы мне хотелось, что бы в руководстве ДУ оказалась глава по перемещению собак. Наверное, не лучшая моя идея.

Я посмотрела на него и чмокнула его в нос.

— То, что нужно. Власти назовут тебя «Неопознанный Летающий Пес». — Он прижался ко мне, а я на секунду осмелилась закрыть глаза. Свет почти исчез. Было так хорошо, пришло время покоя.

Но потом, откуда ни возьмись, крошечные уколы покрыли мою кожу, щекоча руки. Моя внутренняя система безопасности пришла в состояние повышенной готовности, и я выпрямилась. Хамлоф принюхался, его хвост застучал по песку.

Стук. Стук-стук.

— Тссс. — Я огляделась, но не смогла ничего разглядеть. Мне стало страшно. Что, черт возьми, происходит во мраке рядом со мной? — Иди сюда, малыш. — Я обхватила руками Хамлофа.

Он не особо напоминал немецкую овчарку, но я надеялась, что в темноте особой разницы не будет.

— Можешь порычать немножко? — прошептала я.

Он почесал ухо и чихнул.

Оу, да, это точно всех распугает.

Передо мной вспыхнул желтый огонек, и я подпрыгнула. Я затаила дыхание и стала наблюдать, как он потух секундой позже. Но потом, еще один вспыхнул в паре дюймов от моего плеча, зависнув в воздухе.

— Что за..?

Сперва, был только один или два. Но вскоре появился еще один. А потом еще. Я с удивлением наблюдала, как в воздухе, вокруг наших голов, начали роиться крошечные мерцающие огоньки.

Светлячки.

Вскоре их уже невозможно было сосчитать. Сотни и сотни. Я никогда не видела ничего подобного. Тем более в реальной жизни. Светлячки были редкостью в Калифорнии. Даже в своих мечтах я не могла вообразить подобное. Это было восхитительно.

Нет, это было волшебно.

Мы, замороженные, наблюдали, как они медленно поплыли вдоль пляжа. Направляясь к северу. Освещая путь к Сан-Франциско.

— Это знак, — прошептала я. — Должно быть, это знак. — Я ощутила, как их нежные крылышки трепещут в воздухе, легонько касаясь прохладной цепочки на шее.

Каждый раз, когда их сияние меркло, чтобы вспыхнуть вновь, я видела следы света, мягко освещающие береговую линию. Хамлоф подпрыгнул и отряхнулся, бегая за ними у самой кромки воды.

— Подожди, малыш! Подожди меня!

Я побежала за ним, смеясь, когда босые ноги касались ледяной воды океана. Мы танцевали в сияющих искрах, следуя за ними, пока они мигрировали мерцающей линией вдоль берега.

Впервые за долгое время, в моей груди появилось давно забытое чувство.

Надежда.

Ощущение того, что кое-что до сих пор возможно.

Поэтому я неловко обхватила Хамлофа и прошептала ему на уши, чтобы он не двигался. Затем я сосредоточилась на «Кроличьей Норе» — большое панорамное окно с тонированными синими стеклами и белые бумажные фонарики под потолком. Я представила мягкое мерцание свечей на стенах, разрисованных линиями черной краски вдоль полки с детскими книжками. Хамлоф взвыл, поэтому я прижала его к своей груди. Теперь он никуда не уйдет от меня. Я дала ему единственный совет, на какой только была способна.

— Держись Хэм. Держись крепче.

Потом нас закружило как на американских горках: песок, океан, светлячки, туман; я едва могла дышать. Я почувствовала, как ноги оторвались от земли и услышала бешеное гавканье Хамлофа, когда мы начали взмывать в воздух по направлению к Сан-Франциско.

Время замедлилось, словно в старом кино и все вокруг меня растаяло. И в этот самый момент, у меня в голове возникла одна-единственная мысль. Как бы мне хотелось, чтобы Патрик оказался здесь.

Глава 30

Калифорнийская мечта

Город был темен и полон теней. Людей не было. Не было жизни. Словно кто-то прошелся по нему гигантским пылесосом и высосал из него всю жизнь. Мы приземлились не совсем там, где я намеревалась — скорее на Рыбацкой Пристани, чем на Хейт. Но это вовсе не имело значения. Улицы были пусты. Здания заколочены. Повсюду ни единой души.

Меня словно переключило и я начала метаться по улицам, иногда поворачивая направо, иногда налево. Кособокие деревья отбрасывали на асфальт странные тени, и я поежилась, задумавшись, когда же, наконец, взойдет солнце. Но чем дальше мы шли, тем темнее становилось небо. Звезды сияли так ярко, что казалось, они горели.

В конце концов, я достала телефон Сейди, чтобы посмотреть который час, но обнаружила, что экран погас и не загорается.

— Отстойный аккумулятор. — Я выбросила телефон в ближайшую урну, куда он с лязгом приземлился.

От этого звука Хамлоф зарычал, а секунду спустя я испугалась, не попалили мы в некую извращенную версию «Рассвета Мертвецов», где в конечном итоге в живых осталась девушка и ее собака.

— Нет места лучше дома, — прошептала я, зажав уши. — Нет места лучше дома, нет места лучше дома, нетместалучшеДОМА.

Я даже стукнула каблучками балеток для пущего эффекта, вдруг поможет. Но когда я снова открыла глаза, стало очевидно, что старый трюк Дороти⁹ не сработает. Я вообразила, как Патрик закатывает глаза. Весь такой «Хорошая попытка, Сырная Косичка». Даже Хамлоф фыркнул на меня, как на идиотку.

— Ох, да? — произнесла я. — Есть идеи получше?

Мы продолжили бродить по улицам, постепенно добираясь до Ресторанчика «Коровья Долина» к северу от пляжа, где моя семья частенько приезжала полакомиться итальянской кухней. Я продолжала надеяться, что, быть может, увижу их... может, они внезапно появятся на машине Отца с опущенными окнами и заберут нас двоих домой.

Но кого я обманывала? Тут только я. Только лишь Хэм. Только полная луна да звездное небо.

Поскольку мы еще не успели уйти далеко, я решила заглянуть в Макондрай Лэйн, небольшой, скрытый от посторонних глаз переулок, который однажды был моим любимейшим местечком — весь заросший деревьями и плющом, с одним из восхитительнейших видов на залив, который только мог предложить Алькатрас. Настоящая причина, по которой я любила Макондрай Лэйн была такова — Джейкоб отвел меня туда в наше первое свидание. Первый день осени и наш первый поцелуй.

Когда мы дошли до аллеи, я позволила себе окунуться в воспоминания того дня. Я вспомнила медово-сладкий запах воздуха, и звук шелеста листьев по кирпичной дорожке. Я вспомнила, каким чудесным и теплым был тот день, да и сюрприз был совсем неожиданным. Я на самом деле нравилась Джейкобу Фишеру — пожирателю вишневого мороженого — и всего такого прочего.

В изумлении я наблюдала, как память начала проигрывать мое воспоминание передо

мною прямо в реальном времени. Мрак отступил. Повсюду начали распускаться цветы. Искры тепла стали покалывать мою кожу, и внезапно переулочек озарился светом. И вот они мы. Он и я. Или, скорее, прежняя я. Я выпучила глаза, наблюдая, как Джейкоб ведет меня в переулочек, на мне выцветшие джинсы и любимая толстовка с Патагонией, наши пальцы переплетены.

— Куда мы идем? — захихикала прежняя Я из-под повязки. — Разве мы еще не пришли?

— Увидишь, — произнес прежний Джейкоб. — Немного погода.

Хамлоф посмотрел на меня, стуча хвостом о неровную каменную мостовую. Он склонил голову набок и заскулил, не понимая, откуда взялась вторая я. Потом я поняла. Собака их видела. Мои воспоминания.

— Так ты тоже сейчас у меня в голове, а? Что ж ты за собака такая, Хамлоф? Щенок-экстрасенс?

Он в ответ лизнул мою руку. Полагаю — это «да».

— Лучше бы мне это понравилось, — рассмеялась Прежняя Я.

— Не волнуйся, — поддразнил Джейкоб. — Будешь дома к началу «Топ-Модель По — Американски»¹⁰.

Я не могла отвести глаз от девичьего лица. Она была мной. Я была ею. За исключением того, что все это было неправдой. Я помнила это воспоминание сердцем, но по какой-то причине, наблюдая за всем этим снова, я начала ощущать себя так, словно я подглядываю за чужой жизнью. Словно этот день никогда мне не принадлежал. Я помнила, как сильно меня поразил Джейкоб в тот день. Я была впечатлена уверенностью в его голосе, каким сильным и надежным он казался. Но наблюдая за ним сейчас, я увидела, как сильно он нервничал. Может, он боялся, что не понравится мне.

— Подожди здесь, — сказал он, убирая руку. Он достал из корзины для пикника синее покрывало. Я наблюдала, как он расстилает его на траве и выкладывает на нем еду из магазина.

Здесь были пять сортов сыра, не говоря уже о кроваво-красной клубнике, буханке французского хлеба и яблочном пироге на десерт.

Моем любимом.

Я увидела, как он делает глубокий вдох и медленно снимает с меня повязку.

— Ладно. Теперь можешь открыть глаза.

Прежняя Бри ахнула, как только ее глаза привыкли к свету.

— Ты все это сделал для меня?

Он опустил руку, сорвал красный цветок, и я ощутила, как в груди все сжимается, когда он передает его ей. Я знала, что за этим последует. Прежняя Бри застенчиво улыбнулась, взяла цветок и склонилась, чтобы понюхать его. Но, должно быть, она сделала слишком глубокий вдох, потому что лепестки затянуло прямо ей в нос.

Я застонала в ужасе.

— Черт. Это было нечто, — пошутил Джейкоб, как только сумел перевести дыхание от смеха. — Я уж было подумал, что ты — пылесос.

Прежняя Я покачала головой и запустила в него цветком.

— А я вообще приняла тебя за газонокосилку.

Я увидела, как в его глазах вспыхнула нежность.

— С днем рождения, Бри. — А затем они оба утонули в море поцелуев.

Я почувствовала, как на глаза навернулись слезы и отвернулась. В мгновение ока, тени появились снова, заскользив по бульжникам, словно змеи. Парень и девушка исчезли; солнце поглотил мрак.

— Глупые мальчишки, — прошептала я, ощущая себя еще более одинокой.

Хамлоф заскулил.

— Не ты, — поправилась я. — Ты единственный парень, который мне нравится.

Еще секунда и мы снова оказались одни. Бок о бок в старом переулке.

— Идем, Хэм. Давай уже выбираться отсюда.

Мы продолжили свой путь. Куда бы мы ни шли, мне казалось, что я вижу нечто, напоминающее мне о прежней жизни. Заросший плющом дом, как у тетуски в Сиэтле. Облупившиеся фрески со знаками мира, радуга или танцующие скелеты, как на постерах Грейтфул Дед у папы в гараже. Черно-белые полосатые навесы, почти в точности такие же, как обои в нашей с Джеком ванной. Словно моя память прошлась по Сан-Франциско, оставляя позади себя огромный тематический Бри-след. Мы повернули налево на Бьюлаи направо на Шрейдера. Через полквартала мы пришли.

Но, к моему удивлению, когда я огляделась, моя «Кроличья Нора» исчезла. Или, скорее, рассыпалась на кусочки. Место было совершенно разрушено. Некогда красивые фасадные окна были полностью разбиты. Дверь распахнута, наполовину снятая с петель, словно кто-то был серьезно настроен снести ее к чертям. Черные граффити, чьих символов я не узнала, покрывали кирпичи и штукатурку снаружи, а фонари, словно не зажигали очень и очень давно. Тротуар был повсюду усыпан осколками. Мне стало жутко от всей этой сцены, и я пожелала, чтобы мы снова оказались в Халф Мун Бей.

— Оставьте мне хотя бы его, чтобы я смогла дойти до финишной прямой своей вселенной, — произнесла я. Во всем этом был только один плюс, я хотя бы не поскользнулась на банане, или случайно не потеряла свою одежду..., а ведь, зная меня, такое могло случиться.

На мгновение я вспыхнула, вспомнив, как Патрик взмыл вместе со мной, оставив меня без платья. К моему счастью, первый парень, который полностью увидел меня обнаженной, умер еще в восьмидесятых.

Ладно, признаю, довольно сексуальный покойник из восьмидесятых.

— Идем, Балабол. — Я опустила на колени и обняла Хамлофа, чтобы перенести нас в Халф Мун Бей. — Тут больше не на что смотреть.

Я замерла, услышав голос за моей спиной.

— Уже уходишь?

У меня перехватило дыхание, когда я обернулась и столкнулась лицом к лицу с девушкой своего возраста. Милая, атлетично сложенная, с убийственными скулами и темно-серыми глазами. На плече красовалась темная длинная коса, а ее кожа была настолько светлой, что делала ее похожей на фарфоровую куклу. На самом деле, если бы не ожоги с левой стороны лица, я бы приняла ее за модель.

Сюрприз.

Я уставилась на нее, совершенно потрясенная. Не потому что она была прекрасна. Потому что я узнала ее.

— Привет, Бри. — Она улыбнулась, и в ее глазах вспыхнули крошечные угольки, мерцающие во тьме. — Это я — Ларкин.

Глава 31

Наслаждайся тишиной

— Ларкин? Ремзи Ларкин? — Я стукнула ее по руке в наказание за то, что она напугала меня. — Какого черта ты ЗДЕСЬ делаешь?

— Ау! — закричала она, рассмеявшись. — Боже мой, видела бы ты сейчас свое лицо. Это бесценно.

Я просто не могла в это поверить. Слишком безумно, чтобы оказаться правдой. Но нет, эта девушка определенно и вне всяких сомнений была Ларкин. Она выглядела в точности такой же, как я и запомнила ее еще в девятом классе. Ну, за исключением смерти. И ее шрамов. Я вздрогнула, вспомнив, какой ужасной была ее смерть.

Поговори с ней о погоде. Погоде в загробном мире.

Она подошла к Хамлофу.

— Кто это, бигль?

— Бассет-хаунд, — поправила я ее. — А что, ты его разве не помнишь?

Она молча разглядывала его секунд тридцать.

— Хамлоф? — Она присела на корточки и пожалала ему лапу. — Не. Может. Быть.

Судя по ее голосу, она была потрясена.

— Ты, должно быть, шутишь. Никогда раньше не видела обратного перехода.

— Обратного чего?

— Перехода. — Она почесала его за ухом, и он радостно заскулил. — Ты до сих пор дышишь, Милая Собачуля, — обратилась она к нему. — Тебя не должно быть здесь. Быть того не может!

— Ах, это, — ответила я. — Ага. Он вроде как последовал за мной.

— Типичная охотничья собака, любит побродить. Да, малыш? Да? Ну, конечно же, так и есть!

Он перекатился на спину, счастливо мотая хвостом. Потом он пукнул.

— О, Боже, Хамлоф, — простонала я. — Перестань!

Ларкин подскочила, держась за нос.

— Полегче. В чем, черт подери, его проблема?

— Извини, — извинилась я от имени Хэма. — Это означает, что ты ему нравишься.

Она рассмеялась.

— Приятно слышать.

Наблюдая за ней в туманном лунном свете, я до сих пор не могла поверить своим глазам.

— Что ты здесь делаешь? — удивилась я. — Я бродила здесь всю ночь. Думала, город пуст.

— Это мне в тебе и нравится. — Улыбнулась она. — Но настоящий вопрос в том, что здесь делаешь ты?

На мгновение я замолчала и пожалала плечами.

— Наверное, мне нужно было развеяться. Сменить обстановку.

— Не глупи. Я имею в виду, почему ты мертва? Какого черта с тобой случилось? Разве ты не была королевой команды по плаванию или чего-то в этом роде?

Я рассмеялась.

— Наверное, ты имеешь в виду, команду по дайвингу.

— Плавание, дайвинг, — она отмахнулась, — от всего этого волосы зеленеют. Так что же произошло? Что сразило непобедимую Обри Иган?

Непобедимую. Ха, вот потеха-то.

— Не знаю, — ответила я, пытаюсь подобрать нужные слова. — Полагаю, у меня возникла проблема из-за...

— Погоди, погоди, погоди, не говори, дай я угадаю! Так будет веселее. Давай, посмотрим... — Она медленно обошла вокруг меня, скрестив руки на груди. — Может... авиакатастрофа?

Я покачала головой.

— Ограбление банка?

— Не-а.

Она бросила взгляд на Хамлофа.

— Смерть от Собачьего пердежа?

— Эй! — рассмеялась я. — Не будь врединой!

— Ладно, ладно. — Захихикала она. — Просто исключаю все возможности. — Она разглядывала меня, словно детектив. — Упала с воздушного шара? Автоторожка? Проблемы с парнем?

Ее последняя догадка меня заинтересовала. Я ощутила, как меня передернуло.

— Разрыв с парнем! — объявила она. — Точно, да?

Я кивнула.

— Что-то вроде этого.

Она подняла вверх руку.

— Я клевая. Дай пять.

Я фыркнула.

— Знаю.

— Перестань, я серьезно! — сказала Ларкин. — Дай пять, подруга! Я догадалась с пяти попыток. Круто же.

— Ладно, — согласилась я. — Конечно. — Я шлепнула рукой по ее ладони.

— Да уж, это была самая отстойная «пятерка», которую я повидала на своем веку. — Она подняла руку во второй раз. — Еще разок.

Я бросила на нее недоуменный взгляд, мне стало несколько стыдно за отсутствие у себя столь примитивных навыков.

— Давай же, — сказала она. — Представь, что бьешь по его лицу.

Я фыркнула, но решила попробовать. Я представила себе его лицо. Глупую, раздражающую, лживую рожу. Я вспомнила, как он вел себя на свиданиях, и как у него дома вечно нечего было поесть после школы, а я еще как послушная девушка никогда не говорила, что у него изо рта пахнет Чесночными Доритос.

— Я ждуюуууу. — Ларкин нетерпеливо стучала ножкой.

Я вспомнила Сейди в его объятиях в то утро на пляже. Я подумала о том, как эти двое предали меня. Затем я ударила Ларкин так сильно, как только могла.

БАМ!

— Проклятье! — закричала Ларкин. Она отступила и начала дуть на кожу, пытаюсь остудить ладонь. — Ладно. Вот теперь «пять» что надо.

Я усмехнулась и не удержалась от мысли, что Патрик должен это видеть.

— Спасибо.

Отшвырнув ногой осколки стекла, она села прямо на тротуар в нескольких футах от меня.

— Итак. Все так плохо, да? — Она порылась в кармане и вытащила пачку сигарет.

— Ага. — Кивнула я. — Плохо.

Она протянула мне пачку.

— Хочешь?

— Нет, спасибо. Я в порядке.

— Решай сама. — По щелчку пальца из ее кулака возник огонек, не ярче, чем необходимо.

Вау. Должно быть, эту главу в ДУ я пропустила.

На мгновение я засмотрелась. Сияние пламени отбрасывало на лицо Ларкин жуткие тени, освещая ее ожоги. Я невольно вспомнила шрам Патрика. То, как он пожал плечами.

— *Разбился на мотоцикле, — сказал он тогда. — Ничего особенного.*

От одного воспоминания о его голосе, меня затошнило, и я ощутила себя виноватой за все то, что сказала ему. Даже хуже. Я ощутила себя эгоисткой.

Мы молча сидели вместе, пока сигарета не обратилась в ничто. Я поняла, что мне нечего ей сказать, в последний раз мы разговаривали в классе в пятом.

— Как-то раз я влюбилась, — призналась Ларкин. — Бедный парень даже не подозревал о моем существовании. — Она хихикнула и провела по шраму на своем лице. — То есть, не то чтобы я сама просуществовала так уж долго. — Она подмигнула мне. — Ну, ладно. Пошел он.

Трудно было поверить, что кто-то вроде Ларкин, похожей на модель... с ожогами или без, могла влюбиться в кого-либо. Конечно, она всегда была отчасти одиночкой, но у меня в голове не укладывалось, что у Ремзи Ларкин могли быть проблемы с парнями. Или, как знать, подумала я. В горе и радости все равны.

— Кто это был? — просила я, желая узнать больше. — Кем был этот парень?

— Обещаешь, что не засмеешься?

— Обещаю.

Она одарила меня застенчивой улыбкой.

— Доктор О'Нил.

У меня отвисла челюсть.

— Учитель химии?

— Знаю! — простонала она. — Брось. Он сексуальный! — Тут я с ней не могла поспорить. Я знала множество девушек, который считали также. Сейди входила в их число.

Мы говорили и говорили, и, казалось, этому не будет конца. Я рассказала ей о «Куске» и ссоре с Патриком. Я рассказала ей о своем страхе разбиться на мотоцикле, и о связи Отца и Миссис Бреннер. Я даже рассказала ей о своем глупом разбитом сердце и о еще более глупом парне, что разбил его. Про его уродскую прическу, тупую улыбку, дурацкий скейтборд, команду бегунов... и его идиотскую одержимость «Властелином Колец».

— Ну, не знаю, — произнесла она. — Этот Джейкоб похоже тот еще Бильбо Бэггинс. Должна признать, без него тебе куда лучше.

Я ощутила, как у меня с души, словно камень упал. Правда, настолько хорошо я себя почувствовала. Я медленно выдохнула, ощущая себя, наконец, совершенно свободной, когда запах пляжа, прибоя и солнечного рассвета заполнил мои легкие.

Ох, наконец-то, день.

Я бросила взгляд на небо, но удивилась, когда не увидела ни крупинки золотого, голубого, или даже лилового над горизонтом. Лишь бесконечная, бездонная тьма.

— Не старайся понапрасну, — сказала Ларкин. — Солнце перестало светить тут лет стс назад. — Она поднялась и отряхнулась. — Эй, — она рассмеялась. — Зато у нас не будет рака кожи.

— Хороший аргумент, — согласилась я, поднимаясь следом за ней. Прежде чем я успела сообразить, она загребла меня в свои большие медвежьи объятия.

— Бри, я так рада, что ты здесь. — Она бросила взгляд на Хамлофа, который миролюбиво обнюхивал тротуар вдоль улицы. На мгновение, мне показались, что ее глаза сверкнули во мраке. — Мы обе.

Глава 32

Как молитва

Всякий раз, когда люди говорят о смерти, все постоянно закикливаются на том, что в последний раз промелькнет перед глазами. Последняя мысль. Последнее воспоминание. Последнее ощущение, или поцелуй, или ссора, или песня по радио — предположительно, та ПОСЛЕДНЯЯ вещь, которая заключит всю твою жизнь в одно мгновение, окутанной большой слепящей вспышкой.

Но со Светом в Конце Туннеля не все так просто. Его не существует. Не-а. На самом деле, все гораздо проще.

Шаг первый: Ты здесь.

Шаг второй: Тебя нет.

Свет потухнет навечно. Жуткая мысль, я знаю. Поверьте мне, я привыкла бояться темноты.

Но больше я не боюсь.

Особенно после того, как Ларкин показала мне, какого это отпускать что-либо. Чтобы освободиться. Так сказать, пожить для самой себя. В Год Парня, Которого Я Предпочту Не Упомянуть, я часами подпевала глупым любовным песенкам снова и снова, позволяя себе потеряться в музыке и текстах, словно они написаны специально для нас. Но Ларкин показала мне, как избавиться от старой музыки. Она помогла мне создать совершенно новый плей-лист. Куда лучше прежнего.

Поверить не могу, сколько времени я потеряла в «Куске». Все в том месте концентрировалось на прошлом. Каждое воспоминание я раз за разом проигрывала у себя в голове, начиная с того, о чем я мечтала, и заканчивая желаниями, которые удалось воплотить в реальность. Здесь все было иначе. В этой части рая, не было ни забот, ни переживаний о тех, кто существовал теперь в иной реальности.

Солнце не вставало и не заходило, поэтому не было ни завтра, ни вчера. Реальный Мир был совершенно с глаз долой, из сердца вон. Больше никаких забот о прошлом. Никаких укромных местечек. Впервые за все время я была свободна. И город стал нашей игровой площадкой.

Немного погода, я стала ощущать себя как дома. Ларкин и я возложили на Хамлофа ответственность добывать по запаху нам еду. Один гав означал нечто вполне съедобное; два — значит, не совсем. Признаю, в «Куске» я вконец испортилась со всеми этими бесконечными пиццами, и мне потребовалось немало времени, чтобы, наконец, приспособиться выискивать здесь что-то съестное. Но Ларкин научила меня, если есть терпение...и живот, то этого более чем достаточно. Система была несовершенна, но нам троим это удавалось. Все что я знала — мне нравилась энергетика этого места, полная луна освещала нас волшебный маленький мирок. Я словно снова обрела дом, и неважно, где он был. Даже сейчас, я время от времени хотела поделиться этим с Патриком.

Патрик? Ты здесь?

Нет ответа. Связь пропала. В один прекрасный миг я просто перестала звать его.

Мы втроем спали в парках и кабинах брошенных машин, на крышах и даже в Президио — Дворце Изящных Искусств, растянувшись на полу, как у себя дома, что, практически, было правдой. Мы носились по улицам на бешеных скоростях, разбивали окна в Кастро и

перевернули все баки вверх дном в Парке Долорес.

Ларкин оказалась лучшей на свете слушательницей. Она всегда хотела услышать побольше о моей истории и все те варианты того, как я представляла себе свое будущее. Она никогда не перебивала и не сводила с меня глаз, пока я говорила. Иногда она смеялась, а иногда плакала; порой она просто позволяла мне опустить голову ей на колени. Она стала мне старшей сестрой, которой у меня никогда не было. Гладила меня по волосам, пока я не засыпала.

Когда же я, наконец, уставала рассказывать о себе, она начинала потихоньку открываться мне..., особенно о тех годах жизни, когда мы прекратили общаться. Она рассказала, что на самом деле она так ни с кем и не сблизилась из ребят со школы и что она вступила в клуб фотографов только потому, что уютно ощущала себя за объективом камеры. Она говорила, что так она по своему мстила всем тем придуркам, которые осуждали ее за то, что она не такая как они. Потом, она рассказала мне, какой безобразной она считала себя после пожара, а после очнулась здесь, сгорая от стыда за свой внешний вид и совершенно отчаявшаяся найти место, где никто бы не пялился на нее.

Она рассказала мне, как после месяцев скитаний, этот город позвал ее и она услышала. Она рассказала, что быть потерянным в этом городе вполне нормально. Психом, кстати, тоже быть неплохо. Мы сошлись на том, что два психа лучше, чем один.

Какими бы усталыми мы себя не ощущали, мы находили в себе силы прыгать с высочайшего небоскреба в городе — Трансамерика, и при этом соревноваться в том, кто быстрее упадет. Мы начинали бегать наперегонки друг с другом через сорок восемь лестничных пролетов, через ресторан и сувенирный магазин, по извилистым коридорам с уродливыми обоями и ковром. После, мы выбегали на старую, заброшенную смотровую площадку и перед нами открывался вид на Сан-Франциско.

— Знаешь что? — в одну из ночей сказала Ларкин, болтая ногами над пропастью на одном из заброшенных небоскребов города. Она расплела косы и начала заплетать их в одну большую косу. — Думаю, я так долго была одна, что забыла, как хорошо иметь сообщника. — Она усмехнулась мне. — Обожаю нас. Мы — самое лучшее, что есть на свете.

Лучшие, подумала я. *Бри, Эмма, Сейди, Тесса* (анг. BEST — первые буквы имен девушек.)

Я дотронулась до своего милого кулона, меж пальцев разлилось тепло, когда в памяти возникли три образа. Мои девчонки. Я так и не сказала Ларкин в тот момент, что многое бы отдала за то, чтобы вернуть все, как и было.

— Я тоже обожаю нас с тобой, — ответила я, выбрасывая подруг из головы. Ни к чему сейчас ворошить прошлое.

— Кстати, клевый кулончик, — сказала Ларкин. — Давно хотела тебе сказать.

— Спасибо, — ответила я. Впервые за долгое время, я заметила крошечную татуировку у нее на левом плече. Маленький круг с буквой X внутри. Она не была похожа на обычные татушки. Ее словно высекли каким-то лезвием. Символ показался мне знакомым, но я не была уверена, почему именно.

— Откуда у тебя татушка? — спросила я.

Она бросила взгляд на плечо и ее дымчатые волосы волнами упали вниз.

— Ах, эта? Глупая ошибка, совершенная весной в десятом классе. Мы компанией поехали в Канкун и улизнули, когда родители спали. Один парень, Джастин Ченс сделал

себе татушку, и взял меня на слабо. Наверное, мне больше всех надо. — Она закатила глаза. — Подростки, что с них возьмешь.

Я снова окинула взором горизонт. Внезапно, тень в бухте привлекла мое внимание.

— Что это? — Глаза остановились на маленьком заброшенном островке, неподалеку от Алькатраса и Саусалито (маленького приморского городка, в котором продавали лучший, на мой взгляд, плавленый сыр). Место выглядело диким. Ничего кроме леса и пляжа, насколько мне было видно отсюда.

— Остров Ангелов, — ответила Ларкин. — Слышала о таком когда-нибудь?

Я порыскала по закоулкам памяти, но ничего не нашла.

— Не-а.

— Ну, это не особенно приятное местечко. Думаешь, этот городок стремный? На О. А. уходят те, кому уже нечего терять. Мертвые уходят туда умирать.

От ее слов у меня по коже пробежали мурашки.

Мертвые уходят туда умирать?

На мгновение, мне показалось, что я услышала шепчущий мне голос... еле слышный и легкий, словно перышко.

Будь осторожна, Ангел.

Неужели мне просто показалось? Я нахмурилась, отвыкшая от постороннего ощущения у меня в голове.

Теперь будь очень осторожна.

Ларкин схватила меня за руку, и голос растворился, словно дым.

— Пообещай, что останешься со мной, Бри. С тех пор, как ты появилась здесь, все стало намного лучше. — Она поднялась на ноги и распростерла руки в стороны, не смотря на безумный пейзаж, окружающий нас. — Что, черт, подери, может быть лучше всего этого?

Она была права. Я подумала о том, что стала гораздо счастливей, после того как попала сюда. Я была так рада, что нашла ее. И, наконец, обрела новый дом.

— Ничего, — ответила я ей. — Ничто не может быть лучше. Обещаю, я останусь с тобой. — И я была серьезно намерена.

Она подняла меня на ноги так, что мы оказались рядом.

— Наперегонки до самого низа.

Я усмехнулась.

— Хочешь бросить вызов королеве дайвинга?

— Детка, — она приняла вызов, — я тебя сделаю.

После этого, мы досчитали до трех, и бросились к краю здания, смеясь, когда ветер заревел вокруг нас, пока мы падали вниз.

Несколько дней спустя..., впрочем, настоящего восхода солнца у нас все равно не было, поэтому измерять дни было сложно; мы тусовались в одном из наших любимых значных мест: игровая площадка в Парке Сержанта Джона Маклея, на углу О`Фарелла и Ларкин Стрит.

— Это самая красивая улица Сан-Франциско, не правда ли? — произнесла Ларкин, повиснув на турнике кверху ногами.

Я фыркнула с качелей.

— Самовлюбленный нарцисс. — Я оттолкнулась одной ногой и теперь раскачивалась взад-вперед на жестких металлических цепочках. Однажды я даже закрыла глаза,

представляя, что лечу в вечернем прохладном воздухе, а повсюду продают разные вкусности. Где-то на заднем плане, я слышала, как Хамлоф роется в песке.

Мы угробили кучу часов, играя в самую любимую на свете игру Ларкин «Правда или вызов». Не так давно, она бросила мне вызов скатиться по Ломбард Стрит в мусорном бачке, а я бросила ей вызов нырнуть с причала. Теперь мы снова вернулись ко мне.

Моя очередь.

— Правда или вызов? — спросила Ларкин. — И лучше бы тебе ответить «вызов».

Я покачала головой.

— Ни за что. Я слишком измотана той дурацкой выходкой с мусорным баком. Поэтому выберу... правду!

— Серьезно? — простионала она. — Боже мой, ты такая скучная.

Я улыбнулась.

— Только оттого, что ты задаешь скучные вопросы.

Ларкин замолчала на мгновение, а я начала думать, над чем так усердно заработали шестеренки в ее голове. Фантазия у нее была хоть куда. Скорее всего, я огребу по полной.

— Ну? — подначивала ее я. — Покажи мне свой лучший удар, Ремзи.

Она сделала кувырок на турнике и приземлилась на песок, рядом с качелями. Она подошла ко мне и уселась на свободные качели.

— Если бы у тебя появилась возможность вернуться к своей прежней жизни, — наконец, произнесла она, — на один-единственный день... — Ее серые глаза встретились с моими. — Ты бы его прожила?

А?

Поначалу, ее ответ показался обыденным. Но когда я открыла рот, чтобы ответить, к моему удивлению, я не смогла вымолвить ни слова. Вместо этого, я начала плакать. Она с опаской наблюдала за мной, но ничего не говорила.

Я утерла нос тыльной стороной руки, обиженная собственной инфантильностью.

— Наверное. То есть, а ты?

Она грустно мне улыбнулась.

— На самом деле, я уже испытала нечто подобное.

Сквозь меня прошел мощный электро-разряд.

— Что ты имеешь в виду, уже испытала? — я спрыгнула с качелей, рассердившись. — О чем ты говоришь?

Она молча разглядывала меня, не говоря ни слова. Под бледным ликом луны, я вдруг представила, как ее ожоги оживают. Представила, как плоть извивается и сморщивается, изъеденная огненными змейками.

Я сделала шаг назад. Но ведь это всего лишь Ларкин. Я не боюсь Ларкин.

— Послушай, Бри. — Ее голос успокаивал, а взгляд серьезных глаз был прикован ко мне. — Я слушала твои истории. И дураку понятно, что у тебя остались незаконченные дела. Вопрос в том, позволишь ли ты мне помочь тебе? Что если я смогла бы дать тебе целый день, чтобы попрощаться... будучи живой и полной сил?

Голову заполонили вопросы. Я покачала головой, ощущая, как эмоции захлестывают меня.

Гнев.

Смятение.

Восторг.

Страх.

— Не понимаю, — произнесла я, пытаюсь сохранить спокойствие. — Это невозможно.

— А что если так и есть?

Я с трудом ответила на ее взгляд.

— Но это не так.

Она улыбнулась.

— Никогда не говори никогда.

В памяти вспыхнули слова Патрика. *Никогда не говори никогда, Ангел.*

— Стоп, — произнесла я. — Это не смешно.

— А кто сказал, что я шучу? — она потянулась и взяла меня за руку. — Не волнуйся. Мы не будем говорить об этом прямо сейчас. Быть может, ты еще не готова...

— Как, — перебила я. — Как ты это сделала? Как ты вернулась?

Она отступила и небрежно сделала колесо.

— Смысл не в том как, а сколько.

— Ч-что ты имеешь в виду? Сколько чего?

Ларкин отряхнула руки и пожала плечами.

— Ты знаешь. Сколько ты готова заплатить за это.

— Заплатить? Кому заплатить? Как я смогу получить то, чего так все жаждут?

Здесь что-то не складывалось. Что-то не вязалось с общей картиной.

— Как на счет твоего кулона? — обыденным тоном спросила Ларкин. — Ты бы обменяла его? Я могла бы устроить так, что ты переживешь заново любой день, какой только пожелаешь, может день рождения Джека на вечеринке у Джуди? Или обычный пятничный вечер с Эммой и Тессой, или Джеком за просмотром «В поисках Немо».... выбор за тобой.

Я приложила ладонь к груди.

Мой кулон? Зачем ей нужен мой кулон?

— В любом случае, мне он больше подойдет, — хихикая, произнесла она. — Боже, это даже не твой цвет. — Тон ее голоса стал действовать мне на нервы. Он был слишком уж слащавым, словно обмакиваешь арахисовый батончик в ванильную глазурь. Один укус и вкусовые рецепторы взорвутся. — Оу, — глаза Ларкин широко распахнулись, словно у мультяшного лесного зверька. Крольчонка, быть может. Или олененка.

Бог мой, да она вылитая Бемби, подумала я, мгновенно отвлекаясь. *Ее диснеевский персонаж определенно Бемби.*

— Или как на счет танцевального вечера? Неплохо, а? Ты бы смогла отшить Джейкоба прямо на танцполе и послать его ко всем чертям!

Она довела меня. Мне не хотелось, чтобы она говорила о всех моих лучших моментах жизни, словно она имела право ими распоряжаться, будто она знала меня лучше меня самой. Это была моя жизнь. А не ЕЕ.

— Я уже возвращалась назад, — огрызнулась я.

Ее оленьи глаза засияли.

— Не так, не по — настоящему.

Мир ушел из-под ног. Равновесие пошатнулось, или, быть может, пошатнуть его собиралась как раз я сама.

— Прекрати, — произнесла я. — Больше никаких игр.

— Это не игра, Бри. Мы можем заключить сделку, прямо здесь, прямо сейчас. — Улыбнулась она. — Это легче, чем ты можешь себе представить. Оторвешься дома,

вернешься, и мы будем тусить целую вечность. Только ты и я. Что думаешь?

О чем я только думала? В голове все смешалось.

— Прожить целый день? — прошептала я. — Любой, какой пожелаю? — Тело задрожало от воспоминаний о доме... скучных повседневных воспоминаний, какие я только могла припомнить. Подруги подпевают Леди Гаге по дороге в школу. Мама готовит оладьи на мой день рождения, пока Папа поет ей песни Боба Дилана. Звук смеха Джека, когда мы играем в догонялки во время летнего отдыха. Возбуждающие поцелуи Джейкоба.

— Ты серьезно? — прошептала я. — Я, правда, смогу вернуться назад? В чем подвох?

— Ну..., - хихикнула Ларкин, указывая на мой кулон. — Это всего лишь безделушка. — Она сделала еще одно колесо. — Это довольно хорошая сделка, если ты хорошенько призадумаешься.

Я подняла руку и легонько прикоснулась к тонкой цепочке на шее. Чуть выше я нащупала маленькую металлическую застежку, где-то под волосами. Но когда я попыталась снять ее, по коже пробежали язычки пламени. В уголках глаз припекло. В одно мгновение передо мной промелькнуло еще одно воспоминание.

А когда я подняла глаза, город исчез.

Глава 33

Должно быть, ты моя счастливая звезда

Стекло было кристально чистым и гладким, когда я провела по нему пальцем, медленно и робко.

Он любит меня. Он меня не любит. Не любит. Не любит.

— Прошу, не трогайте экран, дорогая, — произнесла женщина из-за прилавка, волосы стянуты в хвост. — Его только что почистили.

Я отвлеклась от своих розово-сопливых мыслей.

— Ой. Извините.

В дальнем углу комнаты я услышала приглушенный смешок. Ощувив, как лицо заливается краской, я шмыгнула к Эмме с Тессой, которые стояли у антикварной шляпной вешалки.

— Огромное спасибо, — произнесла я.

У Тессы в руках была пара больших черных солнечных очков.

— Ну?

— Мне нравится, — сказала Эмма. — В стиле Одри. Полностью поддерживаю эту покупку.

— ОМГ, девчонки, «Кроличья Нора» — лучшая! — Сейди выскочила из примерочной в темно-фиолетовом платье без бретелек. — С этого дня, и впредь приходим сюда каждые выходные. — Она водрузила очки Тессы себе на макушку.

— Эй! — возмутилась Тесса. — Не выдумывай, Сейди.

— Оуу. — Сейди приняла позу перед ближайшим зеркалом. — Они мне очень идут.

— Что?! — воскликнула Тесса. — Ни за что, ты в них похожа на кузнечика. У тебя для них слишком маленькое лицо. — Она нетерпеливо топнула ножкой. — Отдавай.

Сейди рассмеялась, передавая ей их.

— Ладно, ладно, ладно. Но когда буду произносить речь на вручении Оскара, про тебя ни слова не скажу.

— Я еще попытаю удачи. — Тесса забрала солнечные очки обратно.

— Оой, девочки, идите сюда! — Эмма подозвала нас к маленькой витрине в углу, где стояла небольшая резная музыкальная шкатулка из черного дерева, со всех сторон она была вручную расписана ромашками.

— Какая прелесть! — подбежала Сейди, все еще в платье.

— Взгляните, что я нашла внутри. — Эмма вскинула подбородок. Вокруг шеи красовалась тонкая серебряная цепочка с крошечной колибри посередине.

— Эмс, она идеальна! — я склонилась, чтобы получше разглядеть.

— Правда? — она улыбнулась. — Посмотрите, тут еще есть. — Она открыла шкатулку, и все мы заглянули внутрь, захваченные миксом из серебра и золота.

Очаровательные кулоны. Так и сияют. Все тут же начали примерять их.

— Девчонки, как вам? — произнесла Тесса. Она потянулась и осторожно достала цепочку с крошечной медной подвеской в форме русалки, которая был в точности того же цвета, что и ее волосы. — Однозначно, я ее беру. — Она передала ее мне. — Помоги надеть, пожалуйста.

Я расстегнула замочек и надела цепочку ей на шею. Длина цепочки была то, что надо:

не слишком длинная, не слишком короткая.

— Идеально. — Тесса просияла, и стала еще больше походить на Ариэль.

Протиснулась Сейди, отбросив длинный темный локон с лица.

— Я следующая. — Минуты две она провела, ковыряясь в кулонах, при этом выглядя совершенно разочарованной. — Ой, девчат, мне тут ничего не нравится.

— Что на счет этой? — я потянулась и достала золотую цепочку с симпатичной, едва заметной звездой.

— Бри! — Сейди обняла меня. — Она идеальна. Обожаю ее! — Она снова покопалась в шкатулке. — Что на счет вот этой для тебя? — Она подняла цепочку из шкатулки повыше, чтобы я ее разглядела. Кулон сверкнул в ее ладони, и я взяла его, увидев, на что похожа подвеска, которую она выбрала для меня.

Сердце.

Сейди обошла меня и, отодвинув волосы со спины, помогла застегнуть цепочку. После она обвила меня одной рукой и чмокнула в щеку.

— Просто прелесть!

— Эй, у меня идея! — произнесла Тесса. — Давайте всегда будем их носить. И не снимать, не смотря ни на что.

— Ох, ладно. — Сейди драматично вздохнула. — Вставлю тебя обратно в речь на вручении Оскара.

На мгновение мы все посмотрели друг на друга, а после разразились смехом.

— Всегда, — повторила я.

— Навечно. — Сейди посмотрела на меня. Ее карие глаза засияли, и я увидела, как сильно она меня любит.

Ох, Сейди. Я так сильно по тебе скучаю.

Внезапно, я ощутила прохладное прикосновение к руке. Я ощутила солоновато — кислую смесь запахов загрязненного города, и образ магазинчика растаял, а парк Маклея вместе с игровой площадкой появился перед глазами.

Ларкин стояла аккуратно напротив меня, вытянув руку.

— Привеет? Земля вызывает Бри..

Чувство возникло в районе живота.

Нет. Я не отдам ей его.

— Вот. — Она сунула руку в задний карман джинсов и выудила ржавый перочинный ножик.

Откуда он у нее?

Она шагнула ко мне.

— Давай помогу его снять.

Хамлоф, должно быть, снова прочел мои мысли, потому что начал рычал с дальнего края игровой площадки, утробно и низко. Я с опаской наблюдала за Ларкин.

— Зачем тебе для этого карманный нож?

— Да не бойся ты, — произнесла она. — Больно не будет. Ты отправишься туда, куда пожелаешь; а я получу то, что хочу. А потом..., - она сально улыбнулась, — мы станем лучшими подругами навеки.

Ладно, все намеки стали слишком уж буквальными. Внезапно, я ощутила, что схожу с ума.

— Послушай, — произнесла я, отстраняясь. — Не думаю, что готова... — Прежде чем я

поняла, что происходит, у меня бесконтрольно подогнулись колени. Я ощутила, как опускаюсь перед ней на колени, словно жертвенный агнец на заклание.

Что?!

Я наблюдала за тем, как блеснуло лезвие перочинного ножа, и она направилась ко мне.

Секунду. О какой, черт подери, сделке идет речь?

Я обычная девчонка. Девушка из дыма, пыли и увядших воспоминаний. Чего еще она хочет от меня?

Спасение, услышала я, как мне показалось, шепот Патрика. Ей нужно твое вечное спасение души.

— Мое вечное ЧТО? — Меня прошиб ледяной пот.

— Я просто перережу цепочку, и ты окажешься дома, — Ларкин потянулась лезвием к моей шее. — Просто, как нажать кнопку фотокамеры. Скажи «сыр».

Я ощутила, как мой несуществующий пульс ускорился, в то время как я попыталась понять, о чем она толкует. Она говорит правду или нет?

— Домой? — переспросила я. — Ты серьезно?

Она кивнула.

— Правда.

Дрожа, я потянулась к замочку, даже когда мое крошечное золотое сердечко начало обугливаться и тлеть на моей коже. На этот раз, жгло сильнее, и я закричала, когда боль усилилась. Внезапно, я разволновалась, успею ли я снять цепочку, прежде чем кулон прожжет дыру на моей коже. Но когда я заглянула Ларкин в глаза, я увидела такое, что напугало меня еще сильнее. Ее взгляд стал холодным. *Пустым.* Огонь в нем погас.

Беги, Бри. Убегай, ПРЯМО СЕЙЧАС.

Воображаемый был голос или нет, выяснять я не собиралась. Поэтому подозвала Хамлофа. Вскочив на ноги, я побежала.

Глава 34

Умереть рядом с тобой — райский способ умереть

Мы приземлились на заднем дворе Джейкоба и тут же улетели в кусты, ком из девушки-призрака и собаки.

— Фуу, — произнесла я, выплевывая полный рот листьев. — Кажется, я сломала себе зад.

Говоря о задницах — задница Хамлофа оказалась на моем лице.

— Ой, фууу, Хэм, слезь! — Он поднялся на ноги, отряхиваясь и брэнча ошейником. — Для подобных фокусов я становлюсь слишком старой, — простонала я, поднимаясь на ноги. В спине что-то громко хрустнуло, когда я поднялась и тут же поклялась, что как только появится немного свободного времени, я попрактикуюсь в Перемещениях.

Я на цыпочках прокралась по заднему двору Фишеров и заглянула в завешанные жалюзи окна. Как только глаза привыкли к свету, я поняла, что смотрю на затылок Мистера Фишера (гигантскую лысину, если быть точной) пока они с матерью Джейкоба смотрели шоу «Американский Идол».

— Оу, он ужасен, — произнесла Миссис Фишер, комментируя какого-то чувака, который скрипучим голосом исполнял «Hooked on a Feeling».

— Не так уж и плох, по сравнению с предыдущим, — ответил Мистер Фишер, листая газету. — Ты еще раз звонила в школу?

Миссис Фишер выпрямилась и выглядела она немного усталой.

— Звонила.

— И?

— Они ничего не обещают. Тренер чувствует себя ужасно, ведь Джейкоб выйдет из строя на остаток сезона, с этим они ничего не смогут сделать. Он сказал, что они вернутся к этому вопросу летом, когда он вылечится. — Она замолчала и сделала долгий, медленный глоток чая. — Лучшее, что мы сейчас сможем сделать — это сосредоточится на поддержании его среднего бала и продолжать физиотерапию.

— Мой сын поступит в Принстон! — Мистер Фишер ударил кулаком по столу, напоминая мне тем самым, что он мне никогда не нравился. Сколько я себя помнила, у него был довольно вспыльчивый нрав, и он всегда был слишком суров по отношению к Джейкобу и Майе. Человек военной выправки: строгий, аккуратный и немного старомодный. Однажды он застал нас целующимися на диване — так я думала, у него прямо там крышу сорвет. — Этот юноша работал слишком упорно и зашел уже слишком далеко, Мэри. Будь я проклят, если одна маленькая травма встанет у него на пути.

— Понижь свой тон, — сказала она. — Ты ведь знаешь, как он расстроен. Ты же знаешь, как тяжело начался для него год, сначала Бри... — На мгновение, она замолчала. — А теперь еще и эта травма. Если мы будем давить на него слишком сильно, он может все послать к чертям.

— Только через мой труп. — Мистер Фишер отбросил газету. — Он просто будет работать еще упорнее. Бросить все еще — не выход. — Затем он вышел из комнаты.

Внезапно, меня захлестнуло чувство вины. Во что я втянула Джейкоба? Я лишь хотела устроить ему небольшую встряску. А не уничтожить всю его жизнь. Теперь я знала, как сильно я ошибалась, наказывая его. Я была неправа, когда ошивалась рядом, стащила

телефон Сейди, и подслушивала их личные разговоры. Я была неправа, презирая их.

Конечно, на то у меня были свои причины. Но я позволила гнев одержать над собой верх. Сейди была хорошей подругой... моей хорошей подругой... когда-то. А Джейкоб был замечательным парнем. Нам было всего лишь шестнадцать. Чего я вообще ожидала? Что я буду единственной, кого он полюбит за всю свою жизнь? Что однажды мы вдвоем уедем в закат?

Вся правда была в том, что я на самом деле подумывала об этом, ведь наши отношения всегда были идеальными. Несмотря на то, что мы не совсем подходили друг другу. Джейкоб был самым милым, добрым, умным и отзывчивым... Таких я никогда не встречала. Но он всегда казался мне отстраненным. Мрачным. Он был слишком требователен к себе, когда что-либо шло не по плану. Временами... ненавижу признавать это... мне даже не нравилось целоваться с ним. Конечно, у нас было пару эпичных поцелуев, но даже тогда мне казалось, будто им чего-то не хватает. Даже не смотря на то, что никогда не понимала этого.

Наблюдение за тем, как мои родители расстаются, помогло мне кое-что переосмыслить. Быть может, Джейкоб никогда и не был парнем моей мечты. И, быть может, было нечестно продолжать наказывать его за это. Если Сейди и Джейкобу удалось найти то счастье, за которым все так гоняются, кто я такая, чтобы становиться у них на пути? Может, у меня и нет волшебной палочки, чтобы исправить все, что я натворила, но я ведь могла попытаться. Кроме того, жизнь долгая, но смерть еще длиннее. Мне не хотелось закончить, как Дама с Кроссвордами — сидеть, обложившись кроссвордами в последующие миллион лет. Я знала, что нужно сделать. Пришло время помириться с Джейкобом Фишером.

Я пересекла задний двор, обошла бассейн и подошла к большой секвойе, которая росла с левой стороны дома. Я попыталась взмыть, но путешествие по городу полностью истощило мои силы, и у меня не хватило энергии, которая требовалась для перемещения. По моему мнению... и только по моему, выход был один — влезть на дерево.

Хамлоф остался внизу, с любопытством поглядывая, как я хватаюсь за ветку и пытаюсь перекинуть через нее ногу.

— Вернись через секунду, — бросила я ему. — Оставайся тут.

Он завыл, протяжно и низко. Открыв рот, словно собрался кого-то проглотить.

— Только попробуй залаять, Хамлоф Иган, — прошептала я, — тогда родители Джейкоба отправят тебя прямиком домой.

Я потянулась к следующей ветке, подтягиваясь выше. Я связалась со своей внутренней обезьянкой, которая по навыкам лазанья напоминала больше чихуахуа. Не знаю, почему, но я была уверена, что приставившись, вдруг стану экспертом по лазанью по деревьям.

— Черт, вот отстой, — проворчала я. Ленты на платье... немного потрепанные после падений с моста, плавания по заливу и непредвиденных приземлений, мгновенно зацепились за одну из ветвей. Мне удалось отцепиться, но в процессе я случайно посмотрела вниз. Хамлоф теперь казался размером с большой палец на моей ноге.

— Чем, черт подери, они поливают эту штуку? — произнесла я. — Дерево гораздо выше, чем ему положено быть. — Но пути назад уже не было. Я карабкалась все выше и выше, пока я не очутилась на уровне третьего этажа.

Я прислонилась к толстому стволу дерева, пытаясь перевести дыхание и сдуть пряди волос с глаз. Затем я сосчитала до трех, и, раскинув руки что канатоходец, медленно двинулась вперед по ветке... шаг за шагом..., прямо к окну спальни в пятнадцати футах от меня.

Не упади, не упади, НЕ упади.

Как только я добралась до конца ветки, оставалось только одно.

Прыжок.

Я сделала еще один глубокий вдох и подпрыгнула на пять футов, пока не приземлилась с громким шлепком, врезавшись лицом в плющ. Далеко внизу Хамлоф начал рычать.

— Ну-ка прекрати, — сказала я. — Не заставляй меня спускаться отсюда. — Я обвила пальцы вокруг увитого плющом окна, представляя, как Патрик смеется от одного только взгляда на меня.

Это то, что ждет тебя на другой сторонеeeeeee...., это восхождение, я почти услышала, как он говорит, что всему виной пагубное влияние Майли Сайрус.

Затем, я ощутила приступ грусти. Глупый у меня вид или нет, я правда начала случать по нему.

Я пробралась к окну Джейкоба и медленно заглянула внутрь. И практически сразу же увидела его сидящим за столом. Он сгорбился, опустив голову на книжки и тетрадки, разбросанные вокруг него.

Но когда я присмотрелась получше, я поняла кое-что еще. Он плакал.

Глава 35

Кто спасет твою душу, если ты сам не хочешь спасения

К счастью для меня, окно Джейкоба было распахнуто достаточно широко, чтобы через него можно было пробраться в комнату, не привлекая внимания.

Я оглядела комнату и увидела все то же, что и всегда. Постеры на белых стенах, голубой ковер и не заправленная кровать, призы за забеги, что он выиграл, карта мира с пометками в тех местах, где ему однажды хотелось бы побывать. Гавайи. Австралия. Великая Китайская стена.

В этот самый момент заиграла песня «Залив Полумесяца», напоминая мне о временах, когда мы гуляли по центру города. Пили молочные коктейли, слушая старые пластинки в «Музыкальной Шляпе», и наши поездки на велосипедах по Главной Улице.

Мой взгляд упал на пару костылей, стоявших у кровати, и я поморщилась. Поездки на велосипеде пока придется отложить. Не то чтобы у него остался велосипед. С ним я тоже покончила. Патрик был прав. Женщины сумасшедшие.

Джейкоб утер лицо тыльной стороной ладони и закашлялся. Я услышала, как внизу его родители снова начали орать друг на друга.

Одна большая счастливая семья.

— Привет, Джейкоб, — тихо произнесла я через всю комнату. — Я здесь. — Мне не хотелось пугать его, поэтому я постаралась держаться на приличной дистанции. Но когда раздался звук рингтона, он начал дрожать еще сильнее. Я бросила виноватый взгляд на его костыли, затем услышала, как зазвонил его телефон. Он взял его и откашлялся.

— Привет. Как дела?

Звук его голоса все еще оказывал на меня влияние, даже не смотря на то, что чувства стали меняться.

— Ничего. Не знаю. — Он замолчал, и я услышала обрывки разговора с Сейди в трубке.

— Я боялась за тебя... не за себя... ты должен все рассказать им.

— Я никому ничего не должен, — возразил Джейкоб. — Он вышвырнет меня, как ты не понимаешь? Он и так уже вывалил на меня херову тучу дерьма из-за соревнований. Никто не должен узнать, Сейди. Я не могу...

В динамике послышался ее яростный голос.

— Это нечестно. Шли их лесом. Плевать, что они думают.

— Мне не плевать! — огрызнулся Джейкоб. — Я оплошал, так ведь? Посмотри, сколько боли я уже причинил. Не нужно было рассказывать тебе, так что просто забудь. Это не твоя проблема. Ты не понимаешь.

— Джейкоб... я...

— Послушай, мне пора. — Он повесил трубку и бросил телефон на кровать.

Я совершенно запуталась. Что за проблему он имел в виду? О чем, черт подери, они разговаривали? Не могут же ребята в школе до сих пор травить его что он встречается с Сейди, или могут? Ведь почти год прошел. В ПСШ должно быть, уже нашли новый повод для сплетен. Уверена, там были и прочие скандалы помимо бывшего парня умершей

девушки. В жизни случаются вещи и похуже. Ради бога, взять хотя бы новости.

Он сделал музыку погромче, и провел рукой по волосам. Я приблизилась, прилагая все усилия, чтобы игнорировать выделяемые им наркоманские флюиды смерти.

Я подошла к нему сзади. Сосредоточила всю свою энергию. Затем, очень медленно, я опустила одну ладонь ему на плечо. Затем другую.

Джейкоб. Я здесь только ради тебя.

Он сломался и закрыл лицо руками. Одинокие всхлипы начали вырываться из него, приглушенные лишь звуками тихой музыки. Его боль была повсюду. Я ощущала ее; слышала ее запах; чувствовала, как его плечи поникли под ее натиском.

— Ш-ш-ш, — прошептала я. — Все будет хорошо. — Я провела рукой по его волосам. — Я обещаю, все будет хорошо.

Я просто не могла понять. Все эти годы, что я знала его, я никогда не видела его расстроенным.

Никогда в жизни.

Я легонько провела рукой по его спине, ощущая тепло его тела под футболкой. Затем я присела на корточки, боясь сделать вдох, и нежно прикоснулась губами к его щеке. Один поцелуй исправит все. Один поцелуй, как извинение за все, через что он прошел из-за меня. Я лишь надеялась, он почувствует это.

Мне жаль, Джейкоб.

Но когда я отодвинулась, мир остался таким же, что и прежде. Он по-прежнему горевал. А я была всего лишь бледной тенью на стене его спальни.

Он сел и вытер лицо рукавом. Затем он взял блокнот на спираль, чтобы закончить то, что начал. Я смотрела, как кончик ручки скользил по неряшливым страничкам, не тревожась за то, что слова парня смешивались со слезами. Но когда я увидела, как сильно он стиснул ручку, я пересилила себя и заглянула.

Во имя всего святого, над чем он так упорно работал? Эссе для колледжа? Контрольная? Курсовая работа?

Я склонилась над его плечом, чтобы приглядеться поближе, и поняла, что ничего из вышеперечисленного. Это было письмо. Но когда я увидела, какое именно письмо это было, комната начала вращаться перед глазами.

Я больше не могу так жить. Я больше не могу притворяться тем, кем я не являюсь. Я устал меняться. Устал быть другим... Но я такой какой есть. Вот ТАКОЙ вот я.

Я перестала читать.

Какой ты?

Мысли снова вернулись к нашему последнему в моей жизни свиданию. 4 Октября, 2010. Ночи, когда его слова разбились мне сердце. По правде говоря, я знала, что он собирается порвать со мной. Я видела в его глазах страх и печаль, когда он заехал за мной. Я просто не хотела посмотреть правде в глаза.

Не поступай со мной так, я вспомнила, как мысленно умоляла его. Не поступай так с нами. Пожалуйста.

Конечно же, в итоге он все же произнес эти слова.

Я НЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Но сидя сейчас в комнате Джейкоба, наблюдая за ним, меня осенило, что я так и не услышала причины почему. С того утра на пляже, я сделала предположение, что вместо меня он выбрал Сейди. Но что если я ошибалась во всем? Что если я совершила отвратительную,

ужасную ошибку?

Мысли помчались вскачь. Я поняла, что кроме объятия Джейкоба и Сейди тем утром на пляже, больше ничего не было. Я поняла, что видела лишь взгляды, перешептывания и смски, но ни единого поцелуя. Я осознала, что они оба начинают ломаться, связанные молчанием по рукам и ногам, пока наши друзья наказывают их за это. И все это время, я стояла во главе всей этой своры.

Я навзничь упала на кровать, когда правда накрыла меня с головой.

— Ты любил меня, — прошептала я. — Не так, как я любила тебя.

Наконец я осознала, что жизнь прошла, но разницу поняла только сейчас. Все кусочки сложились воедино. И все обрело смысл. Джейкоб не влюблялся в Сейди. Он всего лишь доверил ей Свой Величайший Секрет. И в конце, Сейди оказалась единственной сообщницей, которая сохранила его.

— Прошу, не делай этого, — умоляла я его, слезы заливали лицо. — Прошу, выслушай.

Но он не слышал меня. Не мог слышать. Поскольку был слишком занят, заканчивая свою предсмертную записку.

Я лучше умру, чем признаюсь, что я — гей. Поэтому, так будет проще для всех...

Глава 36

Всегда есть что-то, что напоминает обо мне

До земли был путь неблизкий, но я все равно прыгнула. Несмотря на то, что я упала на кучу листьев, я умудрилась подвернуть ногу.

Дом Сейди. Я должна добраться до дома Сейди.

Мне не хватало разгона для перемещения, поэтому я заковыляла по улице, словно дряхлая старушка.

Что если я не смогу добраться до нее? Что если она вовремя не успеет добраться до него?

Голова раскалывалась от боли. Я ощущала тошноту. Ночное небо прорезали молнии и я остановилась. Когда я подняла голову, я почти была уверена, что увидела за облаками лицо девушки, которая наблюдала за мной.

— Что же мне делать? — закричала я. — Я должна спасти его! Прошу, помоги мне.

Молния вспыхнула снова и лицо исчезло. В следующую секунду я снова повернула к дому Джейкоба, думая о его слезах. Затем я посмотрела на дорогу по направлению к дому Сейди, аж через весь город. На машине это бы заняло пятнадцать минут. Чувство страха начало окутывать меня, словно одеяло, сотканное из тумана. Я пропала. Нет, я чертовски облажалась. Идти вперед я не могла, как и вернуться назад.

— Почему вы нереальны? — обратилась я к своим рукам. — Почему вы не поможете мне исправить все это?

Я услышала слабый шелест листьев, которые ветер поднял и с силой закружил по улице. Внезапно, голос Ларкин оказался повсюду. Ее слова проникли внутрь меня, сковывая грудную клетку.

Это легче, чем кажется.

Я дотронулась до кулона, вспоминая ее предложение. Наконец, я поняла, чего она хочет. Этот кулон являл собой все то, что я оставила в своей прошлой жизни на земле. Он означал людей, которых я любила больше всего на свете и всю ту любовь, что мы дарили друг другу.

Мое спасение души.

У меня сдавило горло. Я не была уверена, что смогу пройти через это.

— Не бойся, — лицо Ларкин заслонило ночное небо.

Что если это он и есть? подумала я. *Мой единственный шанс.* Быть может, я смогла вернуться на еще один день и оказать Джейкобу помощь, которая так ему нужна. Быть может, смогу разгрести весь этот бардак, который я же и устроила и убедить всех, что я умерла не напрасно. Быть может, я смогла бы убедить Джейкоба, что он не одинок. Помочь ему простить себя за все те обиды и сложности, и понять ему понять, что он достоин быть любимым. Быть ЧЕЛОВЕКОМ.

Ларкин говорила, что я могу вернуться. Она сказала, что я смогу прожить еще один день, без каких-либо обязательств. Ну, всего лишь одна единственное обязательство.

Осторожно, я собрала длинные волосы одной рукой, а другой расстегнула цепочку. Я подняла ее перед собой, глядя, как маленькое золотое сердечко вращалось на конце цепочки.

Неужели это правда? Неужели мой кулон каким-то образом связан с моим вечным

спасением?

Я подумала о Джейкобе. Подумала о всей той боли на его лице и слезах в его глазах и словах, которые он так отчаянно писал. Я сделала глубокий вдох и решила, что делать.

— Для чего еще нужны лучшие друзья? — прошептала я.

Когда мгновением позже я подняла взгляд, возле меня стояла Ларкин.

— Я надеялась, что ты передумаешь. — Она нежно коснулась моей руки. — Итак, — произнесла она. — Мы договорились? Сколько стоит еще один день на земле?

Я знала ответ еще до того, как она закончила свой вопрос. Был лишь один способ продать свой билет на небеса. И вот он.

— Всего, — произнесла я, передавая свой кулон на цепочке. — Это стоит всего.

Глава 37

Слушай свое сердце, прежде чем скажешь ему «прощай»

Торговля человеческими душами — страшное занятие. В ДУ такое называется «Наивысшим Святотатством». Худшее преступление против небес, земли, человечества и всего прочего. К счастью для меня, Ларкин, очевидно, занималась этим после школы.

— Какой день выбрала? — спросила она. Ее голос был обыденным и беспечным, словно мы обсуждали ее прическу или последний купальник от Джимми Чу.

— Не твое дело, — огрызнулась я, не беспокоясь о своей грубости. Я определенно НЕ в настроении для болтовни.

— Решай сама. — Ее голос был слаще обычного, но не было ничего дружелюбного в том, как она дернула меня за рукав. Она толкнула меня так, что я упала на колени и достала карманный нож.

— Эй! — закричала я. — Какого черта ты вытворяешь? Я уже отдала тебе свой кулон. — Я попыталась вырваться, но ее хватка оказалась крепче, чем я ожидала.

— Расслабься, больно не будет, — ответила она. — Думай обо всем этом, как о посвящении в очень крутой клуб. — Она гордо продемонстрировала своё тату. — Видишь. У тебя появится такое же.

У меня приоткрылся рот.

— Мне кажется, ты говорила, что сделала его в Канкуне.

— Да? Наверное, память уже не такая хорошая как раньше.

Ларкин лгала. Больно будет наверняка.

Опять же, я попыталась сосредоточиться на позитиве. Положительная сторона нашей сделки: еще один день, чтобы снова дышать в реальном мире. После чего, я целиком и полностью окажусь в ее власти.

Говоря о здоровых отношениях.

— Я начну обратный отсчет с десяти, чтобы ты знала, когда именно кричать, — сказала Ларкин.

— Огромное спасибо.

— Десять, — начала она. — Девять. Восемь...

Это того стоит, подумала я. Я собираюсь спасти жизнь. Я исправлю все то, что разрушила. Еще один день..., спасти и сохранить..., во веки веков и аминь. За это, я была бы вечно благодарна.

Я открыла глаза и краем глаза уловила сияние лезвия, вспыхнувшего в лунном свете.

— Пять... Четыре...

Я зажмурилась и приготовилась к боли. Но сперва, я ощутила кончик лезвия, прижатый к моей коже, а после в голове что-то вспыхнуло. Или скорее, *кто-то*.

Я подумала о его куртке и невероятно грязных шуточках. Подумала о том, какой невероятно злой я была, когда он столкнул меня с моста Золотые Ворота, и как он сводил меня с ума, называя Читой. Я вспомнила, как он доливал мне Спрайта, не спрашивая меня, и как он относил меня обратно в «Кусок», когда у меня не было сил сделать это самостоятельно. Я вспомнила звук его голоса, когда он называл меня Ангелом..., и как я

обнимала его на заднем сиденье мотоцикла..., я словно была... дома.

— Один, — прошептала Ларкин.

Патрик. Мне так жаль.

Внезапно, что-то полетело в мою сторону со скоростью сто километров в час, сбивая меня с ног, словно кеглю. Я приземлилась в канаву лицом, с ног до головы покрытая грязью, травой и сорняками. Мне удалось перекатиться на спину, и пару секунд спустя я ощутила, как Хамлоф яростно облизывает мое лицо, пытаясь вылизать меня до блеска.

— Фуу, собачьи слюни. — Я оттолкнула его и приподнялась на локте, чтобы получше разглядеть плечо. Лезвие Ларкин лишь оставило царапину на коже.

Внезапный грохот отвлек мое внимание, и я подпрыгнула, выбегая на звук. В сорока метрах от меня Патрик и Ларкин стояли лицом к лицу, разглядывая друг друга. В его руке был ее карманный нож. И он был прижат к ее горлу.

— Твои услуги больше не понадобятся, — произнес он. — Оставь нас.

— Она сделала свой выбор, — ответила она. — Мы договорились. Так что почему бы тебе не вернуться в свою маленькую глупую пиццерию и не оставить уже нас в покое.

Оказалось, Ларкин внимательно слушала, когда я рассказывала ей о Патрике. Или это, или же она узнала его кожаную куртку. Он приблизился на шаг, тем самым давая нам обеим знать, что он серьезен.

Прошу, не нужно, тихо умоляла я его. Мне нужно сделать это. Ради Джейкоба. Мне нужно вернуться ради Джейкоба.

— Видишь? Она хочет уйти, — сказала Ларкин. — Тебе следует отпустить ее. В любом случае, если ты не смог справиться с этим, это еще не значит, что она не сможет.

Я посмотрела на Патрика.

— О чем она говорит?

— У нас тут секретики, да? — произнесла Ларкин. — Не очень-то это вежливо с твоей стороны. Почему бы не поделиться этим со всеми?

— Да пошла ты, — огрызнулся в ответ Патрик. — Она тебе не принадлежит. Бри заслуживает большего, нежели приносить в твою пассивную недожизнь какой-то смысл.

На мгновение в лунном свете в глазах Ларкин промелькнуло сияние жизни.

— Большого вроде тебя? — Она скрестила руки. — Послушай ты, Бон Джови, я все с тебе знаю. Я слышала о твоём дрянном мотоцикле и твоих чувствах, а еще она не отвечает тебе взаимностью. Так что окажи себе услугу и найди другую, чтобы пускать по ней слюни, ладно? Потому что этого, — она пальцами обрисовала в воздухе сердце, — не будет.

Вау. Мега ауч.

Взгляд Патрика встретился с моим.

Дрянной мотоцикл? Сурово, черт, реально сурово.

Я такого никогда не говорила. Клянусь.

Он справился с обидой и повернулся обратно к Ларкин.

— Послушай, Робин или Малиновка, или как тебя там еще зовут. Я не позволю ей сделать это. Все просто.

— Дело сделано, — сказала Ларкин, глядя на меня. — Давай же, Бри, скажи ему.

— Забавно, — ответил он. — Потому что я отчасти думаю, что ты ошибаешься. — Патрик сунул руку в карман и достал мой кулон.

— Эй, это мое! — я подбежала и выхватила его у него из руки.

— Ты права. — Голос Патрика был уставшим. — Он твой. Никогда не позволяй ей

забрать его у тебя, Бри. Ничто не стоит подобной сделки. Ничто.

— Не вмешивайся, — взмолилась я. — Прошу.

Он приставил карманный нож к горлу Ларкин.

— Попробуй останови.

Ее взгляд метнулся ко мне за помощью, но в этот момент я в буквальном смысле была не уверена, на чьей я стороне.

— Хорошо, — произнесла Ларкин, ощущая мою неуверенность. Она бросила взгляд на Патрика. — Просто поверь мне, когда я скажу — в мире нет ничего хуже, когда ждешь возвращения того, кто больше тебя не хочет. Жаль говорить это, Мальчик, но твоя девочка забыла тебя. — Она издала горький смешок. — Так что ты теряешь куда больше.

Твоя девочка? Забыла тебя?

— Что ты имеешь в виду? — произнесла я, совершенно ошеломленная. — Кто-нибудь, пожалуйста, скажите по-английски, хоть раз.

— В данном случае, — Ларкин усмехнулась Патрику. — Полагаю, ты действительно настолько туп, как и кажешься.

— Хватит! — закричала я. — Не говори с ним так.

Она схватила меня за плечи и прижалась ко мне так близко, что на долю секунды я ощутила жар огня, который изуродовал ее прекрасное личико.

— Я, правда, не могу поверить, что ты на его стороне, Бри. Поверить не могу, что ты защищаешь его, ведь меня ты знаешь всю свою жизнь. Неужели это для тебя ничего не значит?

— Ларкин...

— Ты, как и все.

— Нет. Ты ведь знаешь, что это не правда. Послушай...

— Нет, это ты послушай, — сказала она. — Ты ничего не знаешь о боли и одиночестве. Но скоро узнаешь. Ты увидишь, какого это, когда все на свете забудут о тебе, словно тебя и не было вовсе. Ты поймешь, какого это — ощущать себя никем. — Она начала пятиться.

Нет, нет, нет, нет.

Я не могла позволить ей уйти. Она была нужна мне, чтобы попасть домой. Если я не сделаю этого, никто не узнает, что Джейкоб может с собой сделать. Или как много жизней это разрушит.

— Вот. — Я в полнейшем отчаянии протянула свой кулон. — Прошу, заведи его. Я сделаю все, что пожелаешь.

Она долго смотрела на него, затем украдкой смахнула слезу.

— Забудь. Вы двое стоите друг друга.

И, как и всегда, она исчезла.

Нет!!

Я бросилась бежать, цепляясь за воздух, пытаюсь поймать ее исчезающий силуэт. Но через пару мгновений от нее ничего не осталось, кроме дыма. Словно ее тут никогда и не было.

Я упала на колени. Я опоздала. Я упустила свой единственный шанс спасти его.

Спаси себя.

— Этого не может быть, — прошептала я.

Я услышала, как карманный нож Ларкин стукнулся об асфальт.

— Ангел, — тихо произнес Патрик, положив ладонь мне на плечо. — Мне жаль.

Внезапно, каждая частичка меня запылала огнем. Каждый дюйм кожи, крови, слез и костей пылал, прожигая платье насквозь. Я ощутила, что вот-вот взорвусь пламенем и пеплом небытия. Часть меня почти хотела этого. По-крайней мере, мне больше не придется ничего чувствовать. Боже, меня уже тошнило от всех этих эмоций. Я уже устала от боли. Поверить не могу. Неужели Патрик разрушил один единственный шанс все исправить. Он разрушил все. Куда больше, чем все.

Прости, Джейкоб. Мне очень — очень жаль.

Я оттолкнула руку Патрика и поднялась на ноги.

— В чем твоя проблема? Не твое дело, что я делаю или не делаю. Какая тебе разница, как я собираюсь провести остаток вечности? Что хочу, то и делаю!

Спящая в груди ломота взорвалась стеной боли, которую я была не в силах выдержать. Она вытянула весь воздух из моих легких, словно гелий из спущенного шарика. Меня тут больше ничего не держало.

— Я не мог позволить тебе уйти, — Патрик опустил голову. — Возможно, ты не понимаешь того, что тут только что не произошло. Сейчас ты этого не видишь, но я клянусь, после ты бы сожалела об этом. — Его голос был тих. Полон отчаяния и вины, и безграничной печали.

Но мне было плевать. Пусть ему будет плохо. ПУСТЬ он ощутит вину! Меня так тошнило от него, что я едва могла поднять на него глаза.

Быть может, я смогу попробовать снова. Быть может, еще не поздно. Быть может, я смогу попытаться попросить у нее прощения...

— Нет! — Патрик внезапно схватил меня и встряхнул. — Ты серьезно этого хочешь? Отдать свой единственный шанс на упокоение? Быть во власти у сумасшедшей до конца времен? Просить и умолять о смерти, потому что жизнь, которую ты знаешь, стала невыносимой? — В его глазах вспыхнула ярость. — Прости меня, Ангел. Прости, но я отказываюсь стоять в стороне и смотреть, как ты выбираешь вечность в аду.

Я оттолкнула его, наконец, высвободившись.

— Тогда не смотри. Свали нафиг.

— Пожалуйста, попробайся. — Он прикоснулся рукой к моей щеке. — Попробайся вспомнить, прошу. Разве ты не видишь, что ради тебя одной я не сдаюсь? Разве ты не знаешь, как долго я ждал? Неужели не чувствуешь этого? — В последний раз он посмотрел в мои глаза, и у меня во рту появился привкус горящего бензина. Я ощутила жар огня и дым, словно я сгорала заживо изнутри.

— Не прикасайся ко мне! — закричала я. — Я никогда не просила тебя о помощи! Почему бы тебе просто не держаться подальше от моей жизни, или смерти, черт подери, да не важно! — Я вырвалась из его рук. — Почему бы тебе просто не оставить меня в покое?

— Бри, не надо...

— Что не надо? — Я посмотрела ему в лицо. — Чего ты хочешь, Патрик? Чего ты на самом деле от меня хочешь?

Он не ответил.

Я покачала головой и повернулась, чтобы уйти.

— Забудь.

— Нет. — Внезапно он снова схватил мою руку. — Я... я имею в виду, мы...

— Нет никаких МЫ, — перебила я его. — Есть ТЫ и есть Я. Вот и все. Так будет всегда.

— Но Ангел. Ты не понимаешь...

— Поверить не могу, что ты делаешь все это ради себя. Ларкин была права. Не могу поверить, что ты разрушил мой единственный шанс, чтобы все исправить, из-за глупой, жалкой, неразделенной любви!

Он посмотрел на меня так, словно я ударила его.

— Как? — прошептал он. — Как ты могла позабыть так много?

— Я не из тех, кто забывает, — ответила я. — Посмотри на себя! Ты провел здесь так много времени, что даже не помнишь, что значит заботиться о людях. Ты забыл, что значит пообещать кому-либо, что будешь с ним, не смотря ни на что. — Голос дрожал, но я продолжала. — Ты столько времени потратил на глупые шутки и мысли о себе любимом, что позабыл, что такое любовь. Любовь означает любить кого-то больше, чем себя самого. — Я зло смахнула слезы. — Не то чтобы, я ожидала, что ты поймешь.

Он ничего не ответил. Но я увидела, что мои слова оказали на него влияние. Свет в его глазах потух.

— Мне жаль, — наконец, произнес он. — Я лишь хотел как лучше. Я лишь хотел защитить тебя.

— Мне не нужна ничья защита, — огрызнулась я. — Особенно твоя.

В ту же секунду, как слова сорвались с губ, я отчаянно пожелала вернуть их назад. Я поверить не могла, что сказала такие жестокие слова. Вся беда в том, что порой слова подобны стрелам. Выстрелив — не возвращаются. Я была ошеломлена своей безжалостностью. Но то, что он произнес после, шокировало меня еще больше.

— Разве ты не знаешь, что я люблю тебя? Неужели ты не видишь, что я всегда...

— Ну, а я тебя не люблю. Ты меня слышишь? — Я встретила его взгляд и выстрелила единственной стрелой, что у меня осталась. — Даже если бы ты был ПОСЛЕДНИМ парнем во всей вселенной, я бы тебя не выбрала.

Судя по выражению его лица, он не понял, что я лгала.

— Dulce bellum inexpertis.

— Я не в настроении для твоих...

— Война сладка для тех, кто никогда не сражался, — произнес он. — Не то чтобы я ожидал, что ты поймешь.

И вдруг, слов больше не осталось.

Он сунул руки в карманы.

— Спасибо за честность. Впредь я тебя не потревожу. Я прекращу тратить твое время.

Я уронила цепочку на землю, кулон по-прежнему тускло поблескивал, а я наблюдала за тем, как очертания его плеч становятся размытыми в лунном свете. Коричневая кожа его куртки вдруг стала очень древней; вся потрескавшаяся и поношенная, словно из другого века. Я поняла, что так оно и было.

Солнечные лучики начали просачиваться сквозь его тело, когда он начал тускнеть, словно выцветший фотоснимок на Поляроид. Сперва, его черные армейские ботинки стали зелеными, затем желтыми, а после белыми. Потом джинсы. Потом его руки, плечи и глаза..., эти милые, грустные глаза..., до тех пор, пока от него ничего не осталось. Каждая частичка меня вопила «извинись»..., умоляй его остаться..., но я стояла на своем.

Наконец, он поднял голову и печально мне улыбнулся. Я увидела, как шевельнулись его губы, но не расслышала слов. Это не имело значения. Я уже знала, что он говорил.

Прощай.

Я прикусила губу и, зажмурившись, отвернулась. Лучше бы я никогда не встречала его.

Почему его угораздило заговорить со мной тогда, в «Куске». Тогда бы он не скинул меня с моста и не научил меня «взмывать» и перемещаться. Мы бы не пересекали по острову на мотоцикле. Но было уже слишком поздно для всех этих «если». Что сделано, то сделано. И внезапно, я снова осталась одна.

Но глубоко внутри я знала, что как прежде уже не будет. На этот раз тишина оглушала..., поглощала меня..., и я ощущала себя словно в вакууме. О таком можно только мечтать. Я будто оказалась на темном дне океана.

Ларкин оказалась права. Я не смогу помочь Джейкобу. Я даже себе не смогу помочь. Только место зря занимаю. В конце концов, меня едва хватило на то, чтобы доползти до крыльца своей семьи, прислонить голову к перилам и ждать восхода солнца.

— Что теперь? — прошептала я. — Что дальше?

Глупый вопрос, потому что я уже знала ответ.

Ничего. Дальше ничего.

Я понурила голову. Сделала единственный испуганный вздох. И ощутила сердце... нет, воспоминание о сердце... которое снова разбилось на кусочки.

Глава 38

С тех пор, как ты ушла

Меня преследовал запах гниющих цветов. Мне не давал покоя образ черных лимузинов и звук их шин по гравию. Скрежет лопат, стук дождя по надгробию и удар тяжелых ледяных кладбищенских ворот, которые отрезали меня от всего живого.

Я не могла есть. Не могла спать. Мой старый кошмар вернулся с удвоенной силой... иногда по три раза за ночь. Он начинался сразу же, как я засыпала, со звуком рычания двигателя. Затем ветер ерошил мои волосы, даже под шлемом, пока я летела по шоссе. Тепло солнца на щеках. В груди ощущение, что все возможно. Но в этом самом месте сон заканчивается и начинается кошмар. Как только я начинаю чувствовать себя самой счастливой девушкой в мире, меня охватывает тревога.

В этот самый момент, я ощущаю в воздухе новый странный запах. Бензина и горящего металла. Я чувствую, как мотоцикл начинает терять управление. И внезапно, ко мне приходит предчувствие, как все это закончится. Вместе с моими криками, ко мне приходит воспоминание чьих-то рук. Затем... БУМ!.. мои глаза распахиваются, и я просыпаюсь вся в ледяном поту, охваченная паникой, свернувшись калачиком в кабинке «Куска».

Поправка. В нашей кабинке.

Я скучаю по тебе. Мне так жаль.

Каждую ночь одно и то же. Я лежала там с закрытыми глазами в ожидании кошмара, который поглотит меня, а потом пережует и выплюнет. Я не ощущала ничего, кроме старой ноющей боли в груди и задавалась вопросом, когда же это закончится. Даже, несмотря на это, я начинала осознавать правду насчет вечности.

Это никогда не закончится.

Еще никогда я не чувствовала себя настолько одинокой. Мне некуда было пойти. Патрик ушел, скорее всего, далеко и надолго. Даже Хамлоф куда-то подевался, поскольку по соседству я видела разноцветные флайеры. Они были на каждом телефонном столбе и знаке «стоп» в радиусе десяти миль от нашего дома.

ПОТЕРЯЛСЯ: САМЫЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПЕС НА СВЕТЕ

ОТКЛИКАЕТСЯ НА ИМЯ: ХАМЛОФ, ХОМЯК, ХЭММИ, ХАМИНАТОР

**ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА ВЕРНИТЕ ЕГО: ДОКТ
ДЭНИЭЛУ ИГАНУ, МАГЕЛАН АВЕНЮ 11**

В конце концов, я решила поступить правильно. Я знала, что Хамлоф больше не моя собственность. По правде говоря, он всегда был папиной собакой. Именно Отец подобрал его еще щенком. Отец обожал его больше всех. Хэм и папа были словно два по цене одного. Идеальное сочетание.

Как бы сильно мне не хотелось признавать это, моим он не был. Поэтому я взяла его на последнюю прогулку по пляжу, чтобы попрощаться, затем отвела его обратно к крыльцу и по щекам побежали слезы.

— Теперь ты должен пойти домой, малыш.

Он шлепнулся на спину, игриво взыв. Вечный шутник. Всегда пытается поднять настроение.

— Нет, Хамстер. — Я покачала головой. — Это не игра. Папа уже давно тебя ищет. Он очень сильно по тебе скучает. — Я обняла его, а после обхватила руками его морду, целуя

его. Он уставился на меня своими коричневыми глазами, и в ответ облизнул мне нос.

— Будь умницей, хорошо? Не порти чужие лужайки. — Затем у меня промелькнула одна мысль, и я украдкой бросила взгляд на дом Бреннеров. — Ну, ладно. Разрешаю тебе нагадить на их газон. Но больше ни на чей. Хорошо?

Нет, говорили его глаза. Не уходи. Давай поиграем.

Внезапно он взбесился, начал выть и лаять, словно безумный... гигантский бассет, чтобы слышали все в радиусе трех миль.

Вовремя.

Я знала, что Папа дома. Я чувствовала это.

— Все правильно. — Я заставила себя улыбнуться. — Я люблю тебя, пронира. — Я собрала каждую частицу концентрации, что у меня осталась, подошла к двери и позвонила. Шоу начинается. Пришло время встретиться с ним лицом к лицу. Но когда дверь отворилась мгновение спустя, на меня смотрел не отец. Это была ОНА. Самое худшее лицо на планете.

— Ты пустил ее внутрь? — с отвращением произнесла я. — Ты пустил ее в НАШ дом?

— Ох, глупая собака, где ж ты была? — сюсюкала Сара Бреннер. — Иди сюда!

Моя кровь закипела, когда я увидела, как ее наманикюренные ручки обхватывают шею Хэма. Я представила, как выхватываю его у нее и хлопаю дверь по этим красным ногтям снова и снова, пока она не поймет, что значит, когда твоя семья разрушена.

Она потянулась и почесала Хамлофа за ухом.

— Это даже не его любимое ухо, — прорычала я. — Самозванка.

— Дэнни? — она повернулась и крикнула в дом. — Он вернулся! Пес вернулся!

На секунду, я представила, как вырываю его из ее цепких лап и перемещаю нас обоих обратно в «Кусок». Быть может, я совершила ошибку. Может, Хамлофу нужно было остаться со мной. Но когда я слышала, как Отец спускается, и увидела, как Хамлоф начал радостно мотать хвостом, я уже знала ответ. Как бы сильно он меня ни ранил.

Поэтому я отвернулась, не говоря ни слова, рванула через весь двор, пока не набрала достаточно скорости, чтобы оторваться от земли. Как только я добралась до своего кусочка рая, хлынули слезы..., я приняла решение никогда не оглядываться. С прошлым покончено. Настало время смириться с болью, что сжигала меня изнутри. Наблюдать за миром слишком тяжело. Мне нет там места. Слов не осталось. На земле меня больше ничего не удерживало.

По крайней мере, в «Куске» я могла заниматься, чем захочется. Сидеть там дни и ночи напролет и никому дела до этого не будет. Я могла гулять хоть до посинения. Просматривать одни и те же грустные фильмы, пока не выучу все реплики. Иногда, когда запах пиццы надоедал, я выползала наружу и шла к обрыву, через дорогу. Смотрела на море и думала о Джейкобе. Сработал ли его план. В своей крупице рая мне он нигде не встречался, что само по себе было хорошим знаком. Впрочем, я опасалась, что он мог оказаться где-нибудь еще.

Кое-где похуже.

С Ларкин.

Я постаралась не думать об этом.

Вместо этого, я крепко зажмурилась и нырнула в океан, позволяя себе погрузиться на самое темное песчаное дно. На глубине было очень тихо. Тихо и спокойно.

Кроме того, под водой слез не видно.

Не знаю, как долго я провела под водой. Быть может, даже несколько дней. Может, недель. Это не имело значения. Я коротала время, рисуя на песке доллары, играя в Марко Поло с раком-отшельником, делала браслеты из водорослей и, в основном, просто

притворялась Русалочкой. Впрочем, грудь у меня была не ахти, чтобы уместить ее в паре раковин. (Причина Номер 3 714 «Почему Так Отстойно Умирать в Шестнадцать»).

Временами мне мерещилось лицо Патрика в проплывающей мимо медузе; ее щупальца казались руками, которые пытались вытянуть меня обратно на поверхность. Я постоянно думала о том, какой была бы жизнь, если бы мы выросли в одно время и встретились. Быть может, мы были бы даже одного возраста. Быть может, в ту ночь именно он поцеловал бы меня в сверкающих лучах дискобола.

В конце концов, мне пришлось признать, что это была всего лишь медуза, поэтому мне не оставалось ничего делать, кроме как поплыть обратно к берегу. Снова погрязнуть в жалости к самой себе. Оказывается, к этому быстро привыкаешь. Я даже пару раз возвращалась обратно в Сан-Франциско, надеясь, что смогу отыскать Ларкин. Я посетила все наши излюбленные места: детскую площадку, верфь, даже взобралась на вершину пирамиды... но так и не нашла ее.

Похоже, я свихнулась и мне все привиделось. Может, я единственная душа в этом проклятом месте. И, кто знает, может, так оно и было. Быть может, вечное одиночество дано мне в наказание за то, что я не поверила в любовь. Не то чтобы это имело значение. Мне было плевать.

Потому что знаете что?

Я больше сама в нее не верила.

Глава 39

Покажи мне свой лучший удар

Я пробиралась сквозь Бразильские джунгли. Горячий, влажный, дурманящий зной и полчища жужжащих комаров. Ленивые змеи, жуки, размером с мою голову, и тигры, спящие под деревьями.

Тык.

Стоп, в Бразилии нет тигров. Фигня все это.

Я пробиралась сквозь Индийские джунгли. Горячий, влажный и дурманящий...

Тык.

Я отмахнулась. Кто-то пытался добраться до меня. Паук? Обезьяна? Паукообразная обезьяна? Удав, чтобы задушить меня? Я бросилась удирать через кусты и спряталась в тени огромного баньяна. Ни когтей. Ни клыков. Ни намек на паучьи лапы.

Все чисто. Я смылась по-тихому. Фух.

Тык. Тык.

Или нет.

— Проваливай, — пробормотала я. — Я занята.

— Эм, ты не выглядишь занятой.

— А вот и нет.

— Что же ты делаешь?

Я села и оказалась лицом к лицу с Браслетами.

— Пытаюсь медитировать, а что?

— Ой. — Она сделала шаг назад. — Извини. — Она убрала белокурый локон за ухо, браслеты на запястье звякнули, как и всегда. Я скрестила руки. Эта девчонка никогда прежде не говорила со мной. Неужели она теперь ожидала, что мы станем лучшими подружками?

— Извини, — произнесла я, не утруждая себя скрыть раздражение. — Зачем ты меня тыкала?

Звяк-звяк.

— Мне было интересно, получу ли я твой автограф. — *Звяк.* — То есть, не хотела отрывать тебя от дел.

— Мой автограф? — я почесала нос. — На кой он тебе?

— Хех, — рассмеялась она, — да потому что ты — знаменитость! — Она показала на телевизор, у которого собрались завсегдатаи «Куска». — Глянь, ты во всех новостях!

Она обкурилась, не иначе. Каким-нибудь Супер-Улетно-Гремучим-Крэком, только и всего. Я поднялась и не спеша направилась к телевизору, поскольку это был единственный логический способ заткнуть ее. Когда я, наконец, пригляделась получше к чуваку на экране, я не поверила своим глазам. Человек на экране был мой отец.

— Сделай погромче, — попросила я Парня в форме Квотербека. — Пожалуйста.

«В той или иной мере у каждого из нас разбито сердце. Но большинство людей не в курсе, что разбитое сердце может быть смертельно опасным.»

Сегодня с нами Доктор Дэниэл Иган, известный кардиохирург из медицинского университета Сан-Франциско, который провел последний год за изучением синдрома разбитого сердца, что чаще всего остается не диагностированным...»

Отец молчаливо сидел, опустив руки на колени. Похоже, он не брился или даже не

улыбался целую неделю.

— Итак, — спросила его храбрая, голубоглазая репортерша, — насколько распространен этот самый Синдром Разбитого Сердца?

— Не очень, — ответил он. — По общим сведениям, всего у двух процентов людей, которые считают, что перенесли сердечный приступ. Он довольно редкий, и ему обычно подвержены женщины среднего возраста. Как правило, жизни это не угрожает, но все может быть. — Он устремил свой взгляд в камеру, и я ощутила комок в горле.

Женский голос за кадром продолжил.

«Но мало кто знает, что у доктора Игана были весьма личные причины для исследований. Прошлой осенью, при трагических обстоятельствах он потерял свою несовершеннолетнюю дочь Обри, что, по его мнению, первый задокументированный случай смерти от синдрома разбитого сердца...»

У меня по телу поползли мурашки, когда я увидела свое лицо на экране. Фото из альбома выпускников. Затем моя фотография с подругами. Наконец, наше с Отцом фото, мы двое смеемся. У меня сдавило горло. Комок стал больше. Но я не смогла позволить себе расплакаться.

«В пятницу, новое крыло медицинского университета Сан-Франциско было названо в честь Обри — Детский сердечный центр, в котором доктор Иган назначен исполняющим обязанности главного врача...»

— Видишь? — Браслеты стукнула меня по руке. — Что я тебе говорила?

Камера снова показала моего отца.

— В начале, — произнес репортер, — никто вам не поверил.

Отец кивнул.

— Медицинское сообщество догадывалось, что смерть Бри была связана с ее предшествующим состоянием. Но доказательств тому не было. Болезнь протекала незаметно. Я не думал, что это каким-то образом было связано с тем, что перенесло ее сердце.

— Что же было вашей целью? — осторожно спросила репортерша. — Что вы надеялись доказать с помощью ваших исследований? Вы чувствуете, что можно было сделать что-то еще, чтобы спасти вашу дочь?

Он долго молчал.

— Не уверен, что смог бы еще что-нибудь сделать. Не уверен, что именно пытаюсь доказать. Любовь всем нам причиняет боль, независимо от возраста. — На мгновение он бросил взгляд на камеру и его глаза были полны слез.

— Но основная моя идея заключается в том, чтобы родители почаще говорили своим детям то, что чувствуют. О том, что на самом деле происходит в их жизни. — Он грустно улыбнулся. — А еще нам следует прислушиваться к ним. За исключением тех случаев, когда вы бываете слишком заняты, чтобы выслушать.

В кадре появилась моя школа и журналистка продолжила.

«Мудрые слова от доктора Игана. Практически в свете трагических событий, что произошли всего неделю назад».

— Что? — я запаниковала. — Какие еще трагические события?

«... когда выпускник школы СПК, встречавшийся с мисс Иган незадолго до ее смерти..., парень, о котором одноклассники говорили «тот, что разбил ей сердце»...»

Я ощутила головокружение.

— Нет. Нет, нет, нет.

«...звездный бегун Джейкоб Фишер..»

— Пожалуйста, — прошептала я. — Прошу, нет.

«... был найден дома без сознания...»

Стены вокруг меня начали смыкаться. Больше я ничего не расслышала. У меня сдавило горло, и я разрыдалась. Я попыталась выбраться из толпы, отчаянно желая выбраться наружу. Воздух. Мне нужен воздух. СЕЙЧАС ЖЕ.

— Эй! — я услышала голос Браслетов. — Ты в порядке?

Больно. Очень больно. Патрик, где ты?

Я начала падать. Перед глазами все помутнело, комната превратилось в размытое пятно. А после мое лицо ударилось о ледяной, потрескавшийся линолеумный пол.

Сильно.

Глава 40

Чего хотят девушки

— Вау. Голова у нее будет болеть адски.

— Она мертва? Выглядит мертвой.

— Жаль прерывать вас, ребята, но мы все мертвы.

Я открыла глаза. Браслеты и Нинтэндо смотрели на меня сверху вниз, словно на неудавшийся научный проект. Франкенбри. Или Иганштейн.

Я дотронулась до лба и почувствовала большую шишку.

— Ауч.

— Болит? — Рассмеялась она. — Ты хорошо приложились. Не так сильно, как те придурки из толпы, что толкнули меня, но довольно внушительно. — Она подалась вперед и приложила нечто леденяще холодное к моему лицу.

Я поморщилась.

— Итальянский лед. Лучшее, что я смогла раздобыть. Хорошо помогает от отеков.

Медленно, мне удалось подняться на ноги. Я прошла обратно к своей кабинке и уселась.

— Спасибо.

Двое из них последовали за мной и сели напротив.

— Не стоит. — Браслеты толкнула Паренька — Нинтэндо локтем. — Это Сэм. А я — Райли.

Я слабо улыбнулась им.

— Бри.

— Мы знаем, кто ты такая, — напомнила она мне. — Типо, местная знаменитость.

— Ой, верно, — произнесла я. — А я и забыла.

— Кстати, — захихикала она, — где твой друг?

Я бросила на нее взгляд.

— Извини?

— Он такой симпатичный, кстати. Может ты, ну... познакомишь нас? — Колеблясь, просила она. — Как-нибудь, что скажешь?

ЧТО?

Она схватила свою сумку.

— Должна признаться, я безумно влюблена в него. Но, клянусь, он даже не знает о моем существовании. — Ей удалось взять себя в руки, и она рассмеялась.

— Ты ведь знаешь о чем я. — Она вытащила смятый листок бумаги и положила его на стол передо мной. — Я такая глупая, — захихикала она, — я считаю, у него очаровательный почерк.

Его почерк?

Я ощутила, как лицо вспыхнуло. Потянувшись к смятому листку, я медленно развернула его, тщательно разглаживая. Между жирными пятнами от пиццы был список слов, которые я слишком хорошо запомнила. Каждое было аккуратно зачеркнуто.

За исключением двух.

Отрицание

Гнев

Сделка

Скорбь

Принятие

— Откуда у тебя это? — сохраняя спокойствие, спросила я. После я сунула руку в карман и нашла ручку... ту самую клевую, из третьего класса... и зачеркнула «скорбь». Потому что, честно говоря, я ощущала грусть.

— Боже мой! — воскликнула она, как какая-то деревенщина. — Ты, наверняка, думаешь, что я его преследую?

Эм, после этого «божемой», АГА, я так и думаю. Патрик был прав. Девчонки двинутые. Она снова хихикнула, нечто среднее между мартышкой и дельфином.

— Клянусь, я....

— Не думаю, что ты его тип, — выпалила я. — Без обид.

У нее отвисла челюсть.

— Что?

Я пожала плечами.

— Что слышала.

Райли скрестила руки на груди.

— Ой, да неужели?

Я посмотрела на нее в ответ.

— УЖЕЛИ.

— Что, — она саркастично рассмеялась, — ты что ли его тип?

Может быть.

Возможно.

Определенно.

Она поднялась и вылетела из кабинки. Я бросила взгляд на Паренька с Нинтэндо. Его каштановые волосы и симпатичная мордашка мгновенно напомнили мне о Джеке. Я не смогла удержаться от мыслей, что же такого произошло с этим маленьким мальчиком, что он оказался в «Куске». Я показала на его толстовку.

— Любишь Гарвард, а?

Он кивнул.

— Майкл там учится

Я на мгновение замялась.

— Кто такой Майкл?

— Мой брат.

Он потерял своего брата. Как Джек потерял меня.

Воспоминания наполнились звуком смеха Джека..., когда мы бегали друг за другом, играя в салки вокруг дома по субботним утрам. Я скучала по его улыбке, и как с одной стороны всегда торчал непослушный вихор. Я даже скучала по тем временам, когда он пукал на мою подушку, а я дико злилась на него после этого.

Забудь об этом. Думай о чем-нибудь другом.

— Итак. — Я приложила максимум усилий, чтобы прогнать воспоминание из головы. — Решил взять небольшой перерыв от игры?

Сэм почесал нос.

— Батарейки сели. — Судя по тону его голоса, я затронула деликатную тему. И мне вдруг пришло в голову почему. Быть может, видеоигры помогали забыть ему о чем-то, о чем

ему не хотелось думать.

— Эй, — сказала я. — Хочешь новые?

Его лицо засияло словно рождественская елка.

— Да! У а тебя есть?

Очевидно, Сэму никто не додумался дать копию ДУ... а быть может, он был слишком мал, чтобы прочесть ее. Я усмехнулась. Сейчас я устрою настоящее представление.

Я загадочно закружила руками по воздуху, как я проделывала миллион раз, когда мы с Джеком показывали друг другу фокусы. Только теперь вся разница была в том, что сейчас я на самом деле занималась настоящим волшебством.

— Фокус — Покус. Абракадабраааааа....

Глаза Сэма широко распахнулись. Я снова взмахнула руками, убирая их за спину и, сжав руки в кулаки, загадала желание. Как учил меня Патрик.

Батарейки, пожалуйста. Премиум класса.

Мгновение спустя, я улыбнулась Сэму.

— Угадай, в какой руке.

Он указал на мою левую.

— ЭТА!

Я подняла ее и показала, что она пуста.

— Неа. Попробуй еще раз.

На его личике появилось хитрое выражение, затем он, наконец, указал на верную руку.

— В этой?

— Та-даам! — воскликнула я, бросая перед ним батарейки.

Он посмотрел на меня, потом обратно на батарейки. Поднял их и осторожно повертел в руках, словно они внезапно могли раствориться в воздухе. Он быстренько затолкал их в свою игрушку и нажал на кнопку «включить». В ту же секунду раздались звуки классического Тетриса.

— Спасибо, — произнес он, в полнейшем восторге. — Ты его починила.

А потом он расплакался.

— Нет, нет, милый, — произнесла я, чувствуя себя ужасно. Я поднялась и пересела за его сторону стола. Я обняла его и крепко прижала к себе. Он прижался ко мне в ответ, и я ощутила, как его слезы пропитали мое платье. Я раскачивалась с ним взад и вперед.

— Ш-ш, — произнесла я. — Все в порядке. Все будет хорошо.

— Нет, неправда! — плакал он. — Я хочу домой.

Я снова мысленно вернулась в то утро, когда я увидела Сейди и Джейкоба на пляже. Я вспомнила, как Патрик обнял меня, пока слез больше не осталось, а после мы вернулись в «Кусок» и он шептал мне на ухо, что все будет хорошо. Я вспомнила боль в его глазах, когда он пытался рассказать мне о своих чувствах, а я просто отшила его, не придав этому значения. Словно он сам не имел для меня никакого значения. Потому что в тот самый момент я думала только о себе любимой.

Меня осенило, пока маленький мальчик, которого я едва знала, рыдал у меня на руках. Я разбила Патрику сердце. Также как и Джейкоб разбил его мне. И я ненавидела себя за это.

Внезапно, мне захотелось узнать все. Мне захотелось..., нет, понадобилось... понять, кто такой Патрик и кем он был, и почему у меня вообще возникло ощущение, будто он забрал частичку меня с собой, когда исчез. Потому что я очень, очень сильно устала бродить во мраке. Мне надоели грусть и одиночество, словно внутри меня чего-то не доставало.

Теперь я была уверена, что этого не доставало всегда. Даже когда я была жива.

Я подождала, пока Сэм успокоится. Поцеловала его в щеку и потрепала по волосам.

— Скоро вернусь.

Затем я поднялась с высоко поднятой головой и подошла к одному человеку, у которого наверняка найдутся для меня ответы, хочется ей того или нет.

Дама с Кроссвордом.

Глава 41

Давай умрем молодыми, давай будем жить вечно

— Где он? — Я присела на стул прямо перед ней, прислонившись к столешнице. Она пожала плечами, не отрывая глаз от кроссворда.

— Прошу, — произнесла я. — Скажите мне.

— Это конфиденциальная информация.

Ага! Она что-то знает.

— Но это важно.

Она одарила меня долгим тяжелым взглядом, словно пожилая Дама из мыльной оперы. Я даже не дернулась. Наконец, она отложила карандаш на стол и скрестила руки.

— Теперь счастлива?

— Я буду счастлива, если Вы скажите мне, где Патрик.

— Откуда мне знать, где он?

— Потому что. — Я улыбнулась своей Самой Искренней Улыбкой. — Вы все знаете.

Ее взгляд стал подозрительным.

— Пытаешься меня умаслить?

Проклятье, не достаточно искренне.

— Да нет же, — возразила я. — И какая вообще разница? Просто скажите мне, где он.

Она покачала головой.

— Я все сказала.

Я сердито вздохнула. Смерть так же отстойна, как и жизнь! Куча глупых бессмысленных правил.

— Я ведь вежливо Вас прошу, — сказала я. — Пожалуйста. Его нет уже несколько недель. Я беспокоюсь за него.

Она саркастично усмехнулась.

— Забавно, ведь его нет по твоей вине. — Она развернула кроссворд. — И, кстати, это твоя вина, что теперь мне некому помочь с номером восемнадцать по горизонтали. — Она снова потянулась за ручкой.

Внезапно, я вспомнила про анкету, которую заполняла в свой самый первый день в «Куске». Что если Патрик заполнял такую же, только много лет назад? Быть может, у Дамы с Кроссвордом есть досье и на него? Я наклонилась и выхватила у нее кроссворд.

— Эй! — воскликнула Дама с Кроссвордом.

Я покачала головой.

— Не отдам, пока не дадите мне досье на Патрика. — Я достала ручку, пока она в ужасе смотрела на меня, и начала заполнять ответы.

— Только не ручкой! — закричала она. — Нельзя ручкой!

— Что ж, посмотрим... — я проигнорировала ее, разглядывая подсказки. — Средиземный сыр, четыре буквы, часто добавляется в греческий салат.

— Фета! — воскликнула она.

— Поняла! — Я начала писать куда более удачный, на мой взгляд, ответ. — Б-Р-И-И!

— Нет! — Она попыталась отобрать у меня кроссворд, но я перехватила ее ладонь. — Отдай обратно! Ты его испортишь!

Я подскочила со стула, ну уж нет, я только начала.

— Слово из пяти букв, человек, который не ест мяса. Хммм, — Я притворилась, будто думаю. — Вот незадача.

— Веган. — Она замахала руками. — ВЕГАН!

— Знаю! — Я щелкнула пальцами, затем с нажимом начала выводить ручкой по бумаге. — ИГАН!

— Да как ты могла? — взвыла она. — Все труды коту под хвост!

— Что? — спросила я. — Прошу прощения, Вы что-то сказали? — Я не дала ей шанса ответить и снова вернулась к загадкам. — О, а вот эта самая забористая. Восемь букв, мясная запеканка для всей семьи. — Я зажмурила глаза, раскачиваясь взад и вперед, словно заправский Мастер Йоги.

— Ну, конечно же! — Воскликнула я, старательно выводя буквы. — Х-А-М-Л-О-Ф... — Я остановилась. — Черт, неправильно же, да? Хамлоф — шесть букв, а не восемь! — Я шлепнула себя ладошкой по лбу и застонала, для более драматичного эффекта. — Должно быть, это мясной рулет! Вот только как теперь исправить? Какая же я глупая, почему я не писала КАРАНДАШОМ?

Лицо у Дамы с Кроссвордом приобрело настолько фиолетовый оттенок, что она стала похожа на баклажан. Тоже неплохо! Я же не видела никаких причин, почему я не могла получить доступ к досье Патрика. Он ведь мое прочел.

— Хочешь его досье? — Она рывком открыла ящик рядом с собой, вытащила папку и швырнула ее на стол. — ВОЗЬМИ!

Я протянула руку и подняла ее. Одарив Даму своей самой широкой и настоящей улыбкой.

— Ну, спасибо.

Затем я бросила ей кроссворд и вылетела из «Куска» настолько быстро, что чуть не разбила стеклянные двери на кусочки. Я прижала досье Патрика к груди и взмыла в единственное место, где я могла прочесть его в тишине и покое.

Мост.

Как только мои ноги коснулись знакомой оранжевой решетки моста Золотые Ворота, секундой позже у меня промелькнула мысль, что Патрик мог бы мной гордиться.

— Идеальное приземление, — прошептала я.

Легкие наполнились запахом океана, и я ощутила, как расслабляюсь. Сегодня было безветренно, и небо окрасилось в сонные оттенки пурпурно — серого. Передо мной раскинулись горы, царственные и загадочные, и солнце согрело меня, медленно уходя за горизонт.

— Ну, вот и все, — произнесла я. — Больше никаких секретов. — Я осторожно открыла папку. Внутри хранилось несколько листков, и я быстро просмотрела первую страницу.

Анкета, что мне довелось заполнять около года назад. Карандашный росчерк почти выцвел и был едва виден, но, тем не менее, мне удалось отыскать несколько ответов.

ИМЯ: Патрик Аарон Дарлинг

Дарлинг? Его фамилия Дарлинг? Как, черт подери, я упустила это из виду?
(англ. Darling — дорогой, дорогуша — прим. ред)*

Я продолжила читать.

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 1 Августа, 1965.

ДАТА СМЕРТИ: 11 Июля, 1983.

Ого. Не зря я все шутила над ним, тут ведь черным по белому написано. Я действительно зависала с сорокапятилетним парнем все это время. Отчасти.

Я продолжила читать.

ПРИЧИНА СМЕРТИ: Sui Caedere

Очевидно, супер-нудная привычка Патрика тут и там сыпать латынью никуда не делась.

— Sui Caedere? — простонала я. — Что это за Латинская Ересь, я разбил свой мотоцикл, что ли? — Я покачала головой. — Вот же дебил.

Я попыталась найти другие ответы, но остальная часть страницы выцвела, так что ничего было не разобрать. За исключением двух последних вопросов в самом конце.

НАДЕЖДЫ: Лили найдет меня.

МЕЧТЫ: Она простит меня.

Наконец-то. Вот оно. Нечто посущественней. Что-то, за что я, наконец, могла уцепиться.

Имя.

— Лили. — Я медленно произнесла имя, позволяя ему раствориться на языке. Значит, тогда он любил эту девушку. — Патрик и Лили. — Звучало красиво. Правильно.

На долю секунды, часть меня испытала ревность, даже не смотря на то, что я полностью осознавала, как это чудно с моей стороны. Как я могла ревновать к той, кого он знал черт знает сколько лет назад, еще до моего рождения?

Нет тому причин. НИКАКИХ.

— Не глупи, Бри, — проворчала я себе под нос. — Держи себя в руках.

Я прогнала эту мысль куда подальше и вместо этого попыталась сосредоточиться на том, как классно вести Секретное Расследование. До Шерлока Холмса мне было далеко, но две подсказки лучше, чем одна. Но что он ей сделал? Почему ему так нужно было ее прощение? Типичный парень, наверняка накосячил.

Я пролистнула еще пару официальных на вид страниц, ничего такого, что заслуживало бы пристального внимания... И увидела фото ребенка с темными волосами, темными глазами и безошибочной ухмылкой.

Ну же, Хьюстон, к нам только что поступила информация, что Патрик Дарлинг родился красавчиком.

Я дошла до свернутой газетной вырезки. Дата в верхнем правом углу гласила 12 Июля, 1983 года. Я бережно разгладила газету, не желая повредить страницы, и аккуратно положила ее на колени. После чего я мысленно вознесла молитву небесам за то, что сегодня не было ветра и уже затем я начала изучать заголовки. Один из них выделялся более всего.

МЕСТНЫЙ ПОДРОСТОК СЕМНАДЦАТИ ЛЕТ КОНЧАЕТ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ.

Я остановилась. Затем прочла еще раз. И еще раз.

— Быть того не может, — произнесла я, ощущая пустоту. — Патрик разбился на мотоцикле. Разве нет? — Взгляд блуждал по странице.

По сообщениям полиции, в воскресенье вечером местный подросток свел счеты с жизнью. Тело семнадцатилетнего Патрика А. Дарлинга было обнаружено приблизительно в воскресенье в девять часов вечера в районе пляжа, где он покончил жизнь самоубийством, перерезав себе вены. Дарлинг проживал с матерью, тремя сестрами и отцом, по чьим словам он был совершенно подавлен в связи с недавней потерей своей шестнадцатилетней школьной возлюбленной Лилиан Р. Томас, чью жизнь трагически унесла мотокатастрофа 4

Июля.

Внезапно меня охватила неведомая сила. Голоса, путаница, звуки сирен и скрежет металла проникли в сознание, после того как легкие охватило огнем. Настолько громкое и сильное видение, что на мгновение я ослепла.

Помоги мне. Прошу, помоги мне. Нечем дышать.

Крики парня, его руки, его губы, прижатые к моим, пытаюсь заставить меня дышать, но уже слишком поздно. Слезы, крики и поцелуи обрываются за железными кладбищенскими воротами.

Не оставляй меня здесь. Прошу, не оставляй меня здесь одного.

Меня затрясло. Едва дыша, я снова устала на анкету.

ПРИЧИНА СМЕРТИ: Sui Caedere

— Sui Caedere, — я вчитывалась снова и снова, пока слова не сложились воедино.

САМОУБИЙСТВО

Листок выпал из моей руки.

— Он солгал мне, — произнесла я. Патрик не погиб на своем мотоцикле. Он покончил с собой.

Глаза наполнились слезами. Но почему? Почему он солгал мне?

Падающие комья земли.

Выпустите меня.

Скрежет.

Помогите.

Царапанье.

Прошу.

Тишина. Спокойствие. Онемение. Мрак. Бесконечность.

Сквозь звуки осыпающейся земли, просочился голос парня. Поначалу тихий, после к нему примешался запах бензина и слез.

Прошу, говорил он. Прошу, не оставляй меня. Я не могу жить без тебя, Ангел.

Краем глаза, я заметила еще одну газетную вырезку, торчащую из папки Патрика. Меня охватил ужас, когда я потянулась к ней и посмотрела на дату.

5 Июля, 1983.

Это же неделю спустя.

Я раскрыла вырезку и громко ахнула, когда увидела фото груды искореженного металла в самом центре. От тлеющих обломков исходили клубы черного дыма. Увеселительная поездка по 101-му шоссе обернулась настоящим кошмаром.

Голос дрожал, пока я читала заголовок.

ГОРОД СКОРБИТ. ВЛЮБЛЕННЫХ РАЗЛУЧИЛА ФАТАЛЬНАЯ МОТОКАТАСТРОФА

Но мой взгляд уже не смотрел на заголовок. Вместо этого, он опустился ниже, где было размещено небольшое фото парня и девушки. Чернила почти выцвели, но мне все же удалось разглядеть их.

Патрик.

Он был в той же самой кожаной куртке, потертых джинсах и с улыбкой, за которую не жалко умереть. Перед ним та, кого он обнимал... его возлюбленная.

Лили.

Так вот она какая. Девушка, которую Патрик так сильно любил и ждал на протяжении

двадцати семи лет в занюханной пиццерии по ту сторону Рая..., надеясь, умоляя и молясь, что в один прекрасный день она войдет в эти двери и обнимет его.

Я взгляделась в фото, чуть не касаясь газеты кончиком носа. Я была не уверена, что именно я ищу, до тех пор, пока не увидела. Ее темные волосы. Счастливую улыбку. Лицо, такое хрупкое, но в тоже время полное надежды.

Я была больше не в силах сдерживать слезы. Потому что девушка на фотографии была я.

Глава 42

Пробуди меня

— Это не имеет смысла. Это не имеет никакого смысла. — Я столь пристально уставилась на фото, что подумала, у меня вот-вот мозг взорвется или глаза вывалятся, или, быть может, все вместе одновременно. — Как это могу быть я? Как ОНА может быть мной? КАК?

Как я могла... обычная девчонка с обычной жизнью..., оказаться двумя совершенно разными людьми? Я что, нечто вроде вторсырья? Какая-то переделка? Мама и Папа как-то отремонтировали старый диван в гостевой. (*Стоп, а с людьми так можно?*)

Боже, в смерти хрен разберешься.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться.

— Должно же быть какое-то логическое объяснение, — сказала я самой себе. — Рациональное объяснение всему этому. — Но потом я вспомнила, что сижу на самом верху Моста Золотые Ворота и я мертва уже целый год. Мда, не очень-то рационально.

Или, быть может, я уже лет тридцать как мертва.

Я приложила ладонь к сердцу, этаким жестом Клятвы Верности.

— Бейся, — приказала я ему. Я ударила себя в грудь. — Бейся. — В ответ раздался тупой глухой удар. Я попыталась еще раз. — Бейся! — И снова. — Бейся, ты, глупая штуковина. БЕЙСЯ! — Но пульс даже не трепыхнулся; ни намек на движение или дыхание. Только грустное, тихое НИЧТО.

Я подняла голову и закричала.

— Где ты? Почему ты не говоришь со мной?!

Патрик не ответил. Телефонная связь между нами, вероятно, была отключена.

Я улеглась, откинувшись на локти, и положила голову на металлическую платформу. В глубине души, я знала правду. Он говорил мной, или, по крайней мере, пытался говорить. Я просто не хотела слушать. Я презирала то, что не могу найти его. Презираю, что даже не знаю, куда он ушел. Но ведь я уже везде искала. Я побывала абсолютно во всех уголках нашего рая..., на каждой улице, в каждом парке, на каждом мосту и на каждой горе, которая только приходила на ум. Где еще он мог прятаться? Где же то самое место, в котором я никогда и не подумаю его искать?

Я сквозь оранжевые металлические треугольники наблюдала, как мир продолжает жить своей обычной жизнью. Отвернувшись...к северо-востоку..., я заметила одинокий островок в нескольких милях близ Саусалито, вниз по побережью от Тибурона. Заходящее солнце разлилось алым маревом над горизонтом, и на мгновение, мне показалось, что остров плавает в воде, пылающей оттенками оранжевого и красного. Еще один миг и солнце, словно сделав глубокий вдох, погрузилось под воду и небо изменило свой цвет от сусального золота до темно-синего. С севера пришли тяжелые тучи и остров, буквально, утонул во мраке. Виднелись лишь силуэты деревьев.

Я поднялась на ноги, замерев.

Что это за место?

Внезапно в голове раздался голос Ларкин, словно дуновение ветерка. Я в этот же самый миг, я поняла, где мне искать его.

Остров Ангелов. Куда мертвые приходят умирать.

Опоздала я или нет, на раздумья больше времени не осталось. Поэтому я ступила на край башни, подняла руки вверх в идеальной позе лебедя и прыгнула.

Но на этот раз я не упала.

Я взмыла.

Взмыла, словно чокнутая, сквозь ветер и туман и последние напоминания об ушедшем дне, пока мои ноги не коснулись прохладного скалистого пляжа. Я задрожала и попыталась разглядеть это место. В крошечной темноте мне удалось разглядеть очертания гигантского дерева, возвышающегося на краю пляжа. Я не была уверена, где или как я собираюсь его искать, но решила прочесать весь пляж, чтобы иметь хоть какое-то представление об острове. Эти леса и вправду выглядели не очень дружелюбно.

— Ага, — сказала я себе. — Пляж нужно прочесать непременно.

Особенно во мраке.

Но как только я начала пробираться по пляжу, луна спряталась за пеленой тумана, я поневоле обратила внимание, насколько остров был замусорен. Повсюду были разбросаны валуны и коряги, передвигаться стало все сложнее и сложнее. У меня создалось такое впечатление, будто ураган разворотил это место в щепки.

Скрип моей обуви о камни и песок начал меня пугать. Меня все сильнее охватывал страх, поскольку каждый незначительный звук усиливался здесь эхом в пятьдесят раз. Внезапно у меня появилось ощущение, что это маленькое приключение может закончиться очень и очень плохо.

Правая нога зацепилась за что-то..., за ветку, быть может..., и я чуть не полетела лицом в песок, но мне удалось упасть на колени. После я заметила кое-что странное. Песок пах... странно. Металлом. Я зачерпнула малую горсть и пропустила его сквозь пальцы.

— Что это? — После я узнала запах, и поспешно отряхнула песок с рук.

Кровь. Песок пах кровью.

Затем накатила волна, замочив мои руки, ноги и обувь. Запах усилился.

— Боже мой. — Я поднялась на ноги, глядя, как малиновые полосы на песке исчезают в кромке воды. — Это же... она в воде. Она повсюду. — Ощущение ужаса сковало по рукам и ногам. Я хотела убраться подальше с этого острова.

Сейчас.

Я обернулась, но споткнулась об огромный обломок коряги и упала на спину. Я услышала тихий стон во тьме, и в этой самый момент все мысли в голове сократились до одной — это была не я. Я замерла, ощущая головокружение и тошноту от настолько сильного страха, что я не могла дышать.

— К-к-к-кто здесь? — секундой позже я заставила себя справиться с ужасом. Медленно..., и по возможности, тихо..., я поднялась на ноги, отряхивая кровавый песок с рук.

Никто не ответил.

Быть может, всему виной мое воображение?

Луна прорвалась сквозь туман, освещая берег. Теперь я, наконец, смогла разглядеть коряги получше. За исключением того, что это оказались вовсе не коряги.

Это были тела.

Сотни и сотни тел, разбросанных по песку..., их руки и ноги торчали под неестественным углом, словно сломанные ветви деревьев; ребра выпирали сквозь полупрозрачную кожу; ввалившиеся щеки на бледных сияющих в лунном свете лицах. Я

ахнула, и меня бросило в дрожь, пока я разглядывала это место. Это была даже хуже, чем в книгах по истории. Все вокруг меня на многие мили вперед было покрыто морем лиц. Море разбитых, жалких душ...обнаженных, истекающих кровью, отвратительных и обращающихся в прах прямо у меня на глазах.

Или песок.

Я бешено начала отряхивать песок с платья, рук и лица. Но чем больше я пыталась, тем больше он лип ко мне. Он был повсюду: в волосах, в обуви, под ногтями, даже во рту. Я раскашлялась и попыталась выплюнуть его, царапая себе язык, но вкус песка и тлена не исчезал. Казалось, он просачивается в мои поры, и от того мои руки начинают кровоточить.

— Где ты? — закричала я. — Патрик, прошу, ответь мне!

После раздалась голоса.

— Я невиновен.... клянусь жизнью, я не делал этого.

— Ты должна простить меня. Умоляю, неужели никто не простит меня?

— Мам? Мамочка, это ты?

— Ты лгал мне. Ты смотрел мне в глаза и лгал...

Все они говорили или кричали друг на друга... их голоса, слишком громкие и бессвязные, чтобы понять хоть что-то из того, что они говорили. Я ходила среди них, пытаюсь увидеть хоть намек на улыбку или блеск знакомых глаз. Под моими ногами хрустели их останки, на этот раз я знала, что это не ракушки.

— Патрик? — отчаянно закричала я. — Ты здесь?

— Осторожней, — произнес кто-то, когда мои ноги коснулись чего-то.

— Извините! — Я отпрыгнула, но в итоге наступила на кого-то другого.

— Эй!

— Мне так жаль, извините меня, я не хотела...

Я продолжала оглядывать их лица. Надеюсь на маленькую толику узнавания.

— Они все похожи. — Я начала паниковать, бегая от одного к другому, в поисках семнадцатилетнего парня. — Все на одно лицо!

— Нет, это не так, — раздался тихий девичий голос.

Я вскинула голову и оглядела пляж.

— Эй? — позвала я. — Кто здесь? — Я бросилась на звук голоса, обходя душу за душой, пока не набрела на фигуру с длинной тонкой черной косой. Я опустилась на колени и перевернула тело. И когда ее, полный одиночества взгляд, встретился с моим, я расплакалась.

Ларкин.

— Бри. — Ее голос был не громче шепота. — Не думала, что увижу тебя снова.

— Что ты здесь делаешь? — Я опустилась рядом с ней и приложила уйму усилий, чтобы положить ее голову к себе на колени. — Что произошло?

Она мгновение, не моргая, смотрела на меня, я мне даже подумалось, что я всего лишь померещился звук ее голоса. Но когда ее губы раскрылись, я услышала, как она пытается говорить.

— Я больше не могла выносить одиночества. В городе меня больше ничего не удерживало.

— Мне так жаль, — произнесла я, всхлипнув. — Я не хотела причинять тебе боль. Я не хотела, чтобы произошло нечто подобное.

— Правда? — спросила она. — Ты серьезно?

Я стряхнула песок с ее лица и увидела, что от нее осталось. Она стала лишь тенью девушки, что когда-то отважно прыгала с небоскреба. Девушки, которая научила меня заботиться о самой себе, и показала мне, что я сильнее, чем я думала. Но теперь уже почти ничего в ней не напоминало Ларкин Рэмзи. Она обращалась в прах на моих глазах.

— С тобой все будет хорошо, — я попыталась уверить ее. — Я вытащу тебя отсюда.

— Бри, — прошептала она. — Это я устроила пожар в своем доме в ту ночь. Ты знала об этом?

Я в замешательстве уставилась на нее.

— Не вини себя, Ларкин. Все знаю, что это из-за свечи. Всем известно, что это был несчастный случай. Ужасный, отвратительный несчастный случай. Вот и все.

Она покачала головой.

— Это была я, а не несчастный случай. Я сделала это специально. Я хотела умереть.

— Нет. — Я покачала головой. — Прошу, не говори так.

— Это правда. — Ларкин печально улыбнулась. — Я всегда была одинока. Я всегда чувствовала себя одинокой. Поэтому я решила сделать с этим что-нибудь. — Она издала грустный смешок. — После оказалось, что после смерти все стало только хуже. — В ее голосе зазвучала горечь. — Только теперь это не на всю жизнь, это навсегда. — Она протянула руку и коснулась моей ладони. — Отстойно быть мной, да?

— А как же твоя панихида, — произнесла я, вспоминая тот вечер в актовом зале, несколькими годами ранее моей собственной кончины. — Ведь там было столько людей. Ты была важна для многих.

— Им было на меня плевать, — ответила она. — Я была там. Я видела, какие виноватые лица у них были. Большинство людей на панихиде едва меня знали.

Ее слова сильно меня поразили. Я вспомнила нечто подобное и на своей поминальной службе; я едва знала большинство ребят, которые пришли выказать мне уважение. И это еще тогда показалось мне странным. Как и Джейкоб, Ларкин дала мне понять, что не важно, что ты там себе придумал о человеке..., неважно как он выглядит, или как себя ведет, или насколько он популярен, ты никогда не сможешь узнать его по-настоящему.

Пока сам об этом не спросишь.

И если ты при этом будешь слушать его очень внимательно.

— Почему ты не рассказала? — спросила я. — Почему ты ничего мне не рассказала о том, что с тобой произошло?

Ее тело стало настолько прозрачным, что практически слилось с песком.

— Не знаю, — тихо ответила она. — Наверное, воспоминания причиняют сильную боль.

— Ларкин, я...

— Поэтому я вернулась назад, — ответила она, стискивая мою ладонь. — Поэтому я решила продать свою душу, чтобы вернуться и попытаться все исправить. Но это была ловушка, Бри. Я попыталась сделать иной выбор, клянусь Богом, но это ничего не изменило. Люди по-прежнему не замечают меня. Они ведут себя так, словно я невидимая. — Она расплакалась.

— Все хорошо, — тихо произнесла я, пытаясь успокоить ее. — Я с тобой.

— Вот как все началось, теперь ты знаешь. — Она указала на свою татуировку. — Вот как я стала Заблудшей Душой.

Погодите минутку. Заблудшие Души? Где-то я уже слышала это раньше.

Внезапно, меня осенило. Граффити, что я видела по всему городу, и ничто похожее на стене рядом магазинчиком «Кроличья Нора». Такой же символ был на руке Ларкин.

— Самое худшее то..., - губы дрожали, когда она говорила, — ... я собиралась поступить так с тобой. — Она так сильно задрожала, что я едва слышала ее. — Я попыталась украсть твою душу, Бри. Я хотела воспользоваться ей, чтобы спастись. Чтобы начать все с начала... снова жить... на самом деле.

У меня закружилась голова.

— Ты имеешь в виду.... ты имеешь в виду что-то вроде реинкарнации?

Она медленно кивнула.

— Заблудшие души тысячи лет проникают обратно на землю подобным образом. Сделка на кону которой суть новой души... обладание ею по-прежнему сохраняет связь с прежней жизнью..., чтобы прожить чужую, но зато новую. — Она слабо улыбнулась. — Что-то вроде досрочно выйти из тюрьмы.

Чья-то суть. Обладание ею сохранит связь с прежней жизнью.

Я коснулась шеи.

Мой кулон.

— Но, черт подери, — продолжила она, — кому-то придется отдать тебе свою душу, чтобы она заработала. А если тебе не отдадут ее по своей воле.... приходится отнимать. — Она замолчала, и я услышала стыд в ее голосе. — Ничего не остается, как украсть ее.

Украсть ее?

— Мне так жаль, — произнесла она. — Я так сильно хотела второго шанса. Я просто хотела стать кем-то другим. — Ее глаза умоляли о прощении. — Я хотела быть кем угодно, только не собой.

Я просто не могла ее понять. Как только такая отважная, умная, веселая девушка так долго была одна? Даже хуже, почему никто не обратил на нее внимания?

Мои глаза наполнились слезами.

— Хотелось бы мне знать. Мне бы очень хотелось оказаться здесь ради тебя. Если бы я только могла что-нибудь сделать...

— Но ты уже сделала. Ты уже кое-что сделала.

— Нет. — Я покачала головой. — Не делала.

— Я всегда хотела, — продолжила она, — больше всего на свете иметь сестру. И после того, как ты нашла меня в городе, у меня появилась настоящая сестра. Мое желание исполнилось. Спасибо тебе за это. — Она стиснула мою ладонь и попыталась улыбнуться. Затем она протянула руку и коснулась моего лица. — Сделаешь для меня еще кое-что? Пожалуйста?

Я кивнула.

— Что угодно.

— Не забывай меня. — Ее глаза засияли, и я увидела, как сильно она напугана. — Здесь так легко позабыть обо всем. Не забывай меня, Бри.

— Шшш, — произнесла я. — Не говори так. Все будет хорошо. С тобой все будет в порядке.

Но как только слова сорвались с губ, я ощутила, как она умирает. Ее голова расслабилась, выскользывая из моих ладоней прямо на песок. Я увидела, как она моргнула и, наконец, затихла.

— Ларкин? — мой голос эхом пронесся над пляжем. — Ларкин? — я потрясла ее, но

она не двигалась. Я склонилась и обняла ее, слезы заскользили по щекам. — Почему? Почему все всегда умирают?

В этот самый момент, я ощутила тепло в районе шеи. Я опустила взгляд и заметила мягкое голубое свечение.

Мой кулон сиял.

Его сияние озарило все вокруг и ветер начал подниматься. Голоса вокруг утихли, словно почитая минутой молчания ушедшую. Я коснулась ее лица и прижала губы ко лбу.

— Я не забуду, — сказала я ей. — Обещаю.

После я вывела ее имя пальцем на песке.

Ларкин Рэмзи.

Подруга и сестра.

Я подобрала маленький осколок камня и вложила ей его в ладонь. Затем, я смахнула песок с лица и оглядела пляж. Так много разбитых сердец и искалеченных душ. Что же произошло со всеми ними?

Любовь, поняла я. С ними случилась любовь.

Патрик мог быть любимым из них. Я должна найти его, но как? Я не имела возможности проверить каждого на этом пляже. А даже если и удалось бы, я едва ли смогу вынести хоть один взгляд на него, если его состояние будет столь же ужасным, что и у Ларкин. Я была не уверена, что со мной станет, если нам с ним придется прощаться в подобном месте. Я посмотрела на небо и представила, как она летит в другую галактику. А быть может, в это самое мгновение она где-нибудь рождается заново. Станет кем-то другим с новой жизнью и новыми начинаниями.

Очевидно, судя по всему, это был наилучший вариант.

Я смотрела на звезды, размышляя, а видит ли она меня сейчас. Я надеялась, что она будет счастлива, куда бы она ни отправилась. И я надеялась, что теперь она свободна.

Внезапно, я уловила какое-то движение краем глаза. Я обернулась и пригляделась к западной части на краю острова, где массивные скалы погружались глубоко в океан.

— Это ты? — прошептала я. — Это, правда, ты?

Ты упадешь, я упаду, помнишь?

Там, стоя на краю мира и обратив свой взор на небеса, был Патрик.

Глава 43

Мы принадлежим свету, мы принадлежим молнии

Я бежала. Бежала так быстро, насколько могла, сквозь дождь, ветер и берег, настигиваемый живыми трупами. Куда бы я ни ступила, тела пытались схватить меня за ноги и утянуть к себе. Я ощущала муку в их раскрытых губах, невидимых руках и миллионах позабытых мечт и воспоминаний. И я знала, что если не побегу еще быстрее, совсем скоро станет миллион плюс один.

Я не смогла набрать скорость, достаточную для того, чтобы взмыть прямо к нему; воздух здесь был странный: затхлый и тяжелый, он словно не подчинялся законам природы. Поэтому я побежала к лесу, ныряя, что дикий койот через подлесок, пока не выбралась на дорожку. Она была вся усеяна листьями, а по обеим сторонам росли высоченные деревья, заслоняя собой луну.

Но лучше такая тропинка, чем вообще никакой.

Я побежала изо всех сил, вихляя из стороны в сторону, поднимаясь по склону горы. Наконец, я выбежала на открытое место и моему взгляду открылась ночная панорама Тихого океана.

И там, прямо передо мной стоял мой мальчик.

Спина была совершенно голой, и я поморщилась, когда увидела, каким полупрозрачным он стал..., дождь в буквальном смысле стекал по его костям. Складывалось такое впечатление, будто его внутренний свет полностью выгорел. Я вспомнила его слова.

Разве ты не знаешь, что я люблю тебя?

Ответ был «да». Потому что я тоже его любила.

Поначалу, он меня не увидел, и я медленно подошла сзади, не желая напугать его.

— Патрик?

Но он не слышал мой голос. Оглушительно ревела буря. Поэтому я подошла к нему. Сквозь дождь и ветер, я зябко потеряла плечи. И когда кончики пальцев, наконец, коснулись его руки, меня окутало невероятное тепло. Я опустила взгляд и увидела, что моя рука начала тускло сиять, как и мой кулон, нежно-голубым цветом, словно по моим венам пробегали искры. Я почувствовала, как тело Патрика напряглось от моего прикосновения.

— Это я, — произнесла я. — Я здесь.

— Зачем? — Его голос был хриплым. — Я не просил тебя приходить.

— Патрик, я...

— Ты должна уходить. Тебе здесь не место.

— Подожди, — сказала я. — Ты не понимаешь.

— Понимаю. — Он понурил голову. — Глупо было с моей стороны так долго ждать. Я столько лет цеплялся за это, — произнес он. — Я не заслужил этого.

— Не говори так. Прощу.

Его плечи опустились.

— Я знал, что однажды ты пройдешь сквозь те двери, — прошептал он. — И когда ты, наконец, сделала это. Ты, наконец, снова вошла в мою жизнь спустя почти тридцать лет... ты не узнала меня. Совсем не узнала меня.

— Как я могла? — взмолилась я. — Патрик, я ведь уже не та девушка.

Он кивнул.

— Ты права. Ты не та. Теперь я это знаю.

— Я не это имела в виду. Ты не слушаешь.

— Я был глупцом, думая, что смогу вернуть тебя однажды. Вернуть все на круги своя. —

На мгновение он умолк, наблюдая за горизонтом. — Это моя вина. Я все испортил.

— Разве ты еще не понял? — произнесла я. — Тебе не за что извиняться. Ты не сделал ничего плохого.

— Я все сделал не так. В тот день ты не хотела ехать... Ты была так напугана. Но я знал, что тебе понравится, стоит только попробовать. Поэтому я уговорил тебя поехать. — Его голос дрогнул, когда он опустил голову. — Это я виноват в твоей смерти. Я повинен в том, что мы никогда не сможем быть вместе.

— Мотоцикл, — прошептала я. — Кошмар был реален.

Я прижалась лбом к его спине, обхватив руками его трепещущую душу.

— Ты когда-нибудь простишь меня? — прошептал он.

Я прижалась к нему так сильно, как только могла.

— Тебе не нужно мое прощение. Ты должен простить самого себя.

Над нашими головами раздался оглушительный раскат грома, когда он начал поворачиваться ко мне. Я ощутила его ладонь на своей щеке. И когда я открыла глаза, я не могла поверить тому, что вижу. Я, наконец, увидела то, что он так долго скрывал от меня под рубашкой и курткой. Я, наконец, поняла, почему он никогда не снимал ее. Теперь я увидела его шрам на руке: глубокий, кривой и ужасный..., но это было НИЧТО.

По сравнению со всем остальным.

Все тело Патрика покрывали ужасные колотые раны. Словно он ранил себя ножом снова и снова..., и это едва ли был несчастный случай.

— Любимый мой, — прошептала я. — Что же ты с собой сделал? — Слезы обожгли глаза, когда я провела кончиками пальцев по его шрамам; склонившись, я поцеловала их один за другим.

— *Sui Caedere*, — ответил он. — Я не мог без тебя жить.

Я потянулась к нему и коснулась его щеки. Прижавшись лбом к его лбу так, что наши лица разделяли лишь пара дюймов. Я заглянула в его глаза, пытаюсь сократить расстояние меж нами.

— Мне так жаль, Патрик. Я не хотела обидеть тебя...

Небо прорезала молния, и яркий столп света ударил в пляж, поджигая несколько деревьев. Пару секунд спустя, на острове разразился пожар.

— Ты ведь не узнала меня, — ответил Патрик. — Я так сильно хотел тебе все рассказать, но боялся, что ты примешь меня за психа. — Он замолчал. — Ну, знаешь, еще безумней, чем ты уже обо мне подумала.

Он одарил меня кроткой улыбкой, и в этой улыбке я увидела отражение всей нашей катастрофической истории. Всех тех дней, что мы провели вместе. Всех планов, что мы строили. То, как он плакал и держал меня на руках в первые минуты после аварии; как умолял небо забрать его вместе со мной. Каждый отрывок памяти возвращался, и я вспомнила слова Патрика, когда моя прекрасная жизнь ускользнула в то далекое лето 1983-го... в горящих обломках мотоцикла на шоссе.

Он ждал меня вечность. Ждал именно меня, всегда.

— Навсегда. Навечно, — прошептала я. Тоже самое я пообещала своим подругам в

прошлой жизни. Сейди, Эмме и Тессе. Каждая выберет свою дорогу, свою судьбу и свою несчастную любовь. Я почувствовала, как мой кулон снова засиял, источая тепло, стоило мне только подумать о них. Но на этот раз он не причинял боли. На этот раз, воспоминание лишь порадовало меня.

— Это, правда, ты? — Патрик крепко обнял меня. — Я думал, ты никогда не вспомнишь меня.

Война сладка для тех, кто никогда не сражался.

— Теперь я помню. — Я заглянула в его глубокие, темные и такие знакомые глаза. — И больше никогда не забуду. — Внезапно, я ощутила, что стена внутри меня дала трещину. Я ощутила, как холод внутри меня начинает таять.

— Может, мы сможем начать все сначала, — предложила я, протягивая руку. — Я — Бри.

Он рассмеялся, затем легонько пожал ее.

— Патрик.

— Приятно познакомиться.

Он улыбнулся.

— Снова.

Я медленно приблизилась, предположительно ради Лучшего Поцелуя Всех Времен и Народов. Но за секунду до того, как наши губы соприкоснулись, рядом раздался новый раскат грома, и мы отпрянули друг от друга. Я схватила его за руку, но было слишком поздно... Патрика отбросило на самый край пропасти. Он пропал из виду.

— Нет!!

Я подползла к краю пропасти. И когда я глянула вниз, я увидела, что он едва держится. Я ухватилась за его руку, пытаюсь удержать его.

— Патрик!

Огонь под нами вспыхнул. Даже не смотря на дождь, весь берег был охвачен пламенем: тысячи бедных, умирающих душ корчились в агонии.

Ларкин. Ларкин там внизу.

Под ногами Патрика вспыхнуло пламя, его лицо исказила боль.

— Не могу, Бри! Я падаю!

Я закричала, когда почувствовала, как пальцы Патрика выскользывают из моих. Зажмурившись, я воззвала к последним крупницам сил, что у меня остались. После того, что по ощущениям напоминало несколько часов, мне, наконец, удалось втолкнуть его тело обратно на выступ. Схватив его за другую руку, я рывком вытянула его и мы оба упали, тяжело хватая ртами воздух. Дождь лил сверху ледяной завесой.

— Если ты хотела сходить со мной на свидание, — произнес он, кашляя, — тебе стоило лишь попросить.

— В следующий раз учту, — ответила я.

Патрик сел и, впервые за все время, я хорошенько разглядела отметину на его плече. Та же самая, что и у Ларкин: круг с буквой X прямо по центру. В голове промелькнуло воспоминание нашей первой встречи.

— *Я Патрик... Заблудшая Душа.*

— Ты один из них, — печально произнесла я.

— Я бы сделал это еще раз, если бы пришлось.

Значит, это была правда. Он выменял свою душу. И он сделал это ради меня. Теперь я поняла, что он застрял, стал вечным пленником Великого Нечто за Пределами Бытия. Он не найдет покоя. Никогда не обретет мир.

Он опустил голову.

— Это был мой единственный шанс, Ангел. Твоя жизнь только началась. Ты заслужила второй шанс. — Он потянулся и пригладил мои волосы, которые облепили лицо из-за дождя.

— Это единственное, что я мог для тебя сделать, Лили. Ты всегда терпеть не могла этот дурацкий мотоцикл.

Запах гари стал ощутимее. Он почти добрался до нашего выступа. У нас осталось меньше минуты, было уже неважно, уничтожит нас буря или нет. Мы все равно попадем в ад.

Когда я заглянула в глаза Патрику, я, наконец, поняла, почему он казался мне таким знакомым, с самой нашей первой встречи в пиццерии. Почему его голос казался мне таким знакомым. И не потому что он напомнил мне Тома Круза из фильма «Лучший Стрелок», и не потому что он давал мне смешные сырные прозвища. Все потому, что при жизни и после смерти, Патрик всегда был рядом со мной.

Он ждал меня здесь.

И внезапно, я поняла, что нужно делать. Не раздумывая ни минуты, я сорвала с шеи кулон и подняла цепочку высоко вверх. Настала моя очередь принести себя в жертву. Он отказался от всего ради меня, и теперь мой черед отказаться от кое-чего ради него.

Потому что любовь стоит всего на свете.

— Мое сердце принадлежит тебе, — прошептала я. — Оно всегда принадлежало тебе.

— Подожди, — произнес он, касаясь моей ладони. — Ангел, нет!

Ослепительная молния ударила прямо в золотой кулон, пропуская через нас миллиард вольт электричества. Я ощутила, как меня вырвало из объятий Патрика и я падаю вниз, сквозь пространство и время, звезды и небо и все, что между ними. Я падала до тех пор, пока не позабыла, что падаю. А потом весь Сан Франциско...., небеса и ад взорвались облаком света.

Глава 44

Где-то над радугой

Я села, хватая воздух ртом. Но единственный звук, что был слышен мне, это тихое жужжание потолочного вентилятора и маленькой золотой цепочки, которые нашли единый совершенный ритм.

Стук, вжик, стук, вжик, стук, вжик.

Я упала обратно на подушки, измученная, но все же довольная, что я в безопасности и тепле своей уютной кровати, на одеяле из гусиного пуха. Желудок заурчал, и я учуяла запах чего-то невероятно вкусного внизу.

Ммм, Лучшая в Мире Лазанья.

Я спросонья потерла глаза, зевнула и заметила мягкое вечернее сияние сквозь белые занавески. Никакого шторма. Никакого дождя. Никаких грома и молний на острове, охваченном огнем. Лишь чистые хлопковые простыни и удобная подушка. Все шелковисто-мягкое и нежное.

Мои простыни. Моя кровать. Моя чудесная, восхитительная кроватка.

Эм, держи себя в руках.

Я мгновенно села, мысли пронеслись в голове со скоростью света. Все чувства обострились, и пульс подскочил до небес, а сердце забилося тысячу ударов в секунду и я...

Погодите-ка.

Я прижала ладонь к груди. Вот оно. Бьющееся сердце. Последовательные, чрезвычайно решительные резонирующие удары.

— БО. ЖЕ. МОЙ.

У меня билось сердце. У меня БЫЛО сердце. И оно БИЛОСЬ.

Прежде, чем я начала понимать что происходит, в коридоре раздался знакомый голос.

— Бри? Милая? Можешь разгрузить посудомоечную машину перед уходом, пожалуйста?

Я замерла.

Мама?

Я подскочила с кровати, по-прежнему одетая в сарафан. Распахнула дверь спальни и бросилась на ее голос. Все пахло и выглядело по-прежнему. Шарканье тапочек по колючему ковровину. Теплое сияние антикварной лампы, что бабушка с дедушкой подарили нам несколько лет назад. Разнокалиберные фоторамки на стене в коридоре. Джек на свое шестилетие, мне двенадцать. Мама и Папа во время медового месяца. Хамлоф совсем еще щенок. Те же скрипучие половицы, те же пушистые полотенца в ванной.

Все было на своих местах.

Я бросилась вниз по ступеням, как обычно перепрыгивая через две последние. На обеденном столе лилейники в отвратительной зеленой вазе, что я сделала в седьмом классе для мамы. Солнечные очки отца на столике у входной двери. Запах сирени и стирального порошка «Тайд»...лучшие во всем мире... окутали меня с ног до головы. Из колонок доносился голос Пола Саймона.

Сердца и Кости.

Мамина любимая.

Я услышала, как в кухонную дверь скребется Хамлоф, а вот он уже бежит ко мне через гостиную. Внезапно, он оказывается в моих объятиях, облизывая мое лицо, кажется, я сейчас

умру от счастья.

— Хэммииииииии!

Он выл и гавкал так, словно меня очень долго не было дома, что, по сути, было правдой.

— Да что с ним такое? — в гостиную зашел Джек и плюхнулся на наш огромный диван с Нинтендо.

О, Джек.

На глаза навернулись слезы, когда я вспомнила Сэма... его маленькую веснушчатую мордашку. Он так сильно скучал по своему брату.

В мгновение ока, я бросилась к нему и, обняв, принялась целовать своего маленького братишку, пытаясь возместить ему поцелуи и объятия на всю оставшуюся жизнь. (Я возместила их сполна.) Он завопил и мы, смеясь, скатились на ковер, впрочем, никто из нас не почувствовал боли.

— Бри и Джек Иган, хватит! — Рассмеялась Мама, выходя из кухни и вытирая руки о полотенце. Я подняла голову. Темные волосы и очки. Высокие скулы и светло-зеленые глаза. Она была такой красивой. Я мгновенно подлетела к ней и упала в ее объятия.

— Бри! — воскликнула она, когда я на скорости врезалась в нее, чуть не сбив с ног.

Мне было плевать. Я обняла ее еще сильнее, чем за все те годы. И она заметила.

— Милая? — Она потрогала мой лоб. — Ты себя хорошо чувствуешь?

Все что я смогла сделать, это кивнуть. Я разревелась, не в силах ответить что-либо.

Она отодвинулась и обхватила мое лицо ладонями.

— Ох, милая. — Она убрала пряди волос с моих глаз. — Почему ты плачешь?

Это, правда, ты? Это на самом деле ты?

Я помотала головой.

— Извини, — задыхаясь, произнесла я. — Я так сильно по тебе соскучилась. — Я снова обняла Маму, не желая отпускать ее. Никогда.

— Ты скучала по мне? — Рассмеялась она, захваченная врасплох моей внезапной реакцией. — С каких это пор? Целых тридцать минут в разлуке? — Она снова обеспокоенно посмотрела на меня. — Милая, надеюсь, ты не заболела.

Я отрицательно покачала головой.

— Ты сегодня его оденешь? — промурлыкала она в мои волосы. — Мне нравится это платье.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, не двигаясь. — Куда надену?

Она хихикнула.

— Вау. Ты и вправду странно себя ведешь. Это ведь не из-за сегодняшнего свидания? С твоим особенным парнем.

Парнем?

Мама показала на большие часы, висящие на стене кухни.

— Милая, разве Джейкоб не заедет за тобой в восемь?

Я отпрянула и ощутила, как бледнею.

— Какой сегодня день?

На этот раз я заработала странный взгляд.

— Четвертое октября, — Она скрестила руки. — Ладно, вот теперь я волнуюсь. Что с тобой происходит?

Я забежала на кухню и схватила газету со стола. 4 Октября, как она и сказала. Я проверила еще раз, и крик ужаса застрял у меня в горле.

4 Октября, 2010.

Прошлый год.

Потом меня осенило.

Я переживаю его. Я НА САМОМ ДЕЛЕ переживаю вечер, когда я умерла.

Я отбросила газеты и медленно повернулась.

— Я не очень хорошо себя чувствую.

— Похоже на то. — Мама начала собирать разбросанные в беспорядке страницы. — Послушай, милая, я могу позаботиться об этом. Может, позвонишь Джейкобу и все отменишь?

Джейкобу?

— Он жив? — прошептала я.

Она странно посмотрела на меня.

— Бри, это не смешно. Не шути подобными вещами. — Она стала вынимать все чистое столовое серебро. — Послушай, я все понимаю, но было бы весьма кстати, если бы ты помогла мне прибраться на кухне, когда вернешься, ладно? — Она открыла ящик со столовыми приборами и начала раскладывать предметы. Ножи и вилки слегка звякнули, когда она сложила их обратно. — И не забудь, мы с Папой хотим, чтобы ты вернулась к одиннадцати. Я серьезно, если появишься секундой позже комендантского часа — дай нам знать.

— Но я не...

— Никаких но. — Ее тон был строг. — Для таких случаев мы и купили тебе телефон. А не для смс-сок Сэйди и прочим подружкам во время уроков. Позвони, если задержишься, пожалуйста. Или, как на счет этого? — Она скрестила руки. — Ну, так как?

Джек вбежал в кухню, словно мини-торнадо, Хамлоф вприпрыжку прибежал за ним. Он распахнул холодильник и вытащил полбанки Капри Сан, который я тут же выхватила у него из рук.

— Мммм! — сделала я глоток. — Боже, как вкусно.

— Эй! — Джек сложил руки на груди. — Мам!

— Бри, не дразни брата. Тут еще целая коробка; возьми свой, милая.

Я отдала напиток обратно брату.

— Извини, чувак. Просто выглядит аппетитно, не смогла устоять.

В этот самый момент, я услышала, как открывается гаражная дверь. Звук двигателя, затем он стихает. После шага, поворот дверной ручки, а потом...

— Эй, приятель. О чем мы с тобой вчера говорили? — Отец, одетый в белый докторский халат, зашел на кухню, держа в руках несколько пакетов с овощами. Хамлоф подпрыгнул.

— А? — промямлил Джек, допивая остатки Капри Сан.

— Твой велосипед?

Джек остановился на мгновение, пытаясь вспомнить. Затем на его лице появилась самая милая на свете ухмылка.

— Упс! Забыл! — Он рванул на улицу, чтобы загнать его обратно в гараж.

— Как прошел день, милый? — Мама чмокнула Отца в губы, забирая пакеты из его рук. — Спасибо за покупки. — Она оглядела содержимое пакетов. — Милый, ты купил баклажаны?

— Ага. — Кивнул он, не поднимая головы и просматривая почту.

Папа.

Я сурово уставилась на него, сложив руки на груди. По-прежнему красавчик. Волосы коротко подстрижены, лицо выбрито. Но, даже не смотря на то, что часть меня умерла, я мечтала обнять его..., ведь он мой папа, в конце концов... я просто не могла заставить себя сделать это. Вместо этого, я запрыгнула на кухонную стойку, и начала пинать ногой шкафчик. Достаточно громко, чтобы Папа обратил на меня внимание. Когда его глаза встретились с моими, он улыбнулся. Подошел и поцеловал меня в лоб.

— Добрый Вечер, Мисс Моцарелла.

Я отодвинулась.

Хорошая попытка.

Он выглядел озадаченным и немного обиженным на мое прохладное отношение.

— В чем дело? — Он посмотрел на Маму. — У нас проблемы с мальчиком?

Ой, даже НЕ СМЕЙ заикаться об этом. Слышишь? Не смей!

Она покачала головой, заглядывая в холодильник.

— Не уверена. Но она точно себя немного странно ведет сегодня.

Я решила произвести впечатление Подростка — Бунтаря.

— Нет. — Сердито буркнула я Папе, злая на него заранее зная, что он сделает с нашей семьей.

А после раздался звонок в дверь. Я подняла голову и ощутила внезапный страх. Мама направилась в коридор.

Нет. Прошу, не открывай.

— Я посмотрю, кто это! — услышала я вопль Джека, который бросился к входной двери. — Сырок! — закричал он. — Это Джеееееейкоб!

— Не думаю, что мне стоит идти, — выпалила я, чувствуя себя полнейшей идиоткой. — Мне домашки много задали.

Мама и Папа посмотрели на меня так, словно у меня появился третий глаз.

— Милая, ты нам все уши прожужжала про это свидание, — сказала Мама. — Вы прекрасно проведете время.

Эм, не совсем.

Но на меня что-то нашло. Руки и ноги начали двигаться против моей воли, словно я превратилась в радиоуправляемый гаджет. Я спрыгнула со стойки. Против воли прошла через гостиную ко входной двери.

— Нет, нет, нет, — шептала я. Сквозь занавески я уже видела знакомый силуэт. Он стоял на крыльце. Кто-то, кого я совсем не ожидала увидеть. Даже сквозь занавески я увидела, как он хмурится. Он явно нервничал. Быть может, он тоже не хотел этого свидания.

Я его не винила.

Рука коснулась дверной ручки.

Прекратите это.

Медленно начала поворачивать.

Прошу, не надо. Я хочу остаться.

Но когда я, наконец, открыла дверь..., не важно, как сильно я пыталась бороться с чувствами..., у меня все же перехватило дыхание. Его глаза были словно океан.

Перед грозой.

Глава 45

Как спасти жизнь

Мы молча подъехали к ресторану. Вся поездка была настолько сюрреалистичной, что я, в буквальном смысле, время от времени щипала себя, чтобы поверить во все происходящее.

Я в его машине.

УЩИПНИТЕ МЕНЯ.

Я на самом деле в Его Машине.

УЩИПНИТЕ МЕНЯ.

Он здесь. Я здесь. И вот мы снова в его машине.

УЩИПНИТЕУЩИПНИТЕУЩИПНИТЕ МЕНЯ!

— Ай! — щипая себя, я перестаралась.

Джейкоб бросил на меня веселый взгляд.

— Ты в порядке?

Я нервно кивнула.

— Ага. Абсолютно.

За исключением маленького факта, что это было абсолютной ложью. Ладони вспотели, сердце неистово билось, ноги отбивали нервную чечетку... уверена, что даже глаз у меня дергался.

— Ты уверена? Выглядишь странно. — Он откашливается и бросает на меня пару взглядов, пока мы едем к Паста Мун.

Я пыталась успокоиться. Я знала, что за этим последует, и мне было страшно.

Мой шанс. Мой единственный шанс. Что, если я скажу что-то не то? Что, если он не захочет меня слушать?

Я украдкой наблюдаю за ним, подмечая все детали, которые не заметила с первого раза. Как он откашливается, прежде чем заговорить. Как переключает радиоканалы. То, как смотрит на меня краем глаза.

Наконец, мы заезжаем на парковку, находим свободное место и входим в ресторан. Он даже не взял меня за руку. Официантка проводила нас к нашему столику, и мы заняли свои привычные места, прямо в углу зала, откуда открывался вид на весь ресторан.

Мы заказали те же напитки и закуски, что и всегда: жареные кальмары и сырные палочки; но я так сильно волновалась, что едва ли съела хотя бы кусочек.

Я была не единственной.

Джейкоб нервничал больше меня. Он устроил настоящий беспорядок: пролил соус себе на рубашку и на стол. Когда принесли наши заказы, я минут десять наблюдала, как он гонял по тарелке свои креветки, прежде чем набраться смелости и заговорить.

— Бри?

Вот оно.

— Да?

— Я должен тебе кое в чем признаться.

Я уставилась на него, не говоря ни слова.

Его голос дрогнул, и я увидела в его глазах страх. Переживая все это во второй раз, для меня стало очевидным, что он боялся причинить мне боль. Но сейчас это вылилось в нечто большее: он был весь объят ужасом, чего я не заметила в первый раз. Я увидела, как он

машинально накручивает пасту на вилку и глотает, не жуя, и я не удержалась от мысли, а знает ли Сейди о секрете, в котором он собирался признаться мне за ужином.

Что-то подсказывало мне, что ответ будет «да».

И честно говоря, от этого было обиднее всего. Знать, что Джейкоб, один из моих лучших друзей во всем мире, не доверяет мне. Потому что мое глупое сердце разбилось прежде, чем он успел договорить.

Ну, не на этот раз. Сегодня не мой вечер. Сегодня все ради него.

И на этот раз, я собиралась его выслушать. Кто знает, смогу ли я сказать или сделать нечто такое, что изменит будущее или даже прошлое. Ларкин не удалось изменить свою историю к лучшему. Также как и Патрику.

Но я все же должна попытаться.

Я потянулась к нему через стол и коснулась его руки.

— Что такое? — тихо спросила я. — Что с тобой происходит?

Он посмотрел на меня, его рука была ледяной и липкой, и я почти увидела, как его слова повисли в воздухе, словно дым.

— А? — спросил он. — Что ты имеешь в виду?

Я посмотрела в его глаза и попыталась сосредоточиться. Попыталась дать ему понять, что все будет хорошо. Что он в безопасности.

Все хорошо. Мне ты можешь сказать.

Он основательно помолчал. Он весь покраснел, и у него задрожали руки.

— Бри?

— Джейкоб?

Вот оно. Сейчас.

— Я не люблю тебя.

Я закрыла глаза, позволяя словам омыть себя. Обидные, но уже не настолько, как мне запомнилось. На этот раз боль была горькой, а не сокрушительной. Я расслабилась, когда поняла, что конец света после этого не наступит.

Я открыла глаза.

— То есть, — он осекся, — я люблю тебя. Правда, люблю. Но только... не в том смысле, как ты думаешь. — Он опустил взгляд на тарелку. — Наверное, я пытаюсь сказать, что не влюблен в тебя.

Я сделала глубокий вдох и подобрала по-настоящему правильные слова. Те, которые нужно было сказать еще в первый раз.

— Я знаю, Джейкоб. Все в порядке. Я тоже тебя не люблю.

Его глаза широко распахнулись.

— Что?

— Что слышал. Как ты и сказал, я тоже тебя не люблю.

— Не понимаю. — Он смотрел на меня так, словно я только что начала говорить на японском. — У тебя кто-то есть?

— Ага, — ответила я, не в силах сдержать улыбку. — Вроде того.

На мгновение, он отвел взгляд.

— Эй? — Я наклонилась к нему. — Ты в порядке? — Я осторожно подняла его подбородок рукой.

Наши глаза встретились; я увидела, что он был на грани слез.

— Мне жаль, — произнес он. — Я все испортил.

— Нет, — я покачала головой. — Все не так.

— Я ужасный человек.

— Нет же.

— Ты не понимаешь.

— Понимаю. — Я сжала его ладонь. — Ты можешь обо всем мне рассказать. Я твой друг. Я всегда буду твоим другом.

Он шмыгнул носом и вытер лицо салфеткой.

— Я не знаю, как признаться в этом.

— Просто скажи как есть.

Он понурил голову, разглядывая свою обувь, чтобы собраться с мужеством.

— Думаю..., думаю я — гей.

Затем я сделала то, что следовало сделать еще давным-давно. Я отодвинула стул. Пересела к нему и обняла его.

— Я, правда, рада, что ты мне сказал.

Он недоверчиво покачал головой, словно не верил мне. Или не понимал меня.

— Правда? На самом деле?

Я кивнула.

— Правда.

— То есть... ты меня не ненавидишь?

— Ну..., - я приложила максимум усилий, чтобы придать голосу больше раздраженности. — Может быть, немножко.

Он разволновался.

— О. — Неловко поерзав на стуле, он добавил. — Это имеет смысл. Я, пожалуй, пойду...

— Я схватила его за руку и улыбнулась.

— Я серьезно! Ты слопал последний кусочек пасты и даже со мной не поделился.

Он озадаченно посмотрел на пустую тарелку. Наконец, он рассмеялся.

— Ладно, ты меня подловила. Хорошая попытка.

Я хихикнула.

— Купи мне молочный коктейль, и мы в расчете.

Его голубые глаза посмотрели на меня, и я увидела в них благодарность. И облегчение.

— Спасибо, Бри. — Он приблизился и поцеловал меня в щеку, после чего сел, сделал большой вдох облегчения. — Я так боялся сказать тебе. Я был уверен, что ты больше никогда не заговоришь со мной. Что будешь вечно меня ненавидеть.

Я покачала головой.

— Невозможно.

Он улыбнулся и взял меня за руку.

— Ты самая лучшая на свете девушка.

— Нет, — тихо ответила я, с болью вспоминая о Патрике. — Едва ли.

В этот самый момент, резкая боль прошила грудь, и я сползла на стул.

Подождите. Нет. Что происходит? Такого не должно было случиться.

Я почувствовала, как сердце начало биться как сумасшедшее. Но мне удалось успокоиться. Я успела завершить свои дела.

— Бри? — голос Джейкоба стал взволнованней. — Что такое? Ты в порядке?

Прямо из ниоткуда боль стала настолько невыносимой, что я не смогла произнести ни

слова. Зрение загуманилось, и ресторан начал тонуть во мраке. Вокруг меня начали раздаваться странные голоса... как на Острове Ангелов..., я ощутила его руки на плечах, он пытался вернуть меня назад.

— Бри?! — закричал Джейкоб. — Скажи, что мне сделать. Что, черт подери, мне делать?!

— Будь собой, — прошептала я, сжимая его ладонь в последний раз. — Просто будь самим собой. — Еще один острый приступ боли прошел меня насквозь, и перед глазами возникло лицо Патрика.

Разве ты не знала, что я люблю тебя? Разве ты не знала, что я всегда любил тебя?

На мгновение, весь мир затих. Я открыла глаза. Ресторан исчез. Вместо этого, я стою на зеленом лугу неподалеку от шоссе, глядя на сияющий бескрайний океан. Над головой приветливо сверкает солнце, согревая плечи, а небо невероятно голубое: на горизонте всего одно или два маленьких облачка. Прекрасный летний день.

Что это еще такое?

Неужели я вернулась обратно в свой кусочек рая? Должно быть, так и есть. Такой прекрасный день попросту не может существовать в реальной жизни.

— Ангел? — окликает меня мужской голос. — Твоя карета подана.

Я медленно поворачиваюсь и вижу парня, сидящего на раздолбанном, но обожаемом мотоцикле. Я узнаю его короткие каштановые волосы. Поношенную серую футболку. Потертую кожаную куртку.

— По шоссе к опасности, — пропел Патрик, изображая игру на электрогитаре. Затем он завел мотор, но из глушителя с громким хлопком вылетело облако дыма. — Холостой выстрел, — закашлялся он, отмахиваясь. — Я такого не планировал.

Я рассмеялась.

— Надеюсь, ты не всерьез думаешь, что я залезу на эту штуковину. Потому что я точно этого делать не стану!

— Давай же, Лил, — позвал он. — Всего разок по шоссе. Тебе понравится!

Лил.

Потом я поняла. Лил, сокращённое от Лили.

Он улыбнулся, и в уголках глаз появились морщинки. О, эта улыбка. Я почувствовала, как моя решимость угасает.

— Нет, — отрезала я. — Не-а. Ни за что. И ноги моей не будет на этой смерто-машине.

— Давай же, — сказал он, уговаривая меня. — Всего одна поездка, и я куплю тебе молочный коктейль.

— Думаешь, можешь подкупить меня? — я покачала головой. — Это не сработает.

— Попробую еще раз..., - он подмигнул мне. — Я куплю тебе коктейль.

Мне этого было достаточно. Говоря о слабостях. Я подбежала и, смеясь, обняла его. Отодвинувшись, я посмотрела прямо ему в глаза; сегодня больше зеленых, чем карих... и чмокнула его в нос.

— Ох, ладно, — ответила я. — Всего разок проеду по этому твоему шоссе. Но на этом все!

Он просиял.

— Ты не пожалеешь, Ангел. — Он передал мне маленький черный шлем, и я запрыгнула на мотоцикл, обхватив руками его грудь и прижавшись к нему так крепко, как только смогла.

— Попридержи коней, Патрик Дарлинг. Или...

— Или что? — поддразнил он меня.

Я поддразнила его в ответ.

— Или я найду себе нового парня.

Он повернулся и посмотрел на меня через плечо, сверкнув самой очаровательной на свете улыбкой.

— Извини, Ангел. Но ты от меня так просто не отделаешься. — Затем он завел мотор, и я ощутила, как мотоцикл под нами ожил, рванув вперед.

— Помедленней! — завопила я, стукнув его. — Я серьезно!

Но по мере того, как мы набирали скорость, я почувствовала, как начинаю расслабляться. Плечи стали не такими напряженными, и я позволила себе закрыть глаза и представить, будто мы летим. Сочетание солнца и морского воздуха было опьяняющим. Я наклонилась и поцеловала Патрика между лопаток, ощущая себя счастливейшей девушкой на всем белом свете.

Потому что в данный момент так и было.

Я получила лучшее от двух миров. Я вернулась и исправила все в одной жизни, так что теперь у Джейкоба все будет хорошо. И теперь я стала девушкой, которой родилась изначально, обнимаю парня, который был предназначен именно мне.

Но затем меня осенило.

Солнце. Воздух. Дорога вдоль океана на сотни и сотни миль. С севера приближались грозные облака.

Секундочку.

Я открыла глаза.

Прошу, только не грозные облака.

Но вот они, тут как тут. Они молчаливо расползались над горами, огромные и серые, похожие на чудовищ. Прямо как в моем кошмаре.

Нет. Прошу, Боже, нет.

Правда накрыла меня с головой, будто тонна тяжелой стали. Я была наивной, считая, будто смогу пережить лишь одну свою смерть. Потому что я снова переживала этот самый момент.

— Патрик! — закричала я, пытаюсь перекричать ветер. — Разворачивайся! Нам нужно возвращаться!

— Что? — закричал он. — Я тебя не слышу! — На долю секунды он повернулся ко мне, пытаюсь понять, что я говорю.

К сожалению, потребовалась всего лишь секунда.

Я услышала рев клаксона и визг тормозов, прежде чем увидела сам грузовик, который к нам наперерез. Я ощутила, как кровь стынет в жилах, в замедленной съемке наблюдая, как весь наш мир рушится. Меня охватывает настоящий шторм из пламени, битого стекла и металла, когда мы падаем с мотоцикла. А после я лечу по воздуху, ощущая запах горящего топлива, моих горящих волос и надежд, которые также стремительно сгорают в огне.

— Ангел. — Я услышала его голос через тысячи миль. — Где ты? Прошу, не покидай меня.

Обжигающая жидкость скользит по горлу..., и в самом конце я вспоминаю список Патрика.

Последнее слово из списка.

Принятие.

Я увидела, как нож Ларкин сверкнул в лунном свете, в дюймах от моей кожи.

— прах от праха...

Прошу.

— земля к земле...

Нет, прошу, хватит.

— ... да упокоится она с миром.

Я увидела, как сверкнула молния и ощутила единственное, что у меня осталось. Мое сердце.

Моя душа.

Я ощутила, как меня охватывает до боли знакомое пламя боли, и я кричу, умоляя о смерти..., прошу, пусть кто-нибудь прекратит мои муки. Где-то вдалеке слышится пронзительно-страшный вой сирены. Все громче и громче, громче и громче, до тех пор, пока у меня не возникает ощущение, что барабанные перепонки вот-вот лопнут. Пока, наконец, я не ощущаю, что чьи-то руки обнимают меня. Спасательный круг, который спасает меня от жгучей, оупляющей боли.

Теплые, безопасные, знакомые руки.

Я снова открыла глаза.

Папа.

Он плакал.

— С тобой все будет в порядке, малышка. Все будет хорошо.

Я услышала голос в неотложке, кричащий по радиации ВНИМАНИЕ-ВНИМАНИЕ! пока мы неслись по улицам Сан-Франциско. Я увидела страх в глазах отца, и услышала срочность в голосе водителя, пока он говорил по радио, извещая больницу о нашем скором прибытии.

Девушка. Пятнадцати лет. Острая кардиомиопатия.

— Пап?

— Я здесь, Бри. Я никуда не уйду.

Я так долго злилась на него. Злилась невообразимо. Мысль о том, что он обзаводится новой семьей, разбивала мне сердце снова и снова. И не только мне: Маме, Папе, Джеку и даже Хамлофу; разрушало все то, чем мы когда-то были. Но глядя на него в скорой помощи, у меня сложилось куда более лучшее представление о том, почему он сделал то, что сделал. Я по-прежнему не одобряю этого..., я не принимаю этого... но, благодаря Ларкин, я, наконец, поняла.

Порой, воспоминания ранят.

Видеть отца таким..., как сильно он убивается и как сильно любит меня, независимо от всех тех ошибок, что он совершил...,я просто не могу не простить его. Мне просто необходимо простить его, никто не идеален.

Действительно, кто?

Я решила, что раз уж я заслужила второй шанс, то и он тоже. Я сжала его ладонь в ответ так сильно, как только могла. Ощущая, как последняя слезинка бежит по щеке, падая на плечо. И когда мое сердцебиение на кардиомониторе начало угасать, я посмотрела отцу прямо в глаза и осмелилась загадать последнее желание. Я знала, что это вряд ли что-то изменит. Но я все еще могла надеяться.

— Позаботьтесь друг о друге.

И после этого я умерла.

Глава 46

Все что тебе нужно — это любовь

Я шла сквозь ночь, туман, дождь и звездное небо, пока не добралась до своего дома.

Магеллан Авеню, 11

Вот он, край нашей подъездной дорожки. У меня осталось еще одно незаконченное дело.

Медленно, я начала подниматься по холму к своему дому. Мимо желтых и белых бегоний у дороги. Мимо изгороди, где Папа однажды нашел гнездо голубых соек. Мимо дуба, на котором Джейкоб вырезал наши инициалы своим швейцарским ножом. И один за другим, в свете фонарей, все призраки вышли поиграть.

Я увидела, как Джек катается на трехколесном велосипеде, что бабушка с дедушкой подарили ему на день рождения. Я, тринадцатилетняя, катаюсь на роликах. Эмма, Тесса, Сейди соревнуются в бесконечной битве по вращению обруча. Папа моет машину, обрызгивая маму из поливочного шланга, когда та попыталась забрать почту. Они вдвоем, промокшие. Смеющиеся. Счастливые. Блики солнечного света проглядывают сквозь северные калифорнийские облака. Хамлоф лая, бегаёт кругами, пытаюсь укунить струю воды. Я слышу это, вижу это и чувствую все это: все воспоминания вспыхивают и искрятся вокруг меня.

Мое вчера, мое сегодня и мое навсегда.

Я повернулась и увидела, как стоя на краю газона, за мной наблюдает Патрик. Мой желудок совершил тройное сальто с переворотом, когда он направился ко мне.

— Как? — спросила я его. — Как ты сюда попал?

— Скажем так, Дама с Кроссвордами оказала мне довольно большую услугу после моей помощи в решении загадок. — Он окинул меня озорным взглядом. — Впрочем... она упоминала что-то вроде нужно всегда пользоваться карандашом. Чтобы это ни значило.

Я не могла поверить тому, что он говорит. Неужели Патрик наконец-то свободен? Свободен по — настоящему?

— Она простила тебя, даже не смотря на то, что ты — Заблудшая Душа? — едва дыша, спросила я. — Ей под силу такое?

— Нее. — Он отмахнулся. — Я просто пошутил. Дама с Кроссвордами ничего не делала. — Он помолчал. — А вот ты сделала.

Я почувствовала, как щеки заливают румянец, и быстро опустила голову, глядя себе под ноги. Патрик нежным прикосновением поднял мой подбородок.

— Наверное, Вселенной, быть может, под силу разглядеть нечто хорошее, стоит только ей повстречаться с этим, — произнес он, улыбаясь. — Или это, или нашу ужасную карму отменили.

Я рассмеялась.

— Мне нравится первый вариант.

— Это и есть первый вариант! — Он всплеснул руками и повеселел. — Теперь есть что рассказать внукам.

— У нас же все будет прилично, без возрастных ограничений? — поддразнила я его.

— Ну, — он притянул меня ближе, — детям до тринадцати.

Затем он поцеловал меня. И... вау. Просто вау.

Ладно, Да. Я определенно буду тысячи раз воспроизводить его у себя в голове. Да, да да.

Тем лучше для меня, раздался в моих мыслях голос Патрика. Он наклонился для еще одного поцелуя.

— Эй! — Я увернулась в самую последнюю секунду. — Больше никаких поцелуев, шпион!

— Вот уж нет, маленькая леди, — ответил он. — Твои мысли слишком интересные. — Он снова наклонился и на этот раз, как говорится, от судьбы не убежишь.

После доооооолгой серии поцелуев, мы, наконец, приготовились ко встрече с моими старыми воспоминаниями. Я знала, что он тоже их видит. Я знала, что он поймет.

Он кивнул мне, подбадривая.

— Не торопись. Я буду ждать тебя здесь.

— Нет, — произнесла я. — Идем со мной.

Мы поднялись по ступеням, наконец, остановившись у входной двери. Это было странно. Я столько раз стучалась в нее, что уже даже не знала, чего ожидать. Я сделала глубокий вдох и медленно потянулась к двери. На этот раз, металлическая ручка повернулась с первой попытки.

Дом был тих. Стояло раннее утро. Мы прошли через гостиную и поднялись по ступеням на второй этаж, где я увидела открытую дверь в родительской спальне. Я осторожно заглянула и увидела три пары ног (четыре, если взять во внимание Хамлофа), торчащих из-под кремового одеяла, под которое я забиралась миллион раз. Но я прослезилась, когда увидела всех их вот так вместе.

Мама.

Джек.

И папа.

— Он здесь, — прошептала я. — Он там, где ему и полагается быть.

Мое желание исполнилось. А это главное.

Я наклонилась и поцеловала его в щеку, затем прошла к маминой стороне кровати.

Ох, Мама.

Она была такой красивой, и как всегда уснула в очках. Я сосредоточила свою энергию и аккуратно сняла их, не издав при этом ни звука. Она шевельнулась, пока я клала их на место у прикроватного столика, но все же не отпустила Джека, которого обнимала во сне, а он свернулся калачиком в пижаме с Бэтменом, которую я подарила ему на Рождество. Он стал уже совсем большой, пижама стала ему коротковатой. Я сразу вспомнила Алису из Страны Чудес, которая съела гриб и выросла.

По какой-то причине, я не могла не почувствовать облегчение, зная, что мой брат меня не забудет. Даже когда он станет совсем взрослым, заведет семью, у него все равно сохранятся воспоминания об этой пижаме. (Но на всякий случай, я сделала мысленную пометку организовать анонимную почтовую доставку на Рождество.)

Я протянула руку и погладила Хамлофа.

— Хороший мальчик. — Его уши дернулись, и он перекатился животом кверху, продолжая похрапывать. Надеюсь, ему снилась я.

На мгновение, наблюдая, как поднимается и опадает его грудная клетка, меня охватило ощущение покоя. В каком-то смысле, мне удалось переписать историю моей семьи. Я

умерла, но Папе удалось найти другой способ, чтобы справиться с горем. И этот способ не предполагал другую женщину.

С ними все будет хорошо. С нами все будет хорошо.

— Держи. — Патрик протянул мне мой кулон, такой же сияющий, как и в первый день покупки, не смотря на все, через что ему пришлось пройти. — Почему бы тебе не оставить его им?

Внезапно, я ощутила замешательство. Я пожертвовала кулоном, чтобы он смог стать свободным... чтобы Патрик смог двигаться дальше. Неужели он хочет отдать его?

— Но он твой, — сказала я. — Я отдала его тебе.

— Он мне не нужен. — Он накрыл сердце своей рукой. — Теперь у меня есть настоящее. А это гораздо лучше.

Я покраснела в восьмидесятый раз и провела пальцем по золотому сердцу. Идеально теплое. Идеально гладкое. Я нежно поцеловала его и положила на родительский комод, рядом с фотографией семьи. У меня было ощущение, что они будут знать, что это от меня.

Прежде, чем я повернулась, чтобы уйти, что-то привлекло мое внимание. Фотография в черно-белой рамке, которой по моему разумению, я никогда не видела прежде. Я наклонилась, чтобы получше ее разглядеть.

Секундочку. Ведь это невозможно. Так?

Из-под стекла мне улыбались Эмма, Сейди и Тесса: все в красивых платьях под миллионом сияющих праздничных огней. Над ними самодельный баннер (украшенный миллионом разновидностей сыра) прямо через всю комнату.

ПСШ + ВЫПУСКНОЙ БАЛ 2011

В ПАМЯТЬ О БРИ ИГАН.

(МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, БРИ!!!!)

— БО. ЖЕ. МОЙ. — Я повернулась к Патрику. — Кажется..., кажется, мои друзья устроили мне сырный выпускной. — Наши глаза встретились и через секунду мы разразились истеричным смехом. Без сомнения, это была самая необычная вечеринка в мою честь.

Патрик, наконец, перевел дыхание и показал на рамку с фото.

— Так, кто же этот счастливчик?

— Кто? — спросила я, до сих пор хихикая. — Какой еще счастливчик? — Я снова пригляделась.

— На заднем плане. — Я пару раз ущипнула себя, чтобы удостовериться, что не сплю в старой кабинке за столиком в «Куске». Но нет, щипки были болезненные. Я не брежу. По-прежнему в комнате своих родителей, и определенно всматриваюсь в самую лучшую фотографию всех времен и народов. И по какой же причине она лучшая, спросите вы? Потому что на ней, позади моих подруг, с самой очаровательной улыбкой, стоял Джейкоб.

Я была ошарашена. Как я упустила его из виду? Смокинг, поняла я. Он был одет в смокинг. Глаза наполнились отчаянными счастливыми слезами.

— Какой сейчас день? Что за месяц?!

Патрик бросил торопливый взгляд на Папины электронные часы на прикроватном столике.

— Июнь. Двенадцатое июня.

12 Июня. 12 Июня. 12 ИЮНЯ.

Я снова посмотрела на фото, чтобы убедиться, что у меня нет галлюцинаций.

— Это он, — прошептала я. — Это, правда, он.

Моя первая любовь и он улыбался. И что самое главное, он был жив. Это фото было тому доказательством. Наш бал уже прошел. И Джекоб Фишер дожил до него.

Он жил.

Я обняла Патрика, вдыхая запах его мягкой кожаной куртки и ощущая, что все в мире встало на свои места.

В моем странном, совершенном мире.

Он нежно поцеловал меня в лоб.

— *Esse potestas casei.* Остерегайся силы сыра.

Мы немного задержались, наблюдая за тем, как спит моя семья, но, наконец, все же вышли обратно в коридор, закрыв за собою дверь с тихим щелчком. Я прошла мимо ванной и туалета, мимо комнаты Джека. Лишь к одной комнате. Одинокая дверь слева терпеливо ждала в конце коридора. С надписями: «Ушла по делам», «Посторонним вход воспрещен» и «Никого нет дома».

Но теперь я дома.

Я открыла дверь своей комнаты, и меня обдало облаком ледяного воздуха. Ковер из псевдо-лепестков роз захрустел под ногами, когда я вошла. Моя комната. Моя кровать. Мои окна, книжные полки и ряды книг, и даже одеяло, под которым я спала каждую ночь, высунув наружу одну ногу. Мое детское одеяльце: желтое с маленькими желтыми пушинками, в которое я заворачивалась клубочком, прежде чем уснуть.

Комната была темной, пыльной и до жути тихой. Спящая гробница, в которой похоронены плохие сны, разбитые сердца и грустные воспоминания. В мое отсутствие никто не смел сюда ступить.

Я подошла к креслу на подоконнике, когда-то уютному и полному подушек, где Джек и я играли в настольные игры. Сейчас подушки были аккуратно сложены в уголке. Занавеси задернуты. Окна заперты. Поэтому я открыла их.

Я отодвинула занавески и попыталась открыть окна. Они застряли, вероятно, рамы разбухли от сырости, поэтому я дергала до тех пор, пока, наконец, не услышала, как ставня начала подаваться.

Давай, давай.

Я ощутила, как она сдвинулась еще больше.

Открывайся, открывайся же.

На лбу появились капельки пота.

Ну же. Да открывайся же ты.

Я услышала треск и вскрикнула, когда окно распахнулось, и на меня подул теплый утренний ветерок, такой яркий, полный цвета, музыки, энергии, смеха и прощения. Стены моей комнаты заскрипели и застонали, потолок прогнулся, насколько это вообще возможно. Дом вдохнул, выдохнул, затем снова вдохнул в себя новую жизнь и тепло. Затем, я ощутила его сердцебиение. Пульс. Воспоминания. Пробуждение.

Я опустила на ковер, сделала глубокий вдох. Закрыла глаза и попыталась ухватиться за свою историю. Попыталась запомнить каждую мельчайшую деталь. Чтобы уже никогда не позабыть ее. Даже через тысячи жизней.

Я запомнила звук колокольчиков, которые Папа повесил за моим окном несколько лет назад. Каким прохладным и колючим был ковер, если лечь на него голой спиной. Едва

заметный запах яблок. Мама всегда говорила, что в моей комнате пахнет яблоками.

Внезапно, я ощутила, как ко мне прикасается и дразнит луч света. Открыв глаза, я заметила крошечное сияние, танцующее на дальней стене. Это отразалась старая золотая рама зеркала, что повесили над моим комодом. За стеклом был лист бумаги, а на нем стихотворение дедушки, которое он написал мне на мой последний день рождения. Пятнадцатый.

Я поднялась и подошла к листку. Края рамы были позолоченными, потрескавшимися, знакомыми. Я едва смогла увидеть свое отражение в сияющем зеркале. Мне удалось разглядеть длинные темные волосы. Порозовевшие щеки. Зеленые глаза. Немного старше. Немного мудрее. Я потянулась и коснулась зеркала, проводя кончиками пальцев по своему отражению.

По словам Мама, я была красавицей. Как бы мне хотелось ей верить. Как бы мне хотелось снова сказать им всем, как много они значат для меня. И всегда будут. Но больше всего, мне бы хотелось, чтоб они узнали, как мне повезло, что все они у меня были.

Жить. Любить. Быть любимой. Чего еще может желать девушка?

— Ангел, — услышала я шепот Патрика.

В это самое мгновение, я поняла: время пришло. И я, наконец, была готова.

В моей груди появилось чувство, не острой обжигающей боли, когда я поняла, что умерла, а дружеского тепла и света, пронзающего меня и исцеляющего мое разбитое сердце. Из-за слез и предательства Джейкоба и Сейди, которое было ложным. Теперь я это знала.

Я упала на колени, когда комната вокруг меня стала вращаться и раскачиваться. Меня окружил мягкий поток воздуха, и я посмотрела вниз, чтобы увидеть, что я исчезаю.

Меня окружил голос Патрика.

Возьми мою руку.

Я приняла ее.

Затем, в свой самый последний миг на земле, взгляд остановился на последних строках стихотворения моего дедушки..., особых строках, которых я никогда по-настоящему не понимала, до настоящего момента.

И хотя я все их знала наизусть, я прочла слова вслух.

В разгаре счастья или же отчаянья

в горести или в радости

в счастье и в боли:

Поступай правильно и будь с собой в ладах.

Нет в жизни большего дара, чем мир,

за исключением любви.

Пусть любовь будет всегда с тобой.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

[←1]

Уэсли и Лютик — персонажи романтического фильма «Принцесса-невеста» («The princess bride», 1987); Гарри и Салли — персонажи фильма «Когда Гарри встретил Салли», 1989; Элизабет и мистер Дарси — персонажи романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение» (здесь и далее прим. ред.).

[←2]

Пикси — крохотные лесные феи в английской мифологии.

[←3]

BEST — Brie, Emma, Sadie, Tess.

[←4]

Большая Птица — персонаж детской телепередачи «Улица Сезам».

[←5]

Джюльярд — одна из старейших и престижнейших драматических школ Нью-Йорка.

[←6]

Invisalign — современная невидимая брекет-система для зубов.

[←7]

Игра слов. Имя подруги главной героини Сейди — Sadie, героиня коверкает ее имя, называя ее Садисткой — Sadist.

[←8]

break a leg — здесь игра прямого и переносного значения: дословно — сломай ногу; в переносном значении — пожелание удачи. Выражение пошло из театральных кругов; так актеры желали друг другу удачи перед спектаклем, чтобы не «сглазить».

[←9]

Речь идет о девочке Дороти из сказки «Волшебник Страны Оз».

[←10]

America's Next Top Model — американское телевизионное шоу.